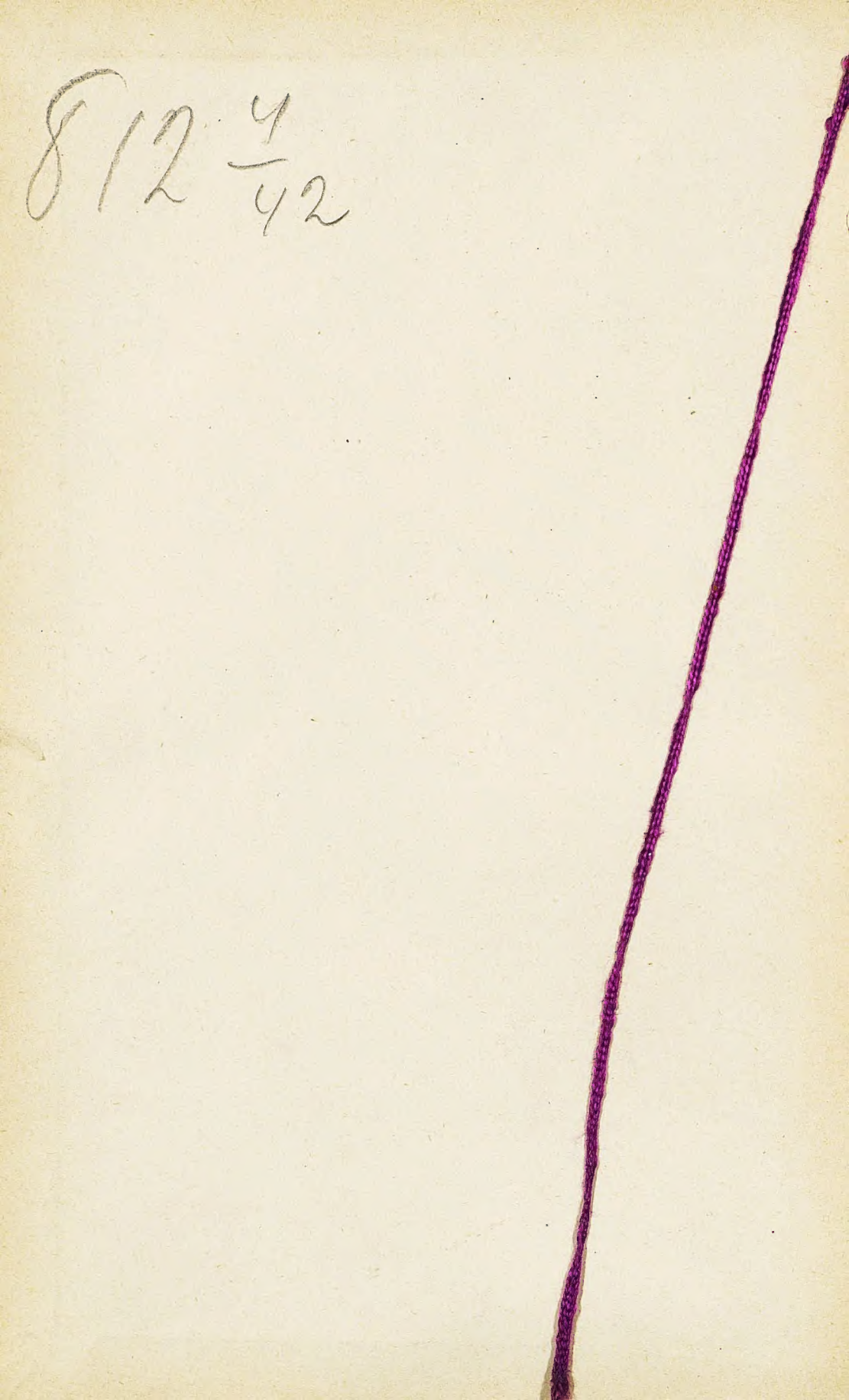
Б12 4/42

812 4/42



ОТНОШЕНІЯ
ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЦЕРКВИ
И
ОБЩЕСТВА
КЪ ЛАТИНСКОМУ ЗАПАДУ (КАТОЛИЧЕСТВУ).

(X — XV в.)

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Свящ. А. Синайскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Акціонернаго Общества „Издатель".
Невскій проспектъ, № 68—40.
1899.

ОТНОШЕНІЯ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЦЕРКВИ

И

ОБЩЕСТВА

КЪ ЛАТИНСКОМУ ЗАПАДУ (КАТОЛИЧЕСТВУ).

(X — XV в.)

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Свящ. А. СИНАЙСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Акціонернаго Общества „Издатель".
Невскій проспектъ, № 68—40.
1899.

Отъ Спб. Дух. Ценз. Комитета печатать дозволяется. Спб., 28 Іюля 1898 г.
Цензоръ Архимандритъ *Порфирій.*

Гос. Истор. Муз. Б-ка
Инвент. № 291821
„ 193 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составленный на основаніи достовѣрныхъ источниковъ нашъ очеркъ можетъ быть не лишнимъ при обсужденіи современнаго церковно-культурнаго вопроса о сближеніи и единеніи христіанскихъ обществъ различныхъ вѣроисповѣданій. Изъ содержанія очерка можно усматривать какъ причины, препятствовавшія древне-русской церкви войти въ сближеніе съ христіанами католическаго вѣроисповѣданія, такъ и послѣдствія недружелюбныхъ отношеній. На основаніи долговременнаго опыта вполнѣ можно убѣдиться въ томъ, насколько сильны были у послѣдователей обѣихъ церквей взаимныя нерасположенія и недоразумѣнія, продолжающіяся и до настоящаго времени, но уже въ смягченномъ видѣ. Кто желаетъ всесторонне и безпристрастно обсуждать вопросъ о возстановленіи утраченнаго единенія между христіанами различныхъ вѣроисповѣданій, тотъ долженъ не столько обольщаться надеждою и разсчетами на добрыя, но гадательныя, послѣдствія въ будущемъ отъ предполагаемаго союза въ духѣ первоначальной апостольской церкви, сколько руководиться опытомъ исторіи; хотя историческій опытъ и мало даетъ утѣшенія и воодушевленія идеальнымъ дѣятельнымъ примиренія, зато онъ сдерживаетъ легкіе и преждевременные порывы

многихъ, заставляя насъ признавать причины историческихъ явленій и событій за нѣчто постоянное и твердое, а не случайное и легкое... Тотъ же опытъ поучаетъ и тому, что близость отношеній между христіанами неодинаковаго образа убѣжденій и жизни не ручается за успѣхъ въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія. Отдѣльное замкнутое существованіе частной церкви содѣйствуетъ своеобразному внутреннему устройству; запоздалое развитіе церкви можетъ вознаграждаться прочностью ея внутреннихъ устоевъ и благопріятныхъ условій къ дальнѣйшему ея существованію, благодѣтельному вліянію на общество и др. иновѣрныя церкви.

А. С.

С.-Петербургъ,
10 декабря, 1898 г.

Отношенія древне-русской Церкви и общества къ латинскому западу.

Вопросъ объ отношеніи древне-русской церкви къ латинству представляется, повидимому, настолько извѣстнымъ, что новыя изслѣдованія о немъ могутъ показаться излишнимъ и напраснымъ повтореніемъ. Такъ казалось и намъ, когда мы *приступали* къ знакомству съ предметомъ, но совершенно иное мнѣніе вынесли *послѣ* изученія дѣла. Изъ вопроса чисто внѣшняго, дополнительнаго, какимъ можетъ и дѣйствительно считается вопросъ объ отношеніяхъ древне-русской церкви къ латинству, онъ является вопросомъ внутреннимъ и существеннымъ; изученіе его захватываетъ многія важныя стороны древне-русской жизни и дается не легко. Потребность въ изученіи этого вопроса видится уже изъ того, что о причинахъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ сложились взгляды и отношенія русской церкви къ латинству, существуютъ у насъ неодинаковыя мнѣнія. По мнѣнію однихъ, замкнутость и нерасположенность церкви къ латинству зависѣла отъ чисто внѣшнихъ случайныхъ причинъ, каковы—вліяніе на Русь всегда враждебныхъ къ католикамъ грековъ, татарское иго. По мнѣнію другихъ, характеръ установившихся взглядовъ и отношеній объясняется болѣе сложными, внутренними и внѣшними, причинами и условіями, каковы—причины вѣроисповѣдныя, культурныя, политическія и проч. Несмотря на серьезность, основательность и преобладаніе послѣдняго мнѣнія надъ первымъ, въ настоящее время мы не имѣемъ обстоятельнаго изслѣдованія объ отношеніи и взглядахъ древне-

русской церкви на латинство. Правда, гражданскіе и церковные историки всегда считали долгомъ говорить о бывшихъ между обѣими церквами сношеніяхъ, но разсужденія ихъ отрывочны и неполны: вмѣсто непрерывнаго послѣдовательно-хронологическаго изложенія внѣшнихъ фактовъ сношеній, мы имѣемъ отдѣльныя и какъ бы случайныя упоминанія о сношеніяхъ, пріуроченныя къ разнымъ періодамъ времени и перемѣшанныя съ другими вопросами исторіи; вмѣсто цѣльнаго представленія о существовавшихъ литературныхъ взглядахъ на латинство, въ цѣломъ его составѣ и частяхъ, мы имѣемъ выдержки изъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, не связанныя между собою единствомъ идеи и не поставленныя въ связь съ фактическою сторопою дѣла. Наша попытка состоитъ въ приведеніи разнообразнаго, сюда относящагося матеріала—къ единству *мысли*. Это одна сторона дѣла, формальная. Другая состоитъ въ томъ, что, по нашему мнѣнію, сношенія и отношенія древне-русской церкви къ латинству основывались на существовавшихъ въ древней Руси *взглядахъ* и *понятіяхъ* о латинствѣ и, слѣдовательно, были фактомъ не случайнымъ, а зависѣвшимъ отъ причинъ сложныхъ и постоянныхъ; во-вторыхъ, что эти отношенія, состоявшія въ замкнутости и нерасположенности ко всему латинству, существовали во весь древнѣйшій періодъ (X—XV вв.) исторіи, развиваясь, усиливаясь и осложняясь постепенно, въ послѣдовательномъ порядкѣ.

I.

Главнѣйшіе факторы, дѣйствовавшіе на образованіе взглядовъ и отношеній древне-русской церкви къ латинству.

Русская Церковь, какъ въ своемъ внутреннемъ развитіи, такъ и во внѣшней жизни, повторяетъ одну общую особенность, отличающую древнюю, первенствующую христіанскую церковь отъ христіанскихъ обществъ, существовавшихъ и вновь образовавшихся послѣ нея. Особенность эта усматривается въ томъ вліяніи, какое оказывали внѣшнія и вну-

треннія историческія условія на церковныя общества въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и взглядахъ. Мѣстныя, историческія и національныя условія, слабыя и почти поглощенныя глубокимъ и многосторонним развитіемъ религіознаго сознанія церкви первенствующей, кладутъ значительный отпечатокъ на духъ и направленіе церковныхъ обществъ послѣдующаго времени. Если національныя и историческія условія въ первые три вѣка давали тотъ или другой отпечатокъ и характеръ тому или другому церковному обществу, той или иной личности, ни мало не мѣшая ихъ внутреннему единенію, то въ послѣдующее время тѣ же самыя условія являются не малымъ недоразумѣніемъ и препятствіемъ къ взаимному общенію какъ цѣлыхъ христіанскихъ обществъ, такъ и отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Этимъ національнымъ условіямъ, вліявшимъ и вліяющимъ на взаимныя отношенія средневѣковыхъ и новѣйшихъ церковныхъ обществъ, суждено въ значительной степени развиться и въ русской церкви. Относясь сочувственно и единодушно къ православному востоку по дѣламъ церковнымъ, древне-русская церковь относилась замкнуто, уклончиво и нерасположенно къ латинствовавшему западу.

Отношенія древне-русской Церкви къ латинству начинаются и характеризуются разсказомъ первоначальной отечественной лѣтописи объ отвѣтѣ князя Владиміра латинскимъ миссіонерамъ относительно ихъ вѣры. „Рече Володиміръ: кая заповѣдь вѣры вашея? Они же реша: молитва и пощеніе по силѣ; и аще кто ястъ и піетъ, или что иное творитъ, да все во славу Божію творитъ. Рече же имъ Володиміръ: идите вы къ себѣ: отцы наши не пріяли суть сего“ [1]). Если можно (и не безъ основанія) сомнѣваться въ подлинности словъ, сказанныхъ будто бы Владиміромъ латинскимъ посламъ во время перемѣны княземъ языческой религіи на христіанскую, то нельзя не видѣть въ нихъ историческаго смысла, нельзя, говоримъ, не видѣть въ этихъ словахъ указанія на то, какія обозначились отношенія къ латинству у только-что начинавшейся Русской Церкви. Не многія, но характерныя слова Владиміра имѣли большое, могущественное значеніе

[1]) Нк. лѣт. 1.69.

для исторіи Русской Церкви и народа; эти слова мѣтко характеризуютъ не только время первоначальнаго возникновенія, но и дальнѣйшаго существованія и развитія Русской Церкви въ ея отношеніяхъ къ латинскому вѣроисповѣданію; слова Владиміра указываютъ на моментъ рѣшительный для всей послѣдующей древне-русской жизни русскаго народа; послѣдующее время какъ бы оправдывало данное вначалѣ направленіе [1]).

Отношенія древне-русской Церкви къ латинству состояли въ исключительности, отчужденности и замкнутости. Степень этой отчужденности соотвѣтствовала силѣ стремительности и открытой навязчивости, какою отличалась Церковь Римская въ отношеніи къ Русской, такъ что отношенія церкви русской къ Риму и ко всему тому, что извѣстно подъ общимъ именемъ латинства (или „папежества“, какъ выражались лѣтописцы [2]), можно назвать противоположными въ сравненіи съ ея отношеніями къ Церкви Греческой. Такъ какъ эти отношенія не были чѣмъ-либо случайнымъ, но происходили изъ очень сложныхъ причинъ и условій церковной и національной, государственной жизни членовъ Церкви, то характеристикѣ отношеній церкви къ латинству мы считаемъ умѣстнымъ предпослать краткій и общій обзоръ того, изъ какихъ элементовъ сложились эти отношенія.

Отношенія древне-русской Церкви къ латинству сложились подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ. Однимъ изъ внѣшнихъ факторовъ было продолжительное, постоянное и сильное вліяніе греческой Церкви. Нельзя сказать, чтобы Русская Церковь, юная и несамостоятельная, вообще, на первыхъ порахъ своего развитія, принимала и подчинялась греческому вліянію совершенно пассивно. Къ этому чужому вліянію долженъ былъ присоединиться національный оттѣнокъ и черты, долженствовавшія проявиться въ той, или другой степени, сознательно или безсознательно. Но этотъ оттѣнокъ получалъ опредѣленность и дѣйствительную основу подъ дѣйствіемъ другого, хотя внѣшняго, но

---

[1]) Прав. Обозр. 1870 г. 1 ч. 47.

[2]) Полн. соб. р. лѣт. 6, 167, 169.

сильнаго, продолжительнаго и постояннаго какъ первый вліянія, т. е. вліянія самого латинства на Русскую Церковь. Итакъ, на образованіе отношеній древне-русской Церкви къ латинству дѣйствовали три фактора: 1) вліяніе грековъ, 2) условія существованія и развитія національной Русской Церкви и 3) отношеніе къ послѣдней самого латинства. Трудно и почти невозможно провести рѣзкую, разграничительную черту между тремя указанными факторами, вслѣдствіе ихъ совмѣстнаго и взаимнаго дѣйствія одного на другой въ продолженіе всего древняго періода исторіи Русской Церкви. Эта трудность нѣсколько облегчается къ половинѣ древняго періода исторіи Русской Церкви, къ тому именно времени, когда дѣлается замѣтнымъ упадокъ вліянія грековъ на Русскую Церковь, когда послѣдняя сдѣлала значительный шагъ къ самостоятельности въ управленіи. Временемъ замѣтнаго упадка вліянія греческой церкви на дѣла русской (во второй половинѣ XV в.) мы и раздѣляемъ весь древній періодъ исторіи Русской Церкви, какъ самой по себѣ, такъ и въ ея отношеніяхъ къ латинству, опредѣляя весь древній періодъ тѣми дѣйствіями нашей церкви, въ которыхъ ея нерасположенность къ латинству достигла до nec plus ultra (988—1620 г.); дѣлить *такимъ образомъ* древне-русскій періодъ исторіи на двѣ половины мы имѣемъ и другія основанія: съ одной стороны возникновеніе въ началѣ XVI в. протестантства и конкуренція съ нимъ папства на окраинахъ Россіи, съ другой — условія образованія (устройства и составленія Московскаго) государства и его состояніе съ XVI в. представляются фактами, дѣйствія и послѣдствія которыхъ придали немаловажную особенность въ отношеніи древне-русской Церкви къ латинству въ продолженіе XVI в. Итакъ, разсмотримъ сказанные три фактора, чтобы вывести изъ нихъ тѣ отношенія, какія выработала и выразила Русская Церковь къ латинству.

1. Въ теченіе древнѣйшаго періода [1]) Русская Церковь

---

[1]) Словомъ „древнѣйшій“ мы спеціально обозначаемъ первую половину древняго, нами разсматриваемаго, періода отношеній р. Церкви къ лат., именно 988—1500 г.

была одною изъ епископій византійскаго патріархата [1]). Если такъ, то уже a priori можно заключать о взаимныхъ отношеніяхъ Русской Церкви къ Греческой, т. е. Русская Церковь относилась къ Греческой, какъ церковь подчиненная, какъ часть къ цѣлому [2]). Словомъ—первая должна была жить по мыслямъ, распоряженіямъ и расположеніямъ Церкви греческой. Такъ и случилось.

Въ жизни общества людей, составляющаго Церковь, какъ общества все-таки человѣческаго, бываютъ свои увлеченія и страсти въ данное время, бываютъ вопросы дня, словомъ,— бываетъ то, чѣмъ заинтересовано бываетъ церковное общественное сознаніе. Въ то время, когда зарождалась Русская Церковь, нерасположеніе между Римомъ и Византіей дѣлалось все сильнѣе и сильнѣе и доходило до открытой вражды. Само собою понятно, что греки, отъ которыхъ русскій народъ принялъ христіанство, передали русскимъ свои взгляды на латинянъ, не свободные отъ преувеличенія и лжи. Окончательное раздѣленіе церквей, совершившееся въ половинѣ XI в., имѣло большое значеніе какъ въ исторіи Христіанской Церкви вообще, такъ и древне-русской въ частности, именно, въ отношеніи ея къ Востоку и Западу. Занятые церковными спорами, окончившимися печальнымъ результатомъ, Римъ и Византія имѣли, такъ сказать, случайное отношеніе къ юной Русской Церкви, дѣйствуя на нее не систематически и постоянно, а отрывочно. Но это отношеніе получило особенную силу съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось единеніе между Западомъ и Греко-восточною Церковью. Съ этого времени начался систематическій рядъ попытокъ со стороны папъ и греческихъ патріарховъ—привлечь ее на свою сторону въ церковномъ отношеніи. Послѣдняя, такимъ образомъ, очутилась среди двухъ очень сильныхъ вліяній такихъ церковныхъ обществъ, которыя были выше Русской Церкви и по своему образованію, и по организаціи. Насколько утвердилось вліяніе грековъ во весь древній періодъ Русской Церкви, настолько же устранялось вліяніе латинства. Возымѣвъ

---

[1]) Ник. лѣт. I. 105—106.

[2]) Ист. р. ц. Мак. 1.1. Historic Rus. mon. Turgen. I. III.

сильное вліяніе надъ Русскою Церковью, Греческая Церковь постаралась передать ей свои взгляды, симпатіи и антипатіи.

Грекамъ, отъ которыхъ Русская Церковь находилась не только въ іерархической, но и въ нравственной зависимости, было чѣмъ подѣлиться съ еще молодою, довѣрчивою и воспріимчивою Русскою Церковію относительно латинской Церкви и всего латинства. Если и въ настоящее время вѣроисповѣдныя разности имѣютъ значеніе во взаимныхъ отношеніяхъ обществъ и частныхъ лицъ, то это значеніе было весьма сильно, могущественно тогда, когда вся цивилизація опредѣлялась религіею и состояла по преимуществу изъ религіозныхъ элементовъ, когда религія тѣсно связывалась и почти не отдѣлялась отъ національности. Съ IX в., когда Греческая Церковь энергически боролась какъ за самостоятельность собственную, такъ и за національную, латиняне въ глазахъ грековъ сдѣлались заклятыми непримиримыми врагами. Если греки въ X—XV вв. заподозрѣли латинянъ во враждебныхъ чувствахъ, то эти подозрѣнія вполнѣ сбылись очень скоро, въ то именно время, когда именно латиняне, вмѣсто того, чтобы идти на освобожденіе св. земли отъ магометанъ, завладѣли Греческою Церковію и имперіею, управляя ею несправедливо и преступно [1]). Время взятія крестоносцами Константинополя было временемъ величайшаго зла, поруганія и оскорбленія, какія перенесли отъ латинянъ греки. Оскорбленія были такъ сильны, воспоминанія были такъ свѣжи и незгладимы, что нельзя было не разсказывать о неистовствахъ латинянъ безъ негодованія и отвращенія. Эти чувства не могли не передаваться и другимъ православнымъ христіанамъ и не могли не раздѣляться послѣдними, если въ самомъ дѣлѣ обратить вниманіе на факты, сопровождавшіе, напр., вступленіе крестоносцевъ въ Константинополь (1203 г.),—время, когда подвергались разграбленію, осквернению и поруганію храмы города, когда въ самый лучшій изъ нихъ, въ величественный храмъ св. Софіи, вводили даже вьючныхъ животныхъ, — когда распутная женщина пѣла въ храмѣ непри-

[1]) Визант. Истор. II, 321—324.

стойныя пѣсни и плясала, — когда латиняне-монахи и аббаты вмѣстѣ съ солдатами предавались грабежу, похищали сокровища святыни, — когда вмѣстѣ съ поруганіемъ и осквернѣніемъ святыни латиняне возобновили на православныхъ гоненіе, — когда не только свергали съ престоловъ греческихъ епископовъ и на мѣсто ихъ поставляли своихъ, но и весь народъ, священниковъ и монаховъ принуждали къ своему образу мыслей, — когда надъ противящимися издѣвались какъ надъ фанатиками, явно и жестоко предавали и наказывали ихъ мученіями, какъ язычники христіанъ [1]). Если все это передавалось греками русскимъ, то понятно, что у Русской Церкви, какъ и у греческой, съ мыслью о латинствѣ соединялись представленія о его злоупотребленіяхъ и нравственной грубости. Хотя злоупотребленія допускались и совершались частными лицами, но обвиненіе переносилось на всю Церковь, тѣмъ болѣе, что сама латинская церковь была не безучастна во многихъ, допущенныхъ ея членами, злоупотребленіяхъ и наслѣдіяхъ. Свои взгляды на латинянъ греки могли легко передавать русскимъ. Во весь древнѣйшій періодъ нашей исторіи греки занимали по преимуществу на Руси высшія іерархическія мѣста. Въ до-монгольское время изъ 23 митрополитовъ были только три русскихъ и три неизвѣстнаго происхожденія, на 17 грековъ; изъ 10 митрополитовъ, избранныхъ до 1448 г., были 4 русскихъ, 3 грека и три изъ южныхъ славянъ, бывшіе вполнѣ представителями греко-восточной Церкви. На первыхъ порахъ даже и клиръ въ Россіи былъ частію изъ грековъ, частію изъ болгаръ, расположенныхъ не къ латинянамъ, а къ грекамъ; притомъ, митрополиты, избранные въ Россіи, обязаны были посвящаться въ Константинополѣ, что давало патріархамъ возможность дѣйствовать на нихъ сообразно своимъ симпатіямъ и видамъ [2]). Митрополиты изъ грековъ являлись главными оберегателями православія на Руси, главными распространителями тѣхъ мнѣній о латинствѣ, какія сложились о немъ въ византійскомъ обществѣ и лите-

---

[1]) Визан. Истор. II, 321—324.

[2]) Опытъ изсл. о культур. значеніи Виз. въ р. истор. В. Иконникова. 1, 13.

ратурѣ. Нужно замѣтить, что посылаемые патріархами въ Россію митрополиты и епископы принадлежали къ числу образованныхъ грековъ своего времени, обладавшихъ не только основательнымъ богословскимъ образованіемъ, но и ревностью послужить какъ Церкви, въ которой имъ суждено было предстоятельствовать, такъ и своей новой родинѣ, въ которой приходилось жить и умереть. Великая задача въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи для греческихъ пастырей состояла въ томъ, чтобы утвердить Русскую Церковь православнымъ ученіемъ и предостеречь ее отъ латинства. Доказательствомъ такой дѣятельности представителей и просвѣтителей древнерусской Церкви служитъ цѣлая полемическая литература, направленная противъ латинства и перешедшая на Русь изъ Греціи [1]). Кромѣ лицъ духовныхъ, изъ Греціи приходили съ самаго ранняго дѣтства на постоянное жительство въ Россію и лица свѣтскаго званія, „съ роды своими“ [2]). Посѣщавшіе Русь иностранцы согласны въ томъ, что русскіе еще съ малолѣтства пріучались непріязненно смотрѣть на латинянъ и вѣрили на-слово всему, что говорили о католикахъ греки. Находясь въ іерархической связи и зависимости отъ Церкви Греческой, Церковь Русская имѣла съ нею тѣсную связь и нравственную. Эта связь поддерживалась и усиливалась путешествіями русскихъ къ грекамъ и обратно. Еще до принятія Русью христіанства въ X в., Греція и ея области были знакомы нашимъ предкамъ, въ особенности приднѣпровскимъ славянамъ, отправлявшимся туда то для военной добычи, то для заключенія мирныхъ договоровъ, то для торговли и промышленности. Со времени принятія христіанства путешествія въ Византію русскихъ не только не прекратились, но и усилились, принявши характеръ „паломничества“; русское паломничество, по своей силѣ и цѣли, было тѣмъ, чѣмъ было на Западѣ одновременно совершавшееся пилигримство. Рядъ русскихъ паломниковъ по Греціи и Востоку тянется непрерывно во весь древнѣйшій періодъ нашей исторіи; посѣщая Византію, паломники наглядно, лицомъ къ лицу,

---

[1]) Обзоръ полемич. сочин. противъ латинянъ. А. Попова.

[2]) Поли. собр. рус. лѣт. IX, 85.

узнавали, раздѣляли настроеніе грековъ къ латинянамъ и передавали его, по возвращеніи на родину, своимъ соотечественникамъ [1]). Многіе изъ путешественниковъ были грамотные люди, оставившіе по себѣ описанія своихъ путешествій, на основаніи которыхъ русскіе лѣтописцы писали повѣствованія о событіяхъ греческаго государства и Церкви. Поэтому въ русскихъ лѣтописяхъ нерѣдко можно встрѣтить указанія на на событія греческой исторіи государства и церкви [2]). Такъ, изъ одной лѣтописи извѣстно, какими жестокостями запятнали себя латиняне по отношенію къ грекамъ: „и людей многое множество побиша (латиняне) и пограбиша, греки же и варяги изгнаша изъ города [3]) (въ 1204 г.) [4]). Великое раздѣленіе церквей было самымъ крупнымъ событіемъ церковной исторіи въ періодъ до паденія Византіи; поэтому событіе это отразилось и въ русской письменности, и въ памяти тогдашняго читающаго люда крайне неблагопріятно для латинства. Въ такомъ духѣ составлена повѣсть „вкратцѣ полезна“ о латынехъ, вошедшая въ составъ русскихъ хронографовъ. Этого мало. Событія греческой исторіи тенденціозно прилагались древне-русскими писателями къ фактамъ русской жизни и даже ставились въ образецъ, достойный подражанія. Греки, прибывавшіе въ Россію по разнымъ случаямъ, своими разсказами о насиліяхъ латинянъ еще болѣе усиливали непріязнь къ нимъ русскихъ. Итакъ, у грековъ было много способовъ къ тому, чтобы дѣйствовать на Русь соотвѣтственно своимъ интересамъ и взглядамъ на латинянъ. Всѣми этими способами они и пользовались какъ нельзя лучше. Хотя русскіе называли грековъ льстивыми, но это относилось болѣе къ дѣламъ житейскимъ, чѣмъ церковнымъ; съ другой стороны, это не мѣшало русскимъ имѣть къ грекамъ-духовнымъ лицамъ полное довѣріе въ дѣлахъ церковныхъ, общественныхъ и политическихъ. Греки пользовались въ древней Руси полнымъ довѣріемъ, и голосъ современной

---

[1]) Сказан. р. народ. Сахарова Пр. Соб. 1858 г. 1, 86—100.

[2]) Ник. лѣт. 1, 90. Ист. объ ерес. и рас. р. цер. Руднев. 233—234. Ник. лѣт. 1, 22, 49—50, 55.

[3]) Лат. Импер. въ Конст. М. Медовикова. М. 1849 г. 19.

[4]) Полн. собр. русск. лѣт. т. 3. 1-я новг. лѣтопись 29.

Византіи принимался нашими предками съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и послушаніемъ. Пользуясь такимъ значеніемъ на Руси, греки считали своимъ долгомъ распространять и утверждать свои понятія о латинянахъ въ средѣ русскихъ. Русской Церкви оставалось принимать и настраиваться тѣмъ, что она слышала отъ своихъ руководителей [1]). Національныя, историческія условія Русской Церкви, содѣйствовавшія распространенію, усиленію и утвержденію уже заранѣе составленныхъ взглядовъ о латинствѣ, составляютъ второй факторъ, дѣйствовавшій въ образованіи отношеній древне-русской Церкви къ латинству.

2. Будучи подъ вліяніемъ греческой Церкви, Русская Церковь уже a priori составляла себѣ представленіе о латинствѣ. По разсказамъ и источникамъ греческимъ, она знала, что ученіе латинянъ развращено [2]), и что сами латиняне народъ негодный. Не наше дѣло рѣшать вопросъ о томъ, справедливы-ли были такія представленія о латинянахъ или нѣтъ. Для насъ важно только то, что Русская Церковь не только приняла это представленіе о латинствѣ въ первое время, но и удержала такой взглядъ надолго. Такая устойчивость и продолжительность установившагося взгляда на латинство достаточно объясняется, съ одной стороны, общими условіями существованія и развитія Русской Церкви, какъ церкви національной, — съ другой — историческимъ ея состояніемъ въ указанный періодъ времени. Русская Церковь была національною. Національность ея состоитъ въ томъ, что она уживалась со всякимъ мірскимъ порядкомъ, всегда проповѣдывала покорность всякой власти, старалась своимъ авторитетомъ поддержать свѣтскую власть тамъ, гдѣ послѣдняя могла предусматривать и испытывать препятствія въ достиженіи своихъ плановъ. Національность ея состоитъ и въ томъ, что она не проводила, ни теоретически, ни практически, рѣзкой границы между собою и народомъ, стремилась обобщить свои

---

[1]) Вопросъ о вліяніи грековъ на Русскую Церковь и народъ какъ вообще, такъ и въ развитіи и поддержаніи извѣстныхъ взглядовъ на латинянъ получилъ въ нашей церковно-исторической литературѣ довольно обширную обработку (сочиненія Иконникова, Терновскаго и др.).

[2]) Ник. лѣт. 1, 90.

интересы съ государственными, народными. Не задаваясь принципомъ господства надъ государствомъ, Русская Церковь становится наравнѣ и согласно съ другими сторонами общественной жизни. Наше духовенство, хотя вначалѣ и иноземное, не составляло касты; христіанская вѣра, принятая Русью добровольно, стала вѣрою національною, народною. Духовенство, въ смыслѣ служителя вѣры, должно было сдѣлаться и сдѣлалось національнымъ; наше духовенство не имѣло въ Византіи спеціальныхъ и конечныхъ интересовъ, каковые западное духовенство имѣло только въ Римѣ. Отсюда въ дѣлахъ церковныхъ въ древней Руси проходитъ начало національное, то въ формѣ власти князя, то въ формѣ воли народа. Не въ духѣ Русской Церкви было то, что замѣтно въ западной, гдѣ всякое стремленіе націи къ самостоятельности, заявленіе національной особенности въ дѣлахъ и устройствѣ Церкви подавлялось силою и вліяніемъ непогрѣшимаго авторитета папъ. Весь строй римской жизни, выработанный римскимъ обществомъ, всецѣло предполагался быть приложеннымъ и прилагался къ націи французской, германской и т. д. Каждому вновь обращенному (въ христіанство) обществу приходилось повторять въ своей церковной жизни то, что было выработано римскою церковною общиною; эта церковь такъ заботилась о своихъ духовныхъ чадахъ, что самимъ имъ не давала мѣста и времени подумать объ устройствѣ своей собственной церковной жизни. Не такова была церковь древне-русская. Передавая своему народу христіанское ученіе, она, по примѣру своей alma mater, не оставляла, конечно, своихъ пасомыхъ на произволъ судьбы, но она не исключала участія въ дѣлахъ Церкви того общества, о воспитаніи и устроеніи котораго призвана была заботиться; Церковь сознавала, что она учрежденіе, явившееся по желанію князя и народа, и для того и для другого; правда, чрезъ это интересы ея съуживались, но зато въ согласіи съ княземъ и симпатіями народа заключалась ея сила. Такимъ образомъ, Русская Церковь срослась съ государствомъ, какъ его учрежденіе. Этимъ самымъ она отличается отъ Церкви католической, или латинской, которая, будучи учрежденіемъ всемірнымъ, имѣла самостоятельную власть внѣ государства, а

потому она была чѣмъ-то недостижимымъ, учрежденіемъ, противорѣчащимъ мѣстнымъ національнымъ условіямъ и интересамъ. Та церковь жизненнѣе и крѣпче, которая прямѣе и естественнѣе выражаетъ національный духа общества, не противорѣча въ то же время основной своей идеѣ и конечной цѣли. Не будетъ ошибкой сказать о Русской Церкви, что она характерно выражаетъ національныя типическія черты русскаго народа. Насколько романское племя было стремительно, настолько славянское отличалось осторожностью. Русская народность характеризуется чертами, противоположными романскому племени. Подвижности, потребности къ перемѣнамъ и стремительности къ господству и внѣшней дѣятельности — чертамъ, свойственнымъ романскому племени болѣе, чѣмъ какому-либо другому, можно противопоставить медленность и нерасположенность къ измѣненію стараго и сравнительно большую наклонность къ мирнымъ занятіямъ и домашней, семейной жизни — свойства, принадлежащія русской народности, какъ вѣтви славянскаго племени, съ которымъ русскій народъ имѣлъ тѣсную племенную и культурно-историческую связь.

Исторія и современныя изслѣдованія увѣряютъ насъ въ томъ, что славянское племя издавна отличалось особеннымъ миролюбіемъ, склонностію къ жизни осѣдлой, преимущественнымъ стремленіемъ къ развитію и устройству своей жизни внутренней. При самомъ первомъ появленіи славянъ въ исторіи, когда они не представляли еще изъ себя стройнаго цѣлаго, въ отдѣльныхъ племенахъ выражается живое стремленіе къ опредѣленію началъ частной и общественной жизни, а не къ внѣшнимъ завоеваніямъ. О миролюбивыхъ расположеніяхъ славянъ свидѣтельствуютъ какъ древнѣйшія историческія извѣстія, такъ и современныя наблюденія. Ихъ движенія и завоеванія, о которыхъ упоминаютъ историки, были слѣдствіемъ естественнаго размноженія или причиною давленія на нихъ другихъ народовъ [1]). Наглядымъ доказательствомъ отсутствія въ нихъ стремленія къ преобладанію и завоеваніямъ представляется четырехсотлѣтнее пребываніе бал-

[1]) Учебно-историч. обз. Добрякова.

канскихъ славянъ подъ турецкимъ владычествомъ, освободиться отъ котораго заставилъ воинющій турецкій гнетъ. Тѣ же свойства замѣтны и въ русскомъ народѣ, который терпѣливо сносилъ нападенія печенѣговъ, половцевъ, терпѣливо вынесъ двухвѣковое татарское иго; войны Пскова, Новгорода и Полоцка имѣли характеръ защиты, а не нападенія. Напротивъ, отвлеченіе отъ интересовъ внутренняго быта составляло черту романскаго племени. Мы не отрицаемъ личнаго и семейнаго развитія въ романскихъ-латинскихъ народностяхъ, но это развитіе у нихъ совершалось съ стремленіемъ направлять свою дѣятельность во-внѣ, вліять тѣмъ или другимъ образомъ на другихъ, на сосѣдей близкихъ и отдаленныхъ. Нашу мысль прекрасно можно пояснить примѣрами изъ отечественной исторіи. Дѣятельность первыхъ русскихъ князей, пришедшихъ изъ-за моря, обращенная на завоеванія и походы, характерно рисуетъ свойства романскаго племени. Въ нашей первоначальной лѣтописи есть мѣсто, съ одной стороны указывающее на природу и черты романскаго племени, а съ другой на свойства племени славяно-русскаго. Извѣстно, что Святославъ, поселившись въ Переяславцѣ на Дунаѣ, оставилъ въ Кіевѣ мать свою съ дѣтьми, которымъ угрожали печенѣги. „Ты, князь,—посылаютъ русскіе сказать ему,—чужую землю ищешь и блюдешь, а отъ своей отрекся; печенѣги едва не взяли насъ, твою мать и дѣтей; если не придешь, не оборонишь насъ, то опять возьмутъ; развѣ тебѣ не жалко отчины своей, ни старой матери, ни дѣтей“. Между тѣмъ какъ потомки воинственнаго Святослава, въ скоромъ времени усвоившіе черты славяно-русскаго народа, главнымъ образомъ, направляли свою дѣятельность *внутри* государства, а не внѣ его [1]). Принятіе христіанства двумя этими племенами изъ различныхъ центровъ усилило племенную ихъ разность, придавъ ей болѣе опредѣленный, активный характеръ. Христіанское ученіе, какъ ученіе о мирѣ и свободномъ внутреннемъ развитіи, воспринятое славянствомъ, гармонически слилось съ типическими чертами послѣдняго. Западное христіанство, или латинство, понятое римскою церковью въ смыслѣ внѣшняго

[1]) Полн. собр. рус. лѣт. 1 стр. 28.

господства, подавленія народности и стѣсненія человѣка въ его свободномъ принятіи и усвоеніи христіанства, совпадало съ естественными наклонностями романства. Такое глубокое различіе между славянскимъ и романскимъ племенами сознательно или безсознательно выражалось исторически ихъ взаимнымъ антагонизмомъ. Племенныя особенности, сильныя еще и въ настоящее время, не могли не имѣть огромнаго значенія въ образованіи отношеній древне-русской Церкви, какъ Церкви національной, къ латинству въ то время, когда къ племеннымъ отличіямъ, самимъ по себѣ сильнымъ, присоединились вѣроисповѣдныя различія, имѣющія большое значеніе тогда, когда бываетъ низокъ или односторонень уровень культуры, когда послѣдняя состоитъ и опредѣляется религіею или извѣстнымъ направленіемъ Церкви. На этой ступени развитія нѣтъ сильнѣе вражды, какъ вражда религіозная; хотя бы уже ослабѣла религія въ сердцѣ, но начавшаяся борьба за религію долго продолжается. Такимъ образомъ, древне-русская Церковь, какъ выразительница настроенія всѣхъ вѣрующихъ русскихъ, въ своихъ отношеніяхъ къ латинству, проявляла національную отчужденность къ латинству. Достигала она этого съ успѣхомъ потому, что русская народность и принятое христіанство соединились въ одно міросозерцаніе, въ одно общее чувство [1]). Византійское христіанство, тѣсно соединившись съ народностью русскою, произвело то, что церковный взглядъ на предметы окружающіе утвердился въ землѣ Русской, какъ и вообще (по преимуществу) единовѣрномъ ей славянствѣ, глубоко отразился и не исчезъ еще во взглядѣ на неправославныхъ иноземцевъ [2]).

Къ этимъ внутреннимъ причинамъ, сильно дѣйствовавшимъ на отношенія древне-русской Церкви къ латинству, присоединились условія историческія, зависѣвшія, впрочемъ, и отъ первыхъ. По естественному отчужденію къ латинству, усиленному и поддерживаемому разностью церковною, русская Церковь не хотѣла и не знала хорошо латинства. Она видѣла въ немъ однѣ исключительно худыя стороны, судя о немъ по

---

[1]) Правосл. Собесѣдн. 1858 г. 420. 275.

[2]) Ibid.

предубѣжденію, частнымъ фактамъ, да притомъ со словъ грековъ, которымъ Русская Церковь довѣряла какъ по своей зависимости, такъ и по своему сравнительно низшему уровню развитія. Поясним это однимъ примѣромъ. Когда въ 1347 г. шведскій король Магнусъ, желавшій обратить Россію къ папѣ, предложилъ новгородцамъ кончить дѣло преніемъ о вѣрѣ, то новгородцы отвѣчали: „мы приняли вѣру отъ грековъ, и потому, если король хочетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ пословъ къ патріарху“ [1]). Насколько этотъ отвѣтъ показываетъ нежеланіе новгородцевъ входить въ сдѣлки съ латинскимъ королемъ, настолько-же онъ можетъ указывать на отсутствіе въ новгородцахъ увѣренности точно опредѣлить и отличить свое ученіе отъ латинскаго и доказать превосходство перваго предъ послѣднимъ. Имѣя въ виду скудость тогдашняго образованія, можно видѣть тѣсную связь между пониманіемъ новгородцами своей вѣры и латинской и ихъ отвѣтомъ. Авторъ „Le romain catholicisme en Russie“ передаетъ слѣдующее извѣстіе о состояніи духовнаго просвѣщенія въ Новгородѣ—мѣстѣ, которое по своему, болѣе или менѣе, нестѣсненному положенію могло бы разсчитывать на сравнительно лучшее состояніе просвѣщенія; между тѣмъ выходитъ не то: „у насъ,—говоритъ авторъ,—въ Новгородѣ религіозное воспитаніе находится въ совершенномъ нерадѣніи; есть священники, которые не въ состояніи прочесть символа вѣры; они дѣлаются предметомъ насмѣшекъ иностранцевъ, поэтому избѣгаютъ говорить съ послѣдними о вѣрѣ, когда этого касается дѣло. Подобные имъ пастыри могутъ-ли назваться этимъ именемъ въ христіанскомъ смыслѣ? Чтобы утвердить жителей въ (правомъ) ученіи греческой церкви, епископы другихъ епархій приходили въ эту мѣстность, какъ это было въ 1382 г.“ [2]). Изъ послѣдняго примѣра видна слабость просвѣщенія самого духовенства новгородскаго, не говоря уже о народѣ; въ этомъ отношеніи отъ части къ цѣлому заключать можно.

Въ указанный нами періодъ времени просвѣщенія въ собственномъ современномъ значеніи не было на Руси; была са-

---

[1]) Истор. р. цер. Преосв. Филар. 1—2 т., 48—49.

[2]) Le Catholicisme Romain en Rus. par. M. D. Tolstoï, t. 1. 15—16.

мая первоначальная степень просвѣщенія — грамотность. Далѣе умѣнья читать и съ полнымъ довѣріемъ относиться и воспринимать содержаніе чтенія—древне-русскій человѣкъ почти не стремился; люди съ болѣе или менѣе научнымъ образованіемъ были рѣдкимъ исключеніемъ въ древнѣйшей Руси. Преобладающая привязанность къ церковно-обрядовой внѣшности, не исключавшая внутренняго благочестія, и отсутствіе самостоятельности составляли существенные признаки древне-русскаго просвѣщенія. Несмотря на мѣстность факта объ отвѣтѣ новгородцевъ, значеніе его остается. Изъ этого примѣра усматривается очень сильное вліяніе на Русь Греческой Церкви; оно устраняло самостоятельность и отчетливость въ членахъ Русской Церкви. Можно сказать, что довѣріе Русской Церкви къ Греческой было до того сильно, что Византія давала отвѣты на вопросы древне-русской жизни прежде, чѣмъ возникали самые вопросы, и такимъ образомъ предотвращала ихъ. Спорныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ движеніемъ религіозной мысли и жизни въ древней Руси, было мало вообще, но когда они возникали, то высшимъ безапелляціоннымъ судомъ считался судъ цареградскаго патріарха. Довѣріе Русской Церкви Греческой, вмѣстѣ съ хорошими, имѣло и дурныя стороны. Если одни отзывы о латинствѣ въ устахъ русскихъ были голословны, то другіе преувеличенны. Взгляды русскихъ духовныхъ писателей о латинствѣ заключаются въ полемической, направленной противъ латинянъ, литературѣ, которая почти вся, въ продолженіе древняго періода, заимствована у грековъ и южныхъ славянъ [1]). Нетребовательный и довѣрчивый древне-русскій умъ вполнѣ принималъ все, что ему говорилось и предлагалось для прочтенія и уразумѣнія, и на основаніи всего этого составлялъ взглядъ на латинство, тогда какъ самый источникъ происхожденія сочиненій противъ латинянъ и характеръ (полемическій) первыхъ давали, повидимому, поводъ усомниться въ основательности всѣхъ разсказовъ о латинствѣ. Такому полезному сомнѣнію возможно было бы родиться въ умѣ древне-русскаго православнаго начетчика лишь тогда, когда его чтенію предлагались-бы сочиненія, напра-

[1]) Обз. полемич. сочин. противъ лат. А. Попова. Москва, 1876 г.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. №
„ 193 г.

вленныя противъ Греческой Церкви. Но этого не только не слушало русское сердце, но оно, кажется, и не подозрѣвало того, въ чемъ можно было-бы упрекнуть Греческую Церковь. Итакъ, довѣріе Русской Церкви Греческой, соединенное съ незнаніемъ, было, между прочимъ, источникомъ предубѣжденія противъ латинства. Люди не такъ бываютъ предубѣждены другъ противъ друга, когда они сближаются, взаимно и часто сталкиваются; слѣдствіемъ чего бываетъ то, что они лучше узнаютъ другъ друга, предъ ними открываются ихъ обоюдныя добрыя и худыя стороны; является нѣкоторая уступка и признаніе нѣкоторыхъ достоинствъ. Но это бываетъ тогда, когда сталкивающіяся личности и общества стоятъ на нѣкоторой ступени общаго, какъ умственнаго, такъ и нравственнаго развитія, когда они, такимъ образомъ, имѣютъ нѣкоторую точку сближенія. Вотъ почему съ болѣе возрастающею ступенью общечеловѣческаго развитія уничтожается та исключительность и сепаративность, составляющія отличительную черту и удѣлъ низшаго уровня развитія, которыми характеризуется древній періодъ Русской Церкви.

Но этими двумя чертами, т. е. исключительностію и отчужденностію, еще не вполнѣ характеризуется отношеніе древне-русской церкви къ латинству. Дѣло въ томъ, что это отчужденіе отъ латинства доходило до раздражительности и тайнаго или явнаго нерасположенія къ тому, что̀ носило на себѣ слѣды латинства. Откуда, спрашивается, происходила эта непріязненность къ латинству, очень сильная въ древнерусской церкви? Русскихъ нельзя назвать фанатиками въ томъ смыслѣ, въ какомъ называютъ фанатиками мусульманъ, крестоносцевъ, іезуитовъ и проч. Греки, при всемъ своемъ неоспоримо сильномъ вліяніи на развитіе церковно-общественныхъ понятій древней Руси, не могли произвести того искренне раздражительнаго чувства, какое замѣтно у нѣкоторыхъ русскихъ полемиковъ и лѣтописцевъ. Правда, греческая Церковь не упустила изъ виду ничего, что могло бы сильно компрометировать латинскую въ глазахъ русскихъ, но національная Русская Церковь не могла быть настолько воспріимчивою, чтобы вполнѣ проникнуться тѣми страстными чувствами нерасположенія къ латинству, какія имѣли и же-

лали воспитать въ русскихъ греки путемъ непосредственныхъ разсказовъ и сочиненій. Допустить это, значитъ—навязать русскому національному духу такую черту, какой онъ, внѣ особаго вліянія, не имѣлъ и не могъ имѣть. Итакъ, нужно что-либо реальное, что обусловливало бы, естественно и психически, извѣстное отношеніе древне-русской Церкви къ латинству. Въ историческихъ данныхъ для этого не было недостатка. Указаніе этихъ внѣшнихъ данныхъ и приводитъ насъ къ выясненію третьяго фактора, дѣйствовавшаго вмѣстѣ съ другими на образованіе отношеній и взглядовъ на латинство.

3. По отношенію къ древне-русской Церкви латинство можетъ быть разсматриваемо съ теоретической и исторической стороны: подъ первою разумѣемъ типическія свойства средневѣковаго папства, несостоятельныя съ общехристіанской точки зрѣнія и точки зрѣнія здраваго смысла; разумѣемъ тѣ учрежденія и стремленія папства, которыя были навязываемы европейскому обществу и которыми послѣднее тяготилось и протестовало то со стороны императорской власти, то частныхъ интеллигентныхъ и смѣлыхъ личностей; отдѣленіе папства отъ греко-восточной Церкви сопровождалось нерасположеніемъ къ послѣдней и самовольнымъ отношеніемъ къ частнымъ романскимъ церквамъ и обществамъ. Слѣды нерасположенія папства къ Восточной Церкви доказываются неопровержимыми и многочисленными фактами, свидѣтельствами не только греческихъ, но и латинскихъ писателей. Дѣйствія папства въ средневѣковой исторіи составляютъ издавна печальную страницу изъ исторіи Западной Европы. Стараясь осуществить созданное понятіе о своемъ исключительномъ достоинствѣ, папы вмѣстѣ съ принятіемъ догматическихъ, каноническихъ и обрядовыхъ нововведеній, стали присвоивать себѣ болѣе и болѣе власти, вмѣшиваться въ государственныя дѣла и народныя отношенія. Управленіе зависѣвшими отъ папъ епископами и епархіями по феодальному образцу, провозглашеніе папами неподсудности не только своего лица, но и мѣстной Римской Церкви, какъ своей епархіи, повело къ признанію папъ какъ бы императорами, а ихъ епископовъ — вассалами; съ тѣмъ вмѣстѣ въ правахъ духовенства отразилось своеволіе имперскихъ вассаловъ, тѣмъ болѣе, что

многіе епископы обладали недвижимыми имуществами, равнявшимися своею огромностью герцогствамъ и курфиршествамъ. Возрастаніе церковныхъ имѣній на Западѣ соединялось съ изъятіемъ отъ несенія общественныхъ повинностей; такъ какъ это было весьма обременительно для государства, то свѣтскіе правители пытались ограничить права духовенства, но попытки эти вызывали борьбу со стороны папъ; со времени Гильдебранда († 1085 г.) и по примѣру его, папы, для достиженія своихъ цѣлей, усвоили обычай предавать анаѳемѣ непокорныхъ государей, отлучать отъ общенія съ Церковью цѣлые народы. Важныя распоряженія папъ какъ по своему принципу, такъ и по слѣдствіямъ обязаны своимъ происхожденіемъ честолюбивымъ и корыстнымъ разсчетамъ; сюда относятся: безбрачіе духовенства и дозволеніе всякому подсудимому переносить свое дѣло въ Римъ на окончательное рѣшеніе, требованіе отъ народовъ податей подъ разными наименованіями—аннатъ, петинарій, динарія св. Петра, эксплоатація религіозныхъ чувствъ католиковъ посредствомъ продажи индульгенцій и проч. Если все это порицалось въ средѣ послѣдователей католичества, то у противниковъ его — еще болѣе. А такъ какъ противники католичества были греки, изъ которыхъ не мало было въ Россіи митрополитовъ, путешественниковъ и служилыхъ лицъ, то состояніе и направленіе латинства въ общемъ было болѣе или менѣе извѣстно лучшимъ русскимъ людямъ. Направленіе латинства, несогласное съ христіанствомъ и тягостное для общества, русскіе могли видѣть и испытывать на окраинахъ собственнаго отечества. Это вторая историческая точка зрѣнія, съ которой можно разсматривать латинство, подъ чѣмъ разумѣется латинская пропаганда и дѣйствія католическихъ сосѣдей, заявившія себя въ отношеніи къ русскому населенію на сѣверозападныхъ и южныхъ границахъ нашей территоріи.

Одновременно съ начавшимся вліяніемъ грековъ на Русскую Церковь началось стремленіе латинства парализовать это вліяніе и тѣмъ самымъ основать и утвердить свое собственное. Подчинить Русскую Церковь и господствовать надъ нею по своему усмотрѣнію (per sua sponte) было завѣтнымъ желаніемъ политики Римской Церкви. Поэтому папы очень

рано, еще до Владиміра Святого, начали обнаруживать свои виды на Россію и употребляли всѣ возможныя средства: и лесть, и угрозы, и насилія, чтобы привести Русскую Церковь въ послушаніе себѣ. Много связывалось интересовъ у папства съ мыслью о господствѣ надъ Русскою Церковію: здѣсь представлялась возможность къ удовлетворенію честолюбивыхъ замысловъ папъ, и къ униженію грековъ; обширность и богатство русской территоріи подавали папамъ соблазнительныя надежды воспользоваться лептою земныхъ благъ за возвращеніе ко Христу заблудшихъ словесныхъ русскихъ овецъ (какъ любили выражаться сами папы) [1]). Все это прикрывалось благовиднымъ стремленіемъ возстановить единеніе общехристіанской Церкви и олицетворить его въ папскомъ всевластіи. Юность Русской Церкви обѣщала, повидимому, несомнѣнный успѣхъ папскихъ замысловъ, въ виду особенно умственнаго перевѣса, ловкости и стремительности латинскихъ миссіонеровъ [2]). Но такъ какъ эти попытки были вообще неудачны, такъ какъ случайные успѣхи стóили дорого, то латинскіе миссіонеры, послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ въ Россіи подѣйствовать силою убѣжденія, прибѣгали къ обычному способу дѣйствовать силою принужденія, хитрости и обмана, оправдывая средства цѣлію. Вотъ источникъ, откуда проистекала народная ненависть къ римской пропагандѣ: 1) эгоистическій прозелитизмъ и 2) безцеремонность въ способѣ достиженія цѣли были источникомъ и причиной недовѣрчивости и ненависти къ латинскимъ миссіонерамъ. Изъ того же источника объясняются антипатія и раздражительность, которыми проникнуты нерѣдко взгляды и отношенія древне-русской Церкви къ латинству. Если въ другихъ отношеніяхъ древняя Русская Церковь судила о латинствѣ на основаніи слуховъ и разсказовъ, то здѣсь она судила на основаніи наблюденій и опыта. Русской Церкви не безъизвѣстны были какъ сильное стремленіе латинской Церкви подчинить себѣ Русь [3]), такъ и тѣ пути и средства, какими

[1]) Hist. Rus. mon. 1. XXI.

[2]) Труд. Кіев. Дух. Акад. 1867 г. 2. 26—27.

[3]) Истор. р. цер. Мак. II. 282. Памят. рос. слов. XII в. Калайд. 163. Труд. Кіев. Дух. Акад. 1867. 2. 25—50.

отличалась латинская пропаганда въ другихъ мѣстахъ и какія думала приложить и употребить по отношенію къ Россіи [1]). Попытки, направленныя папами на Русскую Церковь, были усиленны, часты и навязчивы. Въ посланіи къ русскому народу въ 1204 г., Иннокентій III настоятельно убѣждаетъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ возвратиться отъ заблужденія на путь истины, отъ котораго упорно уклоняются. „Церковь едина, власть надъ церковію вручена апостолу Петру, котораго преемникъ я“. Указывая на взятіе Константинополя (сопровождавшееся неслыханнымъ поруганіемъ святыни) крестоносцами, Иннокентій говоритъ: „Греческая имперія и почти вся греческая Церковь возвратилась (sic!) къ почитанію апостольскаго престола и смиренно пріемлетъ его повелѣнія. Вы часть Греческой Церкви: не странно-ли то, что часть будетъ разногласить съ цѣлымъ и что одинъ членъ будетъ отдѣляться отъ всего тѣла?“ Посланіе вручалось нѣкоему Vitalis'y, на котораго была возложена обязанность, по приведеніи заблудшей дочери къ ея матери, искоренять и разрушать, строить и созидать, что найдетъ стоющимъ того [2]). Въ посланіи ad universos reges Rossiae папы Гонорія III (1227) служащемъ будто бы отвѣтомъ на просьбу русскихъ имѣть дѣло съ папою, говорится, что русскіе готовы отказаться отъ всѣхъ заблужденій, въ которыя впали [3]). Между тѣмъ оказывается, что русскіе вовсе не думали о какихъ бы то ни было сношеніяхъ. Вступая въ сношенія съ православными, съ цѣлью привлечь ихъ къ себѣ, папы часто основываются на слухахъ или отдаленныхъ поводахъ. Въ 1231 году Григорій IX обращался съ своимъ посланіемъ къ в. к. Юрію Всеволодовичу Владимірскому [4]), убѣждая его къ латинству, помимо другихъ доводовъ, и тѣмъ, что ecclesia Romana te ut magnum in ecclesia Dei principem habere proponit et diligere ut filiumum specialem. Нападеніямъ латинскаго прозелитизма подвергались, главнымъ образомъ, юго-западныя, за-

---

[1]) Истор. р. цер. Мак. II. 282. Памят. рос. слов. XII в. Калайд. 163 Труд. Кіев. Дух. Акад. 1867 г. 2. 25—50.

[2]) Hist. R. 3

[3]) Ibid. 20.

[4]) Hist. R. 30.

днѣпровскія области: Галичъ, Волынь и Кіевъ. Это зависѣло отчасти отъ положенія самихъ мѣстностей, смежныхъ съ католическими Польшею и Венгріею, отчасти отъ политическихъ обстоятельствъ Россіи. Такое же нападеніе испытывали сѣверо-западныя окраины Россіи [1]). Латинскіе миссіонеры оставляли глубокіе слѣды тамъ, гдѣ они подвизались, обращая пограничное православно - русское населеніе въ латинство [2]). Объявивъ всепрощеніе и вѣчное блаженство всякому, кто подъ знаменіемъ креста будетъ лить кровь человѣческую, папы внесли огонь и мечь по Россіи—въ Чудь и Ливонію, гдѣ выполняли дѣло проповѣди меченосцы и шведы. Междоусобія за великокняжескій престолъ отвлекали вниманіе русскихъ князей отъ пограничныхъ русскихъ областей, а потому папы, возымѣвъ нѣкоторые успѣхи на сѣверѣ Россіи и въ Галиціи, заявили свои виды и на всю Русь. „Не заблужденія-ли въ вѣрѣ раздражаютъ противъ васъ небо и причиняютъ бѣдствія всей странѣ вашей?“—писалъ папа Гонорій III ко всѣмъ князьямъ нашимъ.—„Бойтесь еще ужаснѣйшихъ, если не обратитесь къ истинѣ“. Для большаго успѣха въ исполненіи своихъ намѣреній, папы, въ началѣ XIII ст., во-1-хъ, повелѣвали ливонскимъ судьямъ преслѣдовать русскихъ, которые, живя въ Ливоніи, оказывали пренебреженіе къ латинскому обряду, — даже обязывали ливонскихъ судей принуждать силою русскихъ подчиняться римской церкви [3]); во-2-хъ, учредили миссію изъ доминиканцевъ и францискацевъ (societas peregrinatum); эти монахи успѣли проникнуть въ нѣкоторыя мѣста Россіи и построили латинскія церкви въ Кіевѣ, Луцкѣ, Галичѣ, Перемышлѣ и др. Римская церковь, отъ имени которой дѣйствовали латинскіе миссіонеры въ предѣлахъ Россіи, употребляла всевозможныя законныя и больше незаконныя, прямыя и косвенныя мѣры къ тому, чтобы совратить славянороссовъ изъ православія къ латинству. Гдѣ было возможно, тамъ Римская Церковь прямо и наспльственно запрещала славянское бого-

[1]) О ерес. и роск. въ р. церк. Руднев. 234. 279—280.

[2]) Лекц. по Истор. Запад. Рос. 93—96 (изд. газет. „День“, 1864 г. Москва).

[3]) Костомар. Истор. мон. 7.343.

служеніе и искореняла славянскіе обряды, несмотря на ропотъ народный. Тамъ же, гдѣ этого нельзя было сдѣлать, папская политика дѣйствовала постепенно и осторожно: православнымъ на первыхъ порахъ дозволялось сохранять свое богослуженіе и любимые православные обряды, потомъ мало по малу славянскія богослужебныя книги передѣлывались по духу латинскому и совсѣмъ замѣнялись латинскими, восточные обряды уступали мѣсто западнымъ, истреблялись памятники въ славянскихъ странахъ, передѣлывалась исторія народа въ смыслѣ благопріятномъ для латинства. Политика папская по отношенію къ Россіи желала быть тѣмъ, чѣмъ была она на Западѣ; на Западѣ ее не любили, въ Россіи ненавидѣли. Если такимъ безцеремоннымъ образомъ латинская миссія дѣлала успѣхи на пути обращенія православныхъ къ латинству, то съ другой стороны самое латинство поселяло и воспитывало въ сердцахъ народа скрытую, но сильную вражду къ себѣ,—вражду, переходившую въ ненависть отъ поколѣнія къ поколѣнію и поддерживавшуюся новыми усиленными притязаніями латинства, вообще проникнутаго фанатизмомъ и чуждаго терпимости. Какихъ средствъ не употребляла латинская миссія, чтобы окатоличить западную Русь! Папы своимъ авторитетомъ освящали и позволяли незаконныя дѣйствія католическихъ правителей противъ православныхъ русскихъ, даже сами побуждали къ тому тѣхъ, кто могъ содѣйствовать имъ въ ихъ интересахъ. Такъ, папа Александръ IV открытымъ посланіемъ позволяетъ (confirmat) королю литовскому воевать противъ Россіи и присоединить ея области къ своимъ владѣніямъ (1255 г.) [1]). „Настоятели“,—писалъ Григорій XI краковскому епископу въ 1372 г., и должны принимать столько усилія, чтобы, при ихъ содѣйствіи, процвѣтала римская церковь. Не безъ смущенія духа, поэтому мы узнали, что во владѣніи руссовъ находится много епископовъ-схизматиковъ. Довѣряя тебѣ, мы, въ силу апостольскаго права, позволяемъ и приказываемъ всѣхъ и особенно епископовъ названной земли Русской (какихъ ты признаешь схизматиками)

---

[1]) Histor. Rus. mon. Furg. 1 pag. 13.82.

отлучать отъ своихъ мѣстъ“ [1]). На основаніи такихъ распоряженій и полномочій поборники и пособники латинства допускали большія злоупотребленія и притѣсненія православныхъ. Послѣдніе лишаемы были важныхъ правъ и преимуществъ гражданскихъ. Уже въ XIV в., въ эпоху присоединенія Червонной Руси къ Польшѣ, со времени Казиміра Великаго, русскіе неоднократно жаловались на стѣсненіе своихъ правъ и свободы въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Со времени присоединенія Литвы и всего западно-русскаго края къ Польшѣ и особенно принятія польскимъ королемъ Владиславомъ Ягелло римско-католической вѣры, когда она объявлена господствующею, гоненія православныхъ, ограниченія ихъ гражданскихъ правъ увеличиваются все больше и больше [2]). Еще въ 1387 г., въ силу оффиціальной грамоты, было опредѣлено обращать въ католичество православныхъ, а противниковъ всѣми мѣрами принуждать къ латинству, прибѣгая даже къ наказаніямъ (ad quod etiam poenis corpora—bilibus compellendi) [3]). Въ 1387 г. привилегіею, данною на виленское епископство, Ягайло воспретилъ русскимъ вступать въ бракъ съ латинянками, или выходить замужъ за исповѣдующихъ латинскую вѣру, если первые не станутъ соглашаться послѣдовать латинскому вѣроисповѣданію. На главномъ сеймѣ въ Городнѣ 1413 г. было постановлено, чтобы гражданскія должности были замѣщаемы только людьми послушными римскому костелу, т. е. людьми римско-католическаго вѣроисповѣданія [4]). Въ 1381 г. папа Урбанъ VI отправилъ въ Россію особаго инквизитора для успѣховъ римской вѣры и для искорененія заблужденій (ad extirpandos errores in Russia) [5]). Сколько было сдѣлано успѣховъ латинствомъ вслѣдствіе такихъ распоряженій, хроники молчатъ. Но Ягайло и другіе явно покровительствовали латинству, какъ господствовавшей вѣрѣ, и слѣд. были пущены всѣ средства въ ходъ для распространенія католической вѣры. О дѣйствіяхъ Ягайло

---

[1]) Histor. Rus. monum. Turg, 1. pag. 13. 82.
[2]) Вѣстн. зап. Россіи 1870 г., кн. 1, отд. II.
[3]) Правосл. и рус. народ. въ Литвѣ, II Борщевскаго. 1851. 73—4.
[4]) Вѣстн. зап. Рос. 1870. кн. 1. отд. II.
[5]) Suppl. ad Histor. R. monumen. Turg. 453—454.

и Витовта извѣстно, что они употребляли всѣ насильственныя мѣры къ стѣсненію православныхъ, которыхъ считали наравнѣ съ язычниками [1]). Князь Витовтъ, крестившійся изъ разсчета три раза, православныя церкви называлъ въ актахъ синагогами. Для большаго успѣха въ 1436 г. въ Литвѣ учрежденъ былъ трибуналъ „священной инквизиціи", президенту котораго было дано право отыскивать и карать въ Литвѣ еретиковъ и отщепенцевъ [2]). Около этого времени начался, такъ называемый, Флорентійскій соборъ, въ 1433 г., а въ Польшѣ изувѣрская ненависть была въ такомъ разгарѣ, что, по просьбѣ королевича Казиміра, отецъ его Ягайловичъ, около 1480 г., запретилъ строить новыя и починять ветхія православныя церкви. Преемникъ Казиміра IV, Александръ, подстрекаемый папою Александромъ VI, вопреки брачному договору съ Іоанномъ III, княземъ Московскимъ, постоянно возмущалъ совѣсть супруги своей Елены, требуя отъ нея принятія латинства. Нѣсколько позже (1501 г.) виленскій епископъ Войцюгъ Таборъ, не довольствуясь обыкновенными мѣрами, выпросилъ у папы Александра VI буллу, которою предоставлено ему, его преемникамъ и всему римскому духовенству право казнить смертію еретиковъ; подъ этимъ именемъ разумѣлись русскіе православные [3]). Преслѣдованіе послѣднихъ было такъ велико, что даже историки, при всей своей приверженности къ католицизму, сознаются, что религіозные фанатики римскіе, стремясь къ стѣсненію православныхъ, оказали много стѣсненія русскимъ [4]). Чѣмъ упорнѣй было православное русское населеніе, тѣмъ сильнѣе преслѣдованіе. Притязательность латинской пропаганды становится болѣе замѣтной къ концу древняго періода нашей исторіи. Пособники латинства дѣйствовали по преимуществу на юго-западныхъ окраинахъ Россіи, что объясняется политическимъ состояніемъ тогдашней Руси, той ея части, которая была въ зависимости отъ польско-литовскаго государства. Въ это именно время латинскіе пропагандисты дѣйствуютъ настойчи-

[1]) Прав. и рус. народ. въ Литвѣ. Бончев. 79.
[2]) Прав. и рус. нар. въ Литвѣ. Бончев. 81.
[3]) Ibid. 86.
[4]) Ibid. 82.

вѣе и систематичнѣе самихъ папъ въ стремленіи подчинить себѣ Русскую Церковь [1]); они заявляютъ папамъ о своей ревности къ вѣрѣ и пользѣ присоединенія къ Риму Церкви Русской. „Если Евангельскій Пастырь“,—пишетъ одинъ западный путешественникъ въ Россіи (путешествіе его относится къ началу XVI ст.),—коего „вы, великій первосвященникъ, служите намѣстникомъ на землѣ, съ такимъ тщаніемъ искалъ одну изъ ста заблудшихъ овецъ своихъ и, нашедъ ее, съ такимъ восторгомъ и торжествомъ для всего неба принесъ на раменахъ своихъ обратно къ стаду, то какъ велики должны быть заботы и попеченія пастыря Церкви, когда не одна, а цѣлыя сотни заблудшихъ овецъ жаждутъ (sic!) присоединенія къ стаду Христову. Основываясь на этомъ мнѣніи, я не могу надивиться равнодушію, съ которымъ предшественники ваши оставляли (?) безъ всякаго доселѣ вниманія (sic!) Московію, страну многолюдную, различающуюся съ нами въ самыхъ маловажныхъ (?) догматахъ и безусловно преданную проклятію за отложеніе отъ Церкви, тѣмъ болѣе, что исполненіе сего требовало самыхъ незначительныхъ (sic!) усилій“ [2]). Все письмо (этого посла или путешественника Альбрехта Кампензе) направлено къ тому, чтобы папа позаботился о присоединеніи Россіи къ Римской Церкви. Послѣдователи латинства не исполняли данныхъ и формально-заключенныхъ условій съ русскими, если дѣло клонилось къ выгодѣ католичества и (чрезъ него) пользѣ въ политическихъ дѣлахъ. Для доказательства сего мы приведемъ отрывокъ изъ переписки князя Іоанна Васильевича III съ своею дочерью Еленою, женою литовскаго князя Александра, по дѣламъ церковно-политическимъ. Переписка эта началась по поводу непріязненныхъ отношеній между московскимъ и литовскимъ князьями изъ-за пограничныхъ городовъ, непризнанія со стороны Александра за Іоанномъ титула „государя всея Руси“ и другихъ мелкихъ причинъ. Съ согласія и желанія мужа и пановъ-рады Елена въ этой перепискѣ фигурируетъ въ каче-

---

[1]) Ист. р. цер. Мак. V, 338. Хр. Чт. 1855 г. 1. 20.
[2]) Библіот. иностр. писат. о Россіи. 1. т. 7, 9—10.

ствѣ посредницы между мужемъ и отцомъ, стараясь убѣдить послѣдняго сдѣлать нѣкоторыя уступки для того, чтобы состоялось примиреніе. Не вдаваясь въ объясненіе дѣйствительныхъ причинъ возникшей вражды и даже отрицая нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., принужденіе ея къ латинству, Елена сводитъ дѣло къ личнымъ отношеніямъ князей, а потому считаетъ примиреніе легкимъ, для чего требуется имѣть къ ней отеческія чувства любви и чести. Не такъ взглянулъ на дѣло Іоаннъ. „Ты, дочка,—писалъ онъ въ своей грамотѣ,—иное не по дѣлу къ намъ писала; тебѣ было не пригоже о томъ писать. А что писала къ намъ о томъ, будто тебѣ о вѣрѣ греческаго закона отъ твоего мужа посылка (понужденіе) никакова не было, но и то, дочка, намъ гораздо вѣдомо, что мужъ твой къ тебѣ о томъ не разъ посылалъ измѣнника греческому закону владыку смоленскаго, и бискупа виленскаго, и чернецовъ-бернардиновъ, чтобы ты приступила къ римскому закону. И мы, дочка, и напередъ того къ брату своему и зятю, а къ твоему мужу, о тебѣ, да и о всей Руси нѣсколько разъ наказывали, чтобы тебя да и всю Русь къ римскому закону не нудить. Ты, дочка, памятовала бы Бога, да и наше родство и наказъ, держала бы свой греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому закону не приступала ни въ чемъ, ни Церкви бы римской, ни папѣ послушна ни въ чемъ не была, къ церкви римской не ходила, душею бы никому не наровила, мнѣ бы тѣмъ и себѣ, и всему нашему роду безчестія не чинила: но что о томъ, по грѣхамъ станетъ, и намъ и всему нашему роду большое безчестіе и закону греческому укоризна, и душѣ твоей погибель, и хотя бы тебѣ до крови за то пострадати, и ты бы пострадала, а того бы не учинила, и била бы челомъ нашему зятю, а своему мужу, чтобы тебѣ церковь Божію греческаго закона поставилъ у тебя на сѣняхъ, и пановъ бы и паней далъ тебѣ греческаго закона, а панове и паньи у тебя римскаго закона, тѣхъ бы отъ тебя отвелъ“. Отсюда видно, что сосѣди русскихъ—католики, вопреки заключеннымъ условіямъ, стѣсняли религіозную совѣсть даже привилегированныхъ особъ православнаго исповѣданія. Что же дѣлалось съ простымъ безотвѣтнымъ населеніемъ? Изъ приведеннаго отрывка и дру-

гихъ одновременныхъ свидѣтельствъ видно участіе въ этомъ дѣлѣ латинскаго духовенства.

Что могла противопоставить Русская Церковь сильнымъ притязаніямъ и притѣсненіямъ латинской пропаганды и политики? Противъ папства нужно употреблять два средства, по мнѣнію Оверъ-бека: или нападать на него и разрушать, или игнорировать его. Оба эти средства нельзя назвать удовлетворительными ни съ теоритической, ни съ практической стороны; насколько первый изъ предложенныхъ способовъ отношенія къ латинству дикъ, насильствененъ и во многихъ отношеніяхъ не по силамъ и не по духу церкви, настолько же второе средство опасно и неразсчетливо. Въ своихъ отношеніяхъ къ латинству древне-русская Церковь не употребляла ни того, ни другого. Чуждая разрушительныхъ инстинктовъ и, насколько хватало у ней силъ, дѣятельная и внимательная къ своему долгу, древне-русская Церковь въ отношеніи къ латинству держалась средняго пути, состоявшаго въ томъ, что она устраняла вліяніе латинства и не давала ему успѣха въ средѣ русскаго православнаго населенія. Но это была только внѣшняя сторона дѣла. Вопросъ въ томъ: какое могло зародиться и образоваться чувство къ латинству у православныхъ, когда они видѣли, слышали [1]) и испытывали притѣсненія со стороны латинства въ западно-русскихъ окраинахъ? Новгородскія и псковскія лѣтописи представляютъ собою непрерывную борьбу русскаго населенія съ нѣмецкимъ латинствомъ. Вести упорную, отчаянную борьбу противъ „нѣмецъ“ было необходимостію въ интересахъ государственныхъ и религіозныхъ, впереди которыхъ стояла простая самозащита, борьба за существованіе. Борьба эта, а тѣмъ болѣе опасность отъ нея, не прекращалась во весь древнѣйшій періодъ нашей исторіи, принявъ въ послѣдующее время болѣе ожесточенный и рѣшительный характеръ. Среди этой борьбы воспитался взглядъ у русскихъ на сосѣдей западныхъ, какъ на враговъ своей земли и вѣры, враговъ свободнаго развитія [2]). Затаенная, скрытая вражда къ латинству не могла

[1]) Полн. собр. рус. лѣт. III., 1 Новг. лѣт. 50, 84.
[2]) Новг. и Псков. лѣт. Ист. гос. р. Карамз. V, 237.

не образоваться у православныхъ, когда послѣдніе видѣли, что литовскіе язычники и татары уважали православную вѣру, относились къ нимъ лучше, чѣмъ латиняне, хотя эти латиняне были христіане [1]). Чувство ненависти къ латинству

---

[1]) Прав. и р. пар. въ Литвѣ, Боричев. Хр. Чт. 1855 г. ч. 2. Для примѣра приводимъ то, какъ католики презрительно смотрѣли на вѣру русскихъ. Въ 1413 г. Іеронимъ Пражскій (послѣдователь Іоанна Гусса въ его борьбѣ противъ римскаго католицизма), послѣ пребыванія въ королевскомъ дворцѣ краковскомъ, отправился въ Литву къ великому князю Витовту. О пребываніи его здѣсь разсказываетъ одинъ инквизиторъ такимъ образомъ: „Въ русскомъ краѣ издавна существуетъ многолюдный городъ Витебскъ. Въ этомъ городѣ по большей части живутъ русскіе, или схизматики, придерживающіеся греческой секты, во многомъ уклоняющіеся отъ христіанской вѣры и заблуждающіеся. Въ лѣто Господне 1413, князь Витовтъ, братъ короля польскаго, прибылъ въ означенный городъ Витебскъ съ большимъ войскомъ и свитой, въ числѣ которой лично находился Іеронимъ Пражскій. Фратры и благочестивые христіане города вышли тогда навстрѣчу къ помянутому государю-князю съ процессіей и хоругвями и священными мощами. А русскіе, или схизматики, съ ихъ превратными мощами и иконами, по своему проклятому обычаю, проклятою своею процессіей вышли также навстрѣчу помянутому государю и приняли его при въѣздѣ. Вышеозначенный же Іеронимъ, во время означеннаго въѣзда, покинувъ и презрѣвъ процессію монашествующихъ братіей и христіанъ (т. е. католиковъ), пошелъ къ процессіи русскихъ, схизматическихъ и невѣрныхъ людей. И тамъ въ присутствіи до 4 или 5 тысячъ людей обоего пола, преклонивъ колѣна, онъ сталъ покланяться превратнымъ мощамъ и образамъ невѣрныхъ, схизматиковъ и русскихъ, явно и публично обращаясь къ сектѣ тѣхъ, невѣрныхъ схизматиковъ и отвращаясь отъ исповѣданія вѣрныхъ христіанъ.

„Іеронимъ, въ слѣдующее затѣмъ время, покланялся явно и публично превратнымъ мощамъ и образамъ, въ поруганіе христіанской вѣрѣ, говоря и утверждая положительно, насколько онъ могъ и отъ него зависѣло, что означенная секта русскихъ и невѣрныхъ народовъ и ихъ вѣра будетъ и есть совершенная.

„Тотъ же Іеронимъ, насколько могъ, старался, чтобы означеннаго государя, со всѣмъ его христіанскимъ народомъ, отвратить отъ христіанской вѣры и склонить оставаться въ сектѣ русскихъ и невѣрныхъ народовъ.

„Затѣмъ означенный Іеронимъ, въ присутствіи преподобнаго отца, г. епископа виленскаго, на отеческія его увѣщанія, подтверждая скверными устами свои заблужденія, въ поруганіе христіанской вѣрѣ, сказалъ положительно, что означенные схизматики и русскіе суть хорошіе христіане, и онъ пребылъ въ тѣхъ заблужденіяхъ, ободряя тѣмъ русскихъ и ихъ превратную вѣру.

„Въ вышеозначенныхъ краяхъ Россіи есть городъ Плесковъ (Псковъ), въ разстояніи около 100 нѣмецкихъ миль отъ границъ христіанъ. Озна-

такъ было законно и естественно, что населеніе заподозрѣло бы Русскую Церковь, если бы представители ея, желая возвыситься до христіанскаго идеала, стали побуждать населеніе къ всепрощающему смиренію и стоическому равнодушію. Эти качества сами по себѣ имѣютъ значеніе, какъ признаки величія и благородства души, но въ данномъ случаѣ они не могли быть приложимы; приложеніе ихъ увеличило бы бѣдствія гонимаго латинствомъ населенія, дѣлая послѣднее пассивнымъ и жалко страдальческимъ. Напротивъ, Церковь сама питала и раздѣляла по отношенію къ латинству тѣ же чувства, какими проникнуто было русское населеніе, страдавшее отъ „поганнаго латинства“.

Таковы были общіе и главные факторы, изъ которыхъ слагались отношенія древне-русской Церкви къ латинству. При взаимномъ и совмѣстномъ вліяніи этихъ факторовъ на общую и церковную жизнь русскаго народа невозможно рѣзко ихъ разграничить, а потому наше дѣленіе этихъ факторовъ на три группы имѣетъ болѣе логическое, чѣмъ строго-историческое основаніе. Слѣды такого именно вліянія указанныхъ факторовъ, какъ причинъ, отъ которыхъ зависѣлъ характеръ отношеній древне-русской Церкви къ латинству, видны изъ бывшихъ сношеній, литературныхъ взглядовъ и житейскихъ отношеній.

ченный Іеронимъ, въ лѣто Господне 1413 г., прибылъ лично въ означенный городъ Плесковъ и вступилъ въ церковь, или синагогу (?!) тѣхъ русскихъ и невѣрныхъ, во время службы, для поклоненія превратнымъ ихъ таинствамъ. И тотъ Іеронимъ, въ присутствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ христіанъ, тамъ стоявшихъ, въ пренебреженіе ключей Петровыхъ и въ поруганіе христіанской вѣры, а въ поддержаніе исповѣданія тѣхъ народовъ, преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ мнимыми ихъ Дарами явно, публично и гласно.

„Тотъ же Іеронимъ, дабы болѣе и болѣе понравиться вышеозначеннымъ невѣрнымъ и показать имъ, что онъ слѣдуетъ ихъ сектѣ и превратной вѣрѣ, и уподобиться имъ и въ обычаяхъ, также какъ и въ вѣрѣ, по обряду тѣхъ невѣрныхъ отпустилъ себѣ и носилъ длинную бороду и волосы, совершенно отринувъ и оставивъ одѣяніе и тонсуру клирика. И такъ было и есть дѣйствительно. (Журн. мин. народ. просв. 1873 г. 12. 275—276). Этого Іеронима, какъ извѣстно, на Констанцкомъ соборѣ (1414 г.) судили, между прочимъ, за его общеніе съ русскими. Подобное же мнѣніе о вѣрѣ русскихъ высказалъ (впрочемъ, въ смягченномъ видѣ) Іоаннъ Ласскій, архіепископъ Гнѣзненскій. (Histoir Russiae monumenta 1, подъ 1520 ann.)

II.

Краткая характеристика внѣшнихъ сношеній древне-русской Церкви съ римской.

Отношенія древне-русской Церкви къ латинству стоятъ въ связи съ общею государственною жизнію всего народа. Извѣстно, что какъ Церковь, такъ и государство шли въ этомъ случаѣ рука объ руку. Поэтому только изъ совокупнаго дѣйствія Церкви и государства можно объяснять то или другое замѣтное явленіе въ исторіи отношеній Руси къ латинству. Отличительная черта русскаго народа, въ его историческомъ развитіи, состоитъ въ томъ, что онъ, занятый своимъ внутреннимъ устройствомъ (время родового быта, удѣльнаго порядка и вотчинно-государственнаго устройства), былъ глухъ къ движенію и переворотамъ, совершавшимся въ западно-европейской жизни. Какимъ бы образомъ ни объяснялась эта отличительная черта въ развитіи русскаго народа, но замѣчательно то, что она совпадаетъ съ направленіемъ русской Церкви, состоявшимъ въ охраненіи своей вѣры отъ чуждыхъ вліяній латинства, въ заботѣ о внутреннемъ своемъ устройствѣ,—эта черта противоположна латинству, котораго стремленія ко внѣшнему господству сравнительно сильнѣе. Интересы древне-русской Церкви вращались въ своей собственной національной сферѣ, гдѣ требовалось ея вліяніе и содѣйствіе и гдѣ она дѣйствительно имѣла большое значеніе. Сосредоточивая свое вниманіе на тѣхъ сторонахъ и вопросахъ церковно-политической и общественной дѣятельности и жизни, какія непосредственно или посредственно съ нею связывались, она не могла и не хотѣла быть солидарною съ латинскою, или романскою Церковью; а самый характеръ латинства не только былъ противоположенъ направленію русской Церкви, но и враждебенъ ей. Поэтому, на сношенія древне-русской Церкви съ латинскою можно смотрѣть какъ на случайныя, вынужденныя необходимостію. Вотъ почему эти сношенія такъ рѣдки натянуты и безрезультатны.

Отношенія древне-русской Церкви къ латинской сложились изъ многихъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ условій. Поэтому на внѣшнія сношенія, хотя бы и случайныя, вліяли сложившіяся представленія о латинствѣ. Эти представленія о латинствѣ не оставались исключительнымъ достояніемъ Русской Церкви, но переходили въ общество, принимая во вниманіе связь Церкви съ обществомъ и особенно значеніе Церкви въ древне-русскомъ обществѣ. Это даетъ намъ основаніе представлять отношенія Церкви къ латинству фактомъ довольно сложнымъ и раздѣлить ихъ на три группы: 1) на отношенія чисто внѣшнія, или собственно сношенія древне-русской Церкви съ римской; 2) на отношенія внутреннія, подъ чѣмъ мы разумѣемъ литературные взгляды Церкви на латинство, и 3) на отношенія церковно-общественныя, какъ слѣдствія первыхъ двухъ видовъ отношеній. Излагать послѣдовательно исторію внѣшнихъ сношеній древней Руси съ римскою Церковью мы не будемъ потому, что фактическая сторона сношеній болѣе или менѣе извѣстна изъ трудовъ нашихъ церковныхъ и свѣтскихъ писателей-историковъ; для нашей цѣли достаточно краткой характеристики бывшихъ сношеній между обѣими церквами.

Сношенія древне-русской Церкви съ римскою были рѣдки. Починъ къ этимъ сношеніямъ, вообще, остается за Церковію римскою. На вызовъ послѣдней къ сношеніямъ, русская Церковь должна была, такимъ образомъ, волей-неволею отвѣчать. Отсюда объясняется случайность и натянутость въ бывшихъ сношеніяхъ. По мотивамъ и участію лицъ въ сношеніяхъ послѣднія можно назвать церковно-политическими. Попытки Римской Церкви къ сношенію и сближенію съ Церковію Русскою начались и систематически продолжались съ возникновенія послѣдней, какъ Церкви, господствовавшей въ средѣ русскаго населенія. Попытки эти продолжались, несмотря на то, что Русская Церковь отвѣчала на нихъ неохотно, а иногда вовсе не отвѣчала [1]). Эти попытки были чаще и успленнѣе, если представителямъ Русской Церкви случалось, посредственно или непосредственно, такъ или

[1]) Histor. Rus. monum. Turg. 1. XXXIII.

иначе отвѣчать. Памятниками этихъ попытокъ служатъ, между прочимъ, посланія папъ, отчасти адресованныя къ русскому народу и частнымъ русскимъ владѣтельнымъ лицамъ, отчасти къ тѣмъ, кто имѣлъ болѣе или менѣе близкую связь съ Русскою Церковію и, слѣдовательно, могъ, по сознанію папъ, такъ или иначе дѣйствовать въ пользу Рима. Посланія эти довольно многочисленны. Значительное число ихъ объясняется, съ одной стороны, изъ самаго стремленія папъ вліять на Русскую Церковь, съ другой—изъ того, что, быть можетъ, о нѣкоторыхъ сношеніяхъ Церкви Русской съ латинскою, дѣйствительно бывшихъ, но не важныхъ, наши лѣтописи не упоминаютъ [1]). Отличительный характеръ этихъ посланій состоитъ въ томъ, что они мѣтко обрисовываютъ ихъ составителей — папъ; папы, по своему обыкновенію, адресуются къ Русской Церкви, какъ будто подчиненной, которой они покровительствуютъ и милостиво снисходятъ; посланія проникнуты самоувѣренностью, притязательностью, желаніемъ и какъ-бы правомъ властвовать тамъ, гдѣ совсѣмъ не просятъ и гдѣ они не имѣютъ никакого права. Напоминанія о своей апостольской власти и право — наставлять и управлять всѣми въ мірѣ христіанскомъ повторяются почти въ каждомъ посланіи. Повелительный тонъ и однообразные пріемы составляютъ отличительную черту посланій. По духу, по выраженнымъ папами чувствамъ долга и любви къ вѣрующимъ, эти посланія напоминаютъ современныя намъ ватиканскія буллы и энциклики. Въ нѣкоторыхъ посланіяхъ искажаются факты не столько по ошибкѣ, сколько по благочестивому обману, для лучшаго достиженія своихъ цѣлей [2]). Оставляемъ частное изложеніе посланій, какъ сходныхъ по духу и пріемамъ, а съ общимъ характеромъ посланій мы познакомились, при своевременномъ изложеніи содержанія тѣхъ изъ нихъ, которыя были вызваны заботами папъ по дѣламъ миссіонерства

Въ исторіи внѣшнихъ сношеній древне-русской Церкви съ римскою можно усматривать двѣ стороны или черты, ха-

[1]) Дѣйствительно, Ник. лѣт. указываетъ на пословъ отъ папъ, но эти указанія такъ голословны, что нельзя отсюда выводить ничего опредѣленнаго. См. 1, 2 и 3 чч. лѣт. по Никонову списку.

[2]) Histor. Rus. monum. Turg. 1+LXXVIII.

рактеризующія направленіе лицъ, дѣйствовавшихъ въ сношеніяхъ. Особенность направленія дѣйствовавшихъ лицъ состоитъ въ степени выдержанности установившагося взгляда и отношенія къ латинству. Общему характеру отношеній древне-русской Церкви къ латинству, характеру, состоявшему въ нежеланіи и удаленіи отъ какихъ-бы то ни было соглашеній съ латинствомъ, сдѣлана была въ этотъ періодъ малая уступка, впрочемъ, не всею Церковію, а только незначительными ея членами. Разумѣемъ сношеніе въ 1075 г. съ папою князя Изяслава, когда послѣдній, желая получить великокняжескій кіевскій престолъ у своихъ соперниковъ, обратился къ заступничеству папы Григорія VII (Гильдебрандта), и жертвуя, по словамъ Карамзина, своему властолюбію, и православіемъ восточной Церкви, и достоинствомъ государя независимаго, призналъ не только духовную, но и мірскую власть папы надъ Русью. [1]) Но такъ какъ эта уступка незначительна и объясняется политическимъ состояніемъ Россіи и не имѣла за собою никакихъ вредныхъ слѣдствій, то существованіе этой уступки, какъ исключенія, ни мало не измѣняетъ характера отношеній Церкви къ латинству. Какъ-бы то ни было, эта уступка даетъ намъ поводъ дѣлить дѣйствовавшихъ въ сношеніяхъ лицъ на двѣ категоріи, или стороны: первую можно назвать строго-охранительною, а вторую — уступчивою.

Принятіе Владиміромъ христіанства отъ грековъ, а не отъ Рима, было важнымъ историческимъ моментомъ, имѣло большое значеніе какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Принятіе латинства Владиміромъ нравственно и по необходимости побуждало бы князя принять участіе въ дѣйствіяхъ европейской политики, которую папы тогда старались направить (и направляли) по своему. Важность этого момента сознавали сами русскіе, совѣтуя Владиміру быть въ выборѣ осторожнымъ, почему и посылалось посольство русское для ознакомленія (насколько возможно) съ греческимъ и латинскимъ вѣроисповѣданіями. Не менѣе придавали значенія этому событію и папы, силившіеся представить свою

[1]) Карамзинъ. Ист. госуд. Рос. т. II. 72—73.

вѣру въ лучшемъ видѣ, а греческую—какъ схизму. Рѣшеніе Владиміра, послужившее авторитетомъ и образцомъ русскимъ въ ихъ отношеніяхъ и отвѣтахъ на запросы латинянъ, заключаетъ въ себѣ очень много, если всмотрѣться въ него глубже. Изъ анализа его отвѣта можно вывести то, что отношенія Русской Церкви къ латинству начались очень рано, ранѣе княженія Владиміра, какъ и самая Церковь существовала раньше его (Ольга, Аскольдъ и Диръ); начинавшейся Церкви не могли упустить изъ виду латинскіе миссіонеры, какъ дѣятельные и зоркіе; на ихъ стремленія намекаетъ и Владиміръ въ отвѣтѣ посламъ, предлагавшимъ и хвалившимъ свою вѣру (отцы наши сего не пріяли). Подъ отцами можно разумѣть предшественниковъ Владиміра — княгиню Ольгу, Игоря, Аскольда и Дира, при которомъ, по всей вѣроятности, была латинская миссія. Нѣтъ основаній отрицать посольства, которое отправила Ольга-христіанка къ Оттону I Великому (959 г.), о чемъ единогласно говорятъ многіе иностранные лѣтописцы. Но это посольство посылаемо было не за тѣмъ, чтобы просить епископа и священниковъ, въ которыхъ Ольга не нуждалась, имѣя у себя духовныхъ лицъ изъ Греціи, а зачѣмъ-то другимъ [1]). Но Оттонъ I, извѣстный своею ревностью къ распространенію христіанства (латинскаго) между славянами, пользуясь случаемъ посольства, рѣшилъ отправить къ русскимъ (960 г.) непрошеннаго епископа — сначала Либуція, а за смертію его Адальберта изъ братства св. Максима въ Трирѣ. Но, прибывши къ русскимъ (genti Rugorum), Адальбертъ не имѣлъ никакого успѣха, посему и долженъ былъ возвратиться назадъ ни съ чѣмъ; на пути изъ Россіи нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты, а самъ онъ едва спасся отъ опасности. По свидѣтельству Никон. лѣтописи, къ Ярополку, въ 979 г., приходили послы отъ папы; хотя въ лѣтописи не говорится о цѣли посольства, но можно заключать, что цѣль состояла въ привлеченіи Ярополка къ католическому вѣроисповѣданію. Правда, нѣтъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ о намѣреніи Ярополка оставить

[1]) Шлецер. III. 445—460; Истор. христіанства до Владиміра 312—316; журн. м. н. пр. 1843 Іюнь. Истор. рус. церкви. Е. Е. Голуб. 1. 70—73; 79—80.

язычество и перейти къ христіанству, но о расположенности его къ послѣднему можно дѣлать основательное предположеніе. Не на основаніи сомнительной Якимовой лѣтописи Татищева, а по другимъ соображеніямъ можно полагать, что Ярополкъ былъ человѣкъ, расположенный къ христіанству: во-первыхъ, онъ, какъ старшій изъ братьевъ, находится подъ вліяніемъ Ольги-христіанки гораздо болѣе времени, чѣмъ Владиміръ; во-вторыхъ, княженіе Ярополка не далеко было отъ времени крещенія Руси, а такъ какъ послѣднее нужно разсматривать не какъ личное и случайное дѣло Владиміра, а какъ дѣло общенародное, вызванное серьезными политическими и культурными причинами, то рѣчь о принятіи христіанства на мѣсто язычества была своевременна и въ княженіе, предшествовавшее Владиміру; въ третьихъ, такъ какъ папы не дѣйствовали наобумъ, то посольство отъ нихъ къ Ярополку руководилось данными, по которымъ оно разсчитывало на успѣхъ; къ Святославу, какъ истому язычнику, не было посольства отъ папы. Но посольство къ Ярополку не сопровождалось никакими послѣдствіями, о чемъ можно заключать на основаніи молчанія лѣтописи. Владиміръ, далѣе, подъ отцами могъ разумѣть и соплеменниковъ своихъ, ближайшихъ къ Руси (южной) славянъ, къ которымъ онъ себя причислялъ, какъ князь одного изъ славянскихъ народовъ, относившихся враждебно къ латинско-нѣмецкой миссіи и не принимавшихъ ея за ея прозелитизмъ и насиліе. Иностранные памятники, не говоря о ихъ пристрастіи, указываютъ на давность католической миссіи въ предѣлахъ возникавшей Руси; самое образованіе Руси, сопровождавшееся приливомъ однородныхъ элементовъ въ ея составѣ, вліяло на усиленіе движенія южныхъ и западныхъ славянъ въ мѣстности Россіи,—славянъ, у которыхъ отношенія къ латинско-нѣмецкой пропагандѣ начались гораздо ранѣе и обозначились въ смыслѣ нерасположенности и племенной вражды.

Итакъ, отвѣтъ Владиміра, которымъ опредѣлился характеръ отношеній Русской Церкви къ латинству, заставляетъ связывать древнѣйшую Русскую Церковь съ православными славянскими церквами въ ихъ отношеніи къ латинству, какъ церковно-политической доктринѣ, къ которой онѣ съ давнихъ

поръ чувствовали нерасположенность [1]). Съ самаго начала возникновенія Русской Церкви, римская церковь силилась войти въ ближайшее сношеніе съ Русью. Чѣмъ сильнѣе былъ успѣхъ грековъ въ Россіи, тѣмъ усиленнѣе было это стремленіе. Но сочувствіе и довѣріе русскихъ къ грекамъ было такъ велико, что Римъ долженъ былъ испытывать неудачи съ самыхъ раннихъ поръ. Такъ, когда князь Владиміръ находился въ Корсунѣ, сюда прибыло къ нему посольство отъ папы [2]). Опасаясь вліянія на князя со стороны этого посольства, греческое духовенство сочло необходимымъ предостеречь князя отъ опасности и включило въ исповѣданіе вѣры, которое читалъ Владиміръ при крещеніи, заповѣдь беречься отъ латинской вѣры, какъ развращенной [3]). Эта заповѣдь не могла не подѣйствовать сильно на Владиміра, бывшаго до смерти вѣрнымъ представителемъ греко-русской Церкви. Вотъ почему и всѣ послѣдующія сношенія латинянъ съ Владиміромъ не имѣли никакого успѣха, какъ это можно думать на основаніи лѣтописи, дѣлающей одни голословные намеки, одни указанія на сношенія [4]). Нужно думать, что послѣ неудачной попытки (988 г.) отклонить Владиміра отъ церковнаго союза съ греками, папа присылалъ къ нему новыя посольства. По свидѣтельству Ник. лѣтописи, было посольство отъ папы въ 991 г.; въ 996 ко Владиміру приходили послы отъ королей польскаго и чешскаго; подъ 1000 г. упоминается о посольствахъ ко Владиміру отъ папы и королей чешскаго и польскаго, съ которыми Владиміръ жилъ въ мирѣ и любви. Нельзя сказать съ увѣренностью, сопровождали-ли послы королей посольство папы и имѣли-ли они общую цѣль съ папою, которая могла состоять въ призывѣ Владиміра отъ грековъ къ Римской Церкви, хотя допущеніе этого предположенія не представляетъ ничего невѣроятнаго и несообразнаго. Но о цѣляхъ, какія имѣли папы, отправляя частныя посольства въ Россію, не можетъ быть сомнѣнія. Владиміръ твердо рѣшился войти въ ближайшій непосред-

[1]) Полн. соб. рус. лѣт. 1862 г. IX, 3.
[2]) Ник. лѣт. 1. 92.
[3]) Ник. лѣт. 1. 104. Полн. соб. рус. лѣт. 1. 52.
[4]) Ник. лѣт. 1. 104.

ственный союзъ съ греками, а не съ латинянами, а посему старанія папъ окончились любезностью, а не чѣмъ-либо существеннымъ [1]), не имѣли успѣха и сношенія, бывшія при его внукѣ Изяславѣ, какъ и сношенія позднѣйшія. Главныя и достовѣрныя сношенія были слѣдующія: 1) при кіевскомъ митрополитѣ Іоаннѣ II, въ 1080—1088 г.; 2) въ правленіе галицкаго князя Романа, въ 1204 г.; 3) при сынѣ его, Даніилѣ Романовичѣ, въ 1245—1247 г.; 4) въ княженіе Александра Невскаго, въ 1246 г.; 5) при королѣ шведскомъ Магнусѣ, предлагавшемъ въ 1347 г. новгородцамъ состязаться о вѣрѣ латинской и греческой, и 6) при митрополитѣ Исидорѣ, въ 1448 г. Всѣ сношенія, исключая одного (сношеніе Изяслава Ярославича) были по вызову Римской Церкви. Русской Церкви приходилось отвѣчать на вызовы Рима. Въ теченіе всего древняго періода, продолжавшагося около V вѣковъ (XI—XV вв.), Русская Церковь держала себя уклончиво и замкнуто отъ Церкви Римской, вѣрная своему духу и данному св. Владиміромъ направленію въ этомъ отношеніи. Уступчивая политика Даніила Галицкаго (1245—1257 г.) и соглашеніе митрополита Исидора (1438—1439 г.) на подчиненіе Русской Церкви папѣ составляютъ нѣкоторое исключеніе въ направленіи Церкви. Но политика Даніила есть дѣло частной Церкви, вызвана необходимостью, дѣло не искреннее, не сопровождавшееся никакими замѣтными послѣдствіями. Еще менѣе важенъ, а потому не бросаетъ тѣни на Русскую Церковь, поступокъ Исидора-грека, какъ поступокъ его чисто личный, совершившійся наперекоръ желанію и намѣренію Русской Церкви и отвергнутый послѣднею, какъ несообразный и противный ея направленію по отношенію къ латинству. Центръ Русской Церкви—московскій сѣ-

---

[1]) Извѣстія о попыткахъ папъ во время Владиміра читаются въ лѣтописи по Ник. списку. Нѣтъ основаній считать извѣстія эти за вымыслъ; но съ другой стороны нельзя думать, чтобы въ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, редакціяхъ первоначальной лѣтописи извѣстія были, какъ это нѣкоторые думаютъ, опущены съ цѣлью изгладить изъ памяти нашей исторіи о сношеніяхъ съ папами; сношенія, какъ сами по себѣ и особенно какъ возникшія по иниціативѣ папъ, не могутъ дать повода къ упреку русскихъ, если эти попытки оканчивались неудачею для папъ.

веръ, сильный и обезопасенный въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, оказался достаточно твердымъ и въ отношеніи церковномъ; московскій іерархическій центръ остался не только вѣренъ своему направленію въ отношеніяхъ къ латинскимъ притязаніямъ, но и энергически отражалъ эти нападенія. Московскій князь Василій своею твердостью и отраженіемъ нападенія латинства искупилъ легкомысліе Изяслава и уступчивость Даніила — князей болѣе подвижного, чѣмъ сѣверъ, юга. По настоянію Церкви Иванъ III даже не позволилъ легату римскому войти „съ крижемъ“ въ Москву.

III.

Древне-русскіе литературные взгляды на латинство.

Одновременно и отчасти въ связи съ отношеніями внѣшними существовали отношенія внутреннія, подъ которыми мы разумѣемъ литературные взгляды и понятія древне-русской Церкви о латинствѣ. Хотя внѣшнее условливается внутреннимъ и вытекаетъ изъ послѣдняго, какъ изъ своего основанія и источника, однако, этого общаго сужденія нельзя приложить къ всевозможнымъ случаямъ, хотя они implicite предполагаются общимъ заключеніемъ. Было бы поэтому ошибкой судить, на основаніи внѣшнихъ сношеній Русской Церкви съ латинской, объ *истинныхъ* отношеніяхъ первой къ послѣдней. Такъ, папскія посланія, адресованныя непосредственно къ русскому народу, отличаются по мѣстамъ вѣжливымъ тономъ и расположеніемъ къ русскимъ, но весьма естественно заподозрить папъ въ искренности и дѣйствительности выраженныхъ ими чувствованій и расположеній. Въ свою очередь, нѣкоторые отвѣты Русской Церкви на вызовы со стороны римской отличаются кроткимъ, вѣжливымъ характеромъ, такъ что, если судить на основаніи посланія митрополита Іоанна II къ анти-папѣ Клименту VII объ отношеніяхъ церквей, то можно заключить о существованіи взаимнаго расположенія обѣихъ Церквей, чего вовсе не было или что требуетъ другихъ, болѣе фактическихъ доказательствъ.

Тогда какъ внѣшнія сношенія Русской Церкви съ Римской, какъ не вытекавшія изъ внутреннихъ потребностей первой, представляютъ случайныя отрывочныя черты и дѣйствія въ исторіи ея существованія, литературныя отношенія выражаютъ понятія и взгляды, исторически сложившіеся и существовавшіе подъ вліяніемъ указанныхъ намп трехъ главныхъ факторовъ. Если во внѣшнихъ сношеніяхъ являются недомолвки, натянутости, фразы, словомъ, все то, что мы соединяемъ съ именемъ дипломатіи и политики, то въ литературѣ мысль и чувства выражаются естественнѣе, прямѣе и полнѣе. Литература, поэтому, представляется, въ сравненіи съ внѣшними сношеніями, болѣе чистымъ источникомъ для выясненія характера отношеній древней Русской Церкви къ латинству. Понимаемая, какъ выраженіе общества и господствующаго направленія, литература устойчивѣй и постояннѣй, чѣмъ дѣло немногихъ дѣйствовавшихъ въ сношеніяхъ лицъ. Литературныя понятія древне-русской Церкви о латинствѣ, какъ цѣломъ церковномъ институтѣ, заключаются главнымъ и преимущественнымъ образомъ въ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ латинства. Общему очерку характера и изложенія содержанія полемической литературы противъ латинянъ мы считаемъ нужнымъ предпослать нѣсколько словъ о связи этой полемики съ Церковью и древне-русскимъ духовнымъ просвѣщеніемъ, какъ источникомъ, изъ котораго объяснялось происхожденіе, освященіе и значеніе направленной противъ латинянъ полемики.

Нѣтъ сомнѣнія, что древне-русская Церковь имѣла большое значеніе въ развитіи русскаго общества. Русскій народъ не безъ основанія признается народомъ, по преимуществу, религіознымъ; онъ до сихъ поръ еще живетъ подъ вліяніемъ религіознаго чувства. Если вѣрно, что въ старыя времена русскій народъ жилъ или, по крайней мѣрѣ, думалъ жить преимущественно жизнью религіозною, то главную и почти единственную причину этого явленія нужно приписать Церкви, образовательному дѣйствію которой подчинялось общество, какъ низшее по развитію и жизни. Если Церковь участвовала и имѣла значеніе въ сферѣ ей непосредственно и юридически не принадлежащей, то значеніе ея (Церкви) является

необходимымъ, постояннымъ и могучимъ тамъ, гдѣ были затрогиваемы ея интересы, гдѣ она видѣла свой прямой долгъ, свое profession de foi. Будучи національною Русскою Церковью какъ по своему составу, такъ и по солидарности съ лучшими стремленіями общества, она въ то же время высказывала свое отношеніе и связь съ Церковью Греческою, отъ которой она зависѣла столько же іерархически, сколько нравственно и культурно. Нравственною связью и единеніемъ съ Церковью греческою Русская намѣчала и опредѣляла черту, которая отдѣляла и должна отдѣлять Русскую Церковь отъ совмѣстно существовавшей и самостоятельной церкви латинской. Опредѣленіе извѣстныхъ границъ и отношеній къ послѣдней было необходимымъ условіемъ и слѣдствіемъ нравственной связи Русской Церкви съ Греческою съ того времени, какъ началась и дѣйствительно существовала эта связь. Такъ какъ для установленія предѣловъ и отношеній Русской Церкви къ латинству должны быть руководящія правила и понятія, то она вынуждена была принимать и постепенно усвоять сложившіяся у грековъ и передаваемыя ими понятія о латинствѣ вмѣстѣ съ другими достояніями и проявленіями греческой культуры. Насколько древне-русская Церковь была зависима отъ греческой, настолько она повторяла и усвояла понятія о латинствѣ со словъ грековъ. Насколько Русская Церковь испытывала вліяніе и дѣйствія на себѣ латинства, настолько эти понятія переходили въ образныя представленія и живыя чувствованія относительно латинства. Если дѣйствія латинства на Русскую Церковь вызвали мало самостоятельныхъ чисто національныхъ трудовъ литературныхъ, то это вознаграждалось скрытымъ, но сильнымъ церковно-общественнымъ и народнымъ чувствомъ, не только не равнодушнымъ, но прямо враждебнымъ ко всему латинскому строю. Изъ сказаннаго объясняется происхожденіе и характеръ полемической литературы противъ латинянъ. Одинаковое направленіе древне-русской Церкви и степень духовнаго просвѣщенія Россіи дополняютъ другія черты полемики противъ латинянъ.

Направленная противъ латинянъ древне-русская полемическая литература стоитъ въ связи съ общимъ характеромъ

духовной литературы древняго періода. Духовная литература была болѣе подражательная, чѣмъ самостоятельная; она состояла изъ переводовъ съ греческаго и славянскаго языковъ. Переводы съ греческаго и славянскаго языковъ, начавшіе появляться на Руси съ введеніемъ и распространеніемъ въ ней Христіанства, постепенно усиливались по мѣрѣ успленія грамотности и потребности любознательныхъ людей. Большую распространенность и большое значеніе слѣдуетъ признать за греческою литературою, бывшею въ древней Руси образцомъ, которому старались подражать. Вліяніе греческихъ переводовъ, вносившихъ въ жизнь русскаго народа новыя идеи и понятія, было весьма велико, если примемъ въ соображеніе, что вся образованность древней Руси является въ тѣсной связи съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Переводная духовная литература должна была подчинить своему вліянію умы и сердца русскихъ, искавшихъ христіанскаго просвѣщенія. Главнѣйшее вліяніе переводной литературы заключается въ томъ, что она создала собственно русскую духовную литературу, которая возникла и развилась подъ исключительнымъ почти вліяніемъ греческихъ образцовъ; по примѣру греческихъ духовныхъ литературныхъ произведеній, у насъ стали писать разнаго рода сочиненія. Подражаніе греческимъ образцамъ было не только съ внутренней, но и внѣшней стороны [1]). Но въ то же время и русскіе люди начали свои силы испытывать въ собственныхъ сочиненіяхъ духовнаго содержанія, но и въ этихъ случаяхъ они тяготѣли къ греческимъ образцамъ; и эти писатели были болѣе довольны своими произведеніями и спокойны, если они были ближе къ греческому образчику.

Такимъ же точно образомъ возникла и развилась полемическая литература противъ латинянъ. Полемическія сочиненія, касавшіяся латинянъ, появляются при самомъ возникновеніи Русской Церкви. Раннее появленіе этой полемики и взглядовъ на латинство объясняется стремленіемъ Церкви оградить новообращенную Русь отъ латинскихъ притязаній, ко-

[1]) Истор. рус. литер. Караулова, 1 — 129. Бесѣды рос. слов. 1867 г., 1, 39—50.

торыя были настойчивы и часты во время принятія св. Владиміромъ Христіанства. Само собою разумѣется, что общими и почти исключительными источниками для литературныхъ взглядовъ Церкви о латинствѣ были греческіе, какъ и вообще греческія сочиненія служили для русскихъ проводниками христіанскихъ идей. Нравственная связь Византіи съ Русью имѣла такую силу, что всякому русскому было вполнѣ естественно и необходимо искать у грековъ объясненія всего того, что имѣло войти въ содержаніе русской христіанской жизни. Окружное посланіе патріарха Фотія, которымъ собственно началась, долго поддерживалась и оживлялась серьезная полемика греческой церкви съ Римскою, посланія Михаила Керулларія и Петра Антіохійскаго къ разнымъ лицамъ, сочиненія Никиты Стифата (или Пектората) и др. были главными источниками, откуда древне-русская литература (полемическая) заимствовала свои свѣдѣнія о всей латинской церкви и жизни [1]). Кромѣ общаго и даже буквальнаго сходства между большею частію русскихъ и греческихъ полемическихъ сочиненій, въ возможности и дѣйствительности подобныхъ заимствованій у грековъ русскими убѣждаютъ и многія историческія соображенія. Извѣстно, что дѣло патріарха Фотія и Михаила Керулларія съ папами надѣлало много шуму во всей восточной церкви. Борьба была не частная и мелкая, но большая и упорная между обѣими половинами христіанскаго

[1]) Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій (XI—XV вв.) противъ латинянъ г. А. Попова (Москва 1875 г.)— есть спеціальное изслѣдованіе источниковъ, откуда древне-русская полемическая литература заимствовала матеріалъ и форму для сужденія о латинствѣ. Изъ изслѣдованія оказывается, что большинство русскихъ полемическихъ сочиненій заимствовано изъ греческихъ или буквально, или съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями, сдѣланными приспособительно къ случаямъ русской церковной практики. Всѣ древнѣшія полемическія сочиненія (за исключеніемъ слова Ѳеодосія), обнимающія собою X — XV вв., переведены съ греческаго и по отношенію къ своимъ источникамъ представляютъ мало самобытнаго. Въ ряду полемическихъ сочиненій, появлявшихся и распространявшихся на Руси въ теченіе 200 лѣтъ (XIII — XV вв.), не видно ни одного полемическаго сочиненія, написаннаго русскимъ въ опроверженіе Флорентійскаго собора. Обстоятельный разборъ этого сочиненія сдѣланъ проф. Павловымъ въ его спеціальномъ изслѣдованіи: „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. Спб., 1878 г.

міра. Можно думать, что каждый усердный къ своему дѣлу епископъ греческій не только хорошо зналъ всѣ обстоятельства этой борьбы, но имѣлъ у себя подъ руками и живые памятники этой борьбы—списки сочиненій лучшихъ борцовъ за интересы константинопольской Церкви. По своей важности для всей Церкви и, вмѣстѣ, въ силу зависимости Русской Церкви отъ греческой, эти дѣянія и посланія патріарховъ не могли оставаться неизвѣстными и на Руси. Каждый митрополитъ, отправляясь на русскую каѳедру, считалъ обязаннымъ приносить съ собою эти, дорогія для него, сочиненія, даже намѣренно долженъ былъ запасаться ими, потому что, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и въ нашей Церкви, по поводу внѣшнихъ сношеній съ латинствомъ, являлась потребность въ подобнаго рода сочиненіяхъ. И если, какъ нѣкоторые думаютъ, дѣло пословъ папскихъ съ Михаиломъ Керулларіемъ тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ и въ Кіевѣ [1]), если такъ скоро могла къ намъ перейти отлучительная грамота, то тѣмъ болѣе могли и должны были перейти къ намъ сочиненія, направленныя противъ самой грамоты и ея составителей (Гумберта и др.). Но заимствованіе Русскою Церковью полемическихъ греческихъ сочиненій, какъ и всего другого, усвоялось и считалось Церковью, какъ ея собственное пріобрѣтеніе и убѣжденіе. Это заимствованіе не исключало рѣшительно и самостоятельности въ русскихъ писателяхъ — полемическихъ, хотя эта самостоятельная дѣятельность очень слаба и подражательна. Возникновеніе и распространеніе полемическихъ сочиненій противъ латинянъ условливалось какъ общимъ постояннымъ и сильнымъ напоромъ латинской пропаганды въ разныхъ предѣлахъ Русской Церкви, такъ и извѣстными сношеніями между Русскою и Римскою Церковью, и сношеніями, вызвавшими (послѣ флорентійскаго собора) цѣлый рядъ посланій русскихъ митрополитовъ противъ латинства.

Характеръ направленной противъ латинства полемики выяснится изъ послѣдовательнаго изложенія главнаго содержанія полемической литературы, тѣхъ существенныхъ мѣстъ и пунктовъ ея, въ которыхъ высказываются взгляды и понятія древ-

---

[1]) Ист. р. цер. преосв. Филарета, 1—54

не-русскихъ церковныхъ писателей о латинствѣ. Не можемъ, однако, не сказать, что этотъ характеръ полемики стоитъ въ тѣсной связи съ господствовавшимъ древне-русскимъ просвѣщеніемъ. Тогдашнее просвѣщеніе опредѣляется преобладаніемъ внѣшняго обряда надъ внутреннимъ содержаніемъ. Все, что имѣло отношеніе къ церковному обряду, стояло, въ мнѣніи древне-русскихъ людей, на первомъ планѣ, было предметомъ перваго вниманія и интереса; догматъ же почти всего менѣе обращалъ ихъ вниманіе. Сосредоточенность на обрядѣ проходитъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе укрѣпляется въ понятіяхъ общества. Возникавшіе тогда вопросы и недоумѣнія были обрядоваго, но весьма рѣдко догматическаго свойства. Вопросы Кирика къ разнымъ іерархическимъ лицамъ касаются не внутренней стороны вѣры, а внѣшней, обрядовой и канонической [1]). Возникшій около половины XII в. въ сѣверной и южной Россіи споръ состоялъ въ томъ, должно-ли соблюдать постъ по средамъ и пятницамъ, если въ эти дни случатся какіе-либо великіе праздники. Споры „объ аллилуія и о хожденіи по солнцу или противъ солнца“ при совершеніи церковныхъ обрядовъ, о двуперстномъ или триперстномъ знаменіи крестомъ — касаются чисто обрядовой стороны. Такому нами представленному общему характеру древнѣйшаго русскаго просвѣщенія не противорѣчитъ то, что съ самаго начала Христіанства на Руси новообращенный русскій народъ получалъ съ православнаго Востока въ большомъ числѣ сочиненія, въ которыхъ основныя истины Христіанства раскрывались во всей ихъ чистотѣ, глубинѣ и полнотѣ, и изъ которыхъ, поэтому, можно было узнать и оцѣнить относительное значеніе догматической и обрядовой стороны православія, дабы не смѣшивать того и другого, не предпочитать и не выставлять на первомъ мѣстѣ то, что имѣетъ второстепенное, дополнительное и изъяснительное значеніе. Но нужно сказать, что подъ вліяніемъ такихъ сочиненій воспиталось лишь немного личностей, глубокое пониманіе которыми Христіанства запечатлѣно ихъ образцовыми литературными произведеніями. Но такія свѣтлыя личности,

[1]) Памят. р. слов. XII в. Калайд. 173—203.

какъ митр. Иларіонъ, Кириллъ Туровскій, Несторъ Печерскій и др., не составляютъ большинства и не могутъ служить мѣрою общаго состоянія образованія древней Руси,—образованія, признаннаго неудовлетворительнымъ какъ неопровержимый фактъ, оспаривать который могутъ только пристрастные патріоты. Правда, въ общей системѣ христіанскаго культа обрядъ является только символическимъ, конкретнымъ выраженіемъ извѣстной религіозной идеи, которую догматъ высказываетъ отвлеченно, посему между тѣмъ и другимъ существуетъ тѣсная, внутренняя связь, которая для цѣльнаго и живого религіознаго представленія является неразрывною; но обрисовкою древне-русскаго религіозно-церковнаго сознанія и отношенія къ Христіанству, какъ культу, мы только констатируемъ *фактъ* — фактъ тогдашняго пониманія догмата и обряда, а не относимся къ этому съ какими-либо излишними требованіями, какъ это можетъ показаться [1]). Итакъ, отсутствіе самостоятельности и подражательность, соединенныя съ преобладаніемъ внѣшности надъ внутреннимъ содержаніемъ, составляютъ отличительныя черты общей образованности древней Руси.

Преобладаніе внѣшности и обрядности надъ внутреннею стороною вѣроученія и церковной жизни замѣтно и въ полемической литературѣ противъ латинства.

Итакъ, что такое латинство, по представленію греческихъ и русскихъ духовныхъ писателей, изъ совокупности которыхъ образовались и установились господствовавшіе въ древне-русской Церкви взгляды на весь римско-католическій церковный институтъ? Трудно сдѣлать точное этнологическое опредѣленіе латинства, хотя несомнѣнно, что этнологическая особенность входила въ понятіе о латинствѣ, какъ его существенный признакъ. Имя латинянъ, по представленію греческихъ историковъ, было общимъ названіемъ всѣхъ западныхъ народовъ, преимущественно итальянцевъ и французовъ; латиняне существенно отличаются отъ грековъ по происхожденію, характеру и общественному положенію.

---

[1]) Критич. опыт. по истор. древне-р. полемики противъ латинянъ. А. С. Павлова, 16.

Въ Греческой Церкви понятіе о латинствѣ, какъ отличномъ отъ византійскаго церковномъ направленіи, начало складываться съ того времени, когда стала слабѣть нравственная связь между Римскою и Греческою церковью, — когда ихъ взаимныя разности, догматическія, каноническія и обрядовыя, въ связи съ національными историческими причинами, постепенно ослабляли и, наконецъ, расторгли единство церквей. Около VIII—IX вв. слово „латиняне“ употреблялось греками въ смыслѣ ироническомъ и пренебрежительномъ, въ смыслѣ людей неправыхъ, гордыхъ, нечестивыхъ [1]), нарушителей церковнаго единства, преступныхъ въ искаженіи и попраніи истины [2]). Въ послѣдующее время, вслѣдствіе непріятныхъ столкновеній съ греками какъ самой западной Церкви, такъ и ея сторонниковъ и послѣдователей о представленіе о латинянахъ расширилось и нерасположеніе къ нимъ грековъ усилилось, такъ что съ именемъ латинянъ или латинства соединялось представленіе о церковной схизмѣ и нравственной испорченности и грубости. „Латинянинъ“, говоритъ греческій историкъ XII в., побѣдившій и захватившій врага въ свои руки, есть зло самое несносное и неизобразимое словомъ. Если плѣнникъ его будетъ римлянинъ и, притомъ, человѣкъ вовсе незнающій италійскаго языка и столько чуждающійся иностранныхъ обычаевъ, что даже въ одеждѣ у него нѣтъ ничего общаго съ латинянами, то его считаютъ существомъ отверженнымъ отъ Бога... Какая смертоносная ехидна, какой ядовитый змѣй, блюдущій пяту, какой левъ, губитель быковъ, пренебрегающій вчерашнимъ словомъ и питающійся только свѣжей добычею, можетъ такъ неистовствовать, какъ неистовствуютъ безчеловѣчные латиняне надъ своими плѣнниками?! Они не трогаются мольбами, не смягчаются слезами, не умиляются ласковыми словами... Жестокосердая душа латинянина остается безжалостною и, подобно твердой наковальнѣ, не поддается никакимъ просьбамъ. Люди этого племени (?!) умѣютъ удовлетворять только гнѣву, любятъ подчиняться

---

[1]) Церковь римск. и византъ. въ ихъ взаимномъ отн. и спор. А. Лебедева. Москва, 1875 г. 1—2 вып.

[2]) Обз. полем. сочин. противъ лат. А. Попова, 9—10.

только его внушеніямъ. Какого ужаснаго зла не сдѣлаетъ человѣкъ, ненавидящій римлянъ, собравшій въ сердцѣ своемъ такую злобу къ еллинамъ, какой никогда не собиралъ въ себѣ и не порождалъ самъ древній змій, врагъ человѣческаго рода? Проклятые латиняне считаютъ чуть не раемъ страну, въ которой намъ досталось жить и собирать плоды; до безумія влюбленные въ наши блага, они вѣчно злоумышляютъ противъ нашего рода и стараются всячески сдѣлать намъ зло. Иногда, соображаясь съ обстоятельствами, они притворяются и нашими друзьями, но ненавидятъ насъ, какъ злѣйшіе враги. Даже и тогда, когда говорятъ они ласковыя слова, льющіяся тише и нѣжнѣе елея, и тогда слова ихъ—стрѣлы и острѣе обоюдоострaго меча. Такимъ образомъ, между нами и ими утвердилась величайшая пропасть вражды, и мы не можемъ соединиться душами и совершенно расходимся другъ съ другомъ, хотя и бываетъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и часто живетъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Они, привыкшіе ходить большею частію съ поднятою головою и надменно выпрямляющіе свой станъ, обыкновенно смѣются надъ кротостью нашего характера и надъ нашимъ смиреніемъ, происходящимъ отъ нашего скромнаго о себѣ мнѣнія; а презирая ихъ гордость, хвастливость, спѣсь и надменность, наступаемъ на ихъ поднятую голову вверхъ и доселѣ попираемъ ее силою Христа, Дающаго власть наступать на змѣй и скорпіоновъ безъ всякаго зла и вреда [1]). Замѣчательно, что историки дѣлаютъ различіе между римлянинами и латинянами, хотя на первый взглядъ оба эти названія кажутся одинаковыми, даже тожественными. Мысль историка та, что латинянамъ онъ даетъ довольно позднѣйшее происхожденіе, пріурочивая его ко времени великаго переселенія народовъ на европейской территоріи и смѣшенія многихъ народностей въ V—VIII вв. Приливъ различныхъ народностей, нахлынувшій и сокрушившій Западную Римскую имперію, внесъ въ народонаселеніе Италіи множество чуждыхъ и грубыхъ элементовъ, которые не столько своею силою, сколько естественною грубостію и гражданскою неупорядоченностію повредили благородной и

[1]) Визант. истор. I. 382—383.

чистой крови, текшей въ древне-римскомъ населеніи. Названіе римлянина историки усвояютъ и оставляютъ за тѣми жителями Италіи и Греціи, которые, такъ сказать, остались неповрежденными отъ варварской смѣси и вліянія. Византійцы называютъ себя римлянами и послѣ раздѣленія церквей, во все время существованія Имперіи, но нигдѣ не называютъ себя латинянами, каковое названіе усвояютъ сторонникамъ папства [1]). Очевидно, что понятіе латинянинъ употреблялось исключительно въ дурномъ смыслѣ [2]). Такимъ образомъ греки отличаются отъ латинянъ по происхожденію и нравственнымъ качествамъ. Къ нравственной порчѣ латинянъ, проявившейся въ ихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ грекамъ въ IX — XII вв., греческіе церковные писатели присоединяли религіозныя отступленія латинянъ, поставляя то и другое въ близкую связь между собою. Греческія представленія о латинянахъ переносились и принимались Русскою Церковію, принимая мѣстный своеобразный отпечатокъ.

Отрицательныя черты латинства, какъ особаго западно-романскаго церковнаго общества [3]), обобщены и обличены древне-русскими духовными грамотѣями въ литературный эпизодъ, въ которомъ, несмотря на вымышленность и темноту разсказа, можно усмотрѣть намеки на историческія событія и факты, которые или были одновременны съ возникшими между римскою и греческою церквами недоразумѣніями, спорами и ихъ слѣдствіями [4]), или непосредственно и посредственно вліяли на нерасположеніе, взаимное обличеніе и раздѣленіе церквей. Этотъ эпизодъ мы видимъ въ извѣстномъ разсказѣ о Петрѣ гугнивомъ [5]). Церковно-историческая ли-

---

[1]) Ник. Хон. 11. 273.

[2]) Виз. ист. (Никита Хоніатъ) т. 1. 208. 383—382.

[3]) Византт. истор. 1. 382.

[4]) Cursus completus. Latin. Patrolog, Migne, t. 98. (Libri Carolini).

[5]) Повѣсть о Петрѣ гугнивомъ (Petrus mongus, Blaesus) могла образоваться тогда, когда полемика между греческою и римскою Церквами была очень жаркая,—какъ видно изъ нѣкоторыхъ выраженій даже такого серьезнаго полемиста, какъ и. Фотій, — когда національная вражда между греками и латинянами была также очень сильна, какъ это видно изъ приведеннаго историческаго отрывка, относящагося къ XII—XIII вв. При обоюдныхъ спорахъ не всегда была соблюдаема историческая точность, и изъ того возникли извѣстныя сказанія о паписсѣ Іоаннѣ и папѣ

тература сдѣлала очень удачное объясненіе личности Петра гугниваго,—довольно загадочной, если смотрѣть на нее съ исторической, а не вообще литературной точки зрѣнія. Петръ гугнивый—лицо вымышленное; и вымышленно оно было съ тою цѣлію, чтобы въ немъ олицетворить, объединить всѣ отступленія и ереси, въ какія впало латинство по отдѣленіи отъ восточной церкви, и въ которыхъ упрекали ихъ греки. Причина же, по которой лицо это получило имя Петра, могло заключаться въ томъ, чтобы противопоставить Петра гугниваго, представителя всѣхъ возможныхъ ересей и непотребствъ латинскихъ, апостолу Петру, котораго латиняне считаютъ своимъ первымъ папою и на авторитетѣ котораго старались всегда основывать свои главнѣйшія отступленія [1]). Личныя черты, съ которыми гугнивый является, взяты частію съ латинянъ, частію съ нѣкоторыхъ паш X—XV вѣка, насколько ихъ дѣятельность извѣстна была современнымъ византійскимъ полемистамъ [2]). Этотъ эпизодъ состоитъ въ слѣдующемъ. „По многихъ архіеряхъ бысть Петръ гугнивый, папа великаго престола римскаго. Сей беззаконный Петръ гугнивый отверже вѣру христіанскую и всю Италію возмути, и многія злыя ереси насѣя во всѣхъ римскихъ странахъ; и потомъ повелѣ комуждо седмь женъ держати, и въ наложницахъ не постави грѣха, яко каждый попъ седмь женъ держитъ себѣ, а наложницъ, елико хощетъ толико себѣ держитъ. И органы повелѣ въ церкви быти, и браду, и усъ, и лоно постризати

Петрѣ гугнивомъ, которыхъ въ дѣйствительности не было. Разсказъ о Петрѣ гугнивомъ находится во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ Несторовой лѣтописи. Въ Ник. лѣтописи два раза упоминается о Петрѣ гугнивомъ; каждый изъ этихъ разсказовъ, по существу своему одинаковыхъ, отличается одинъ отъ другого нѣкоторыми особенностями и подробностями. Разсказъ, помѣщенный подъ 1443 г., полнѣе другого, отнесеннаго лѣтописью къ 988 г., кажется потому, что въ XV в. въ латинской Церкви было больше отступленій, чѣмъ въ періодъ раздѣленія Церквей. Повтореніе разсказа подъ 1443 г. имѣетъ связь съ отношеніемъ Русской Церкви къ Флорентійскому собору; точно также ясна связь между 988 и 1443 гг. (Ник. лѣт. I. 91; V 189; Обз. пол. соч. пр. лат. А. Попова. 18—19).

[1]) Обз. полем. соч. противъ лат. А. Попова. 20—21.

[2]) Критич. опытъ по исторіи древней греко-русской полемики противъ латинянъ, А. Павлова. 25.

комуждо попу и діакону, и всякому человѣку мужескаго и женскаго полу. И безъ эпитимій и безъ покаянія прощати повелѣ, и на предняя лѣта грѣхи отпущати попустившу ему. И въ субботу поститися по жидовски попусти. И малыя и великія змѣи ясти повелѣ, и съ женами во единой банѣ мытися, и всяко скверно ясти, и со псы изъ единыхъ сосудовъ ясти, и удавленину повелѣ ясти, и многая многая скверная насѣя сей беззаконный Петръ гугнивый римскій папеже со единомысленники своими римляны, на безобразіе и уничиженіе въ Церкви Христовѣ учини и сихъ ради отвержены бяху отъ Церкви и проклятію предани. Богъ да сохранитъ ны отъ сего“ [1]). Таково содержаніе повѣсти о Петрѣ гугнивомъ. Такимъ образомъ онъ является олицетвореніемъ худыхъ сторонъ латинства, почему и упоминается такъ часто въ памятникахъ. Исключительно съ худыхъ сторонъ разсматривалось латинство во всѣхъ древне-русскихъ памятникахъ, гдѣ только была о немъ рѣчь. Дурными качествами латинства наши древнѣйшіе лѣтописцы выставляютъ: во-первыхъ, желаніе оттѣснить греческихъ проповѣдниковъ отъ распространенія Христіанства среди славянъ; во-вторыхъ, употребленіе ими непозволительныхъ средствъ для своей цѣли; въ третьихъ, насильственное обращеніе ими славянъ и венгровъ въ свое вѣроисповѣданіе; въ четвертомъ, самое ученіе ихъ считаютъ прелестью, соблазномъ. Къ теоретически—церковному понятію о латинствѣ, перешедшему отъ грековъ, присоединились мѣстныя, національныя, русскія историческія представленія о немъ. Эти представленія о „латинствѣ“, „латинянахъ“, „католикахъ“ вызывались отчасти политическими сношеніями папъ съ древнѣйшею Русью, ихъ дѣйствіями на окраинахъ Россіи чрезъ миссіонеровъ и католическихъ королей Польши, Венгріи и Швеціи, отчасти непрерывною борьбою русскаго элемента съ западными сосѣдями, отчасти посѣщеніемъ и пребываніемъ католиковъ въ

---

[1]) Полн. соб. р. лѣт. IX. 70. См. сочиненіе Чистякова о хроникѣ Дитмара (976—1018 г.), на основаніи которой Чистяковъ сводитъ въ одно типическія свойства славянъ (нѣкоторыхъ) во время распространенія между ними латинскаго Христіанства. Свойства проповѣди латинскихъ миссіонеровъ тѣ же самыя, какими послѣдніе отличались на русскихъ окраинахъ.

(нѣкоторыхъ мѣстахъ) Россіи въ качествѣ путешественниковъ, торговцевъ и ремесленниковъ. Вслѣдствіе такихъ разнообразныхъ поводовъ къ отношеніямъ общее понятіе о латинствѣ переносилось на лица и земли латинскія; чѣмъ ближе были послѣднія, чѣмъ дѣйствія ихъ становились непосредственнѣе и ощутительнѣе для русскихъ, тѣмъ имя латинянина больше заключало реальнаго историческаго смысла, тѣмъ отношеніе къ латинянину внушало большую осторожность и осмотрительность. Вотъ почему ляхъ, какъ постоянный политическій врагъ Руси и ея религіозный недругъ, представляется древне-русскому человѣку достойнымъ того, чтобы самъ демонъ являлся въ его (ляха) образѣ [1]). Вотъ почему составилось сказаніе о внезапной и страшной смерти посадника Добрыни въ наказаніе за то, что дозволилъ, вопреки волѣ народа, построить нѣмецкую церковь въ Новгородѣ [2]). Итакъ представленіе о латинянахъ заключало мысль объ иновѣрцѣ западномъ и инородцѣ западномъ. Въ такомъ значеніи употребляется латинство нашими лѣтописцами [3]).

Древне-русскіе литературные взгляды о латинствѣ по времени совпадаютъ съ возникновеніемъ Русской Церкви. Высказываться о латинствѣ не только не забываютъ, но даже считаютъ своимъ долгомъ какъ наши лѣтописцы при общемъ обозрѣніи отечественныхъ, славянскихъ и греческихъ событій, такъ и отдѣльныя лица, писавшія о немъ особыя разсужденія, повѣсти и посланія по разнымъ поводамъ. Нѣтъ нужды излагать въ полной подробности все содержаніе полемики противъ латинянъ за весь древнѣйшій періодъ исторіи Русской Церкви какъ потому, что эта полемика болѣе или менѣе, хотя отрывочно, извѣстна, такъ и потому, что она слишкомъ однообразна. Однообразіе это, вообще говоря, доходитъ до буквальнаго повторенія большинствомъ полемиковъ одного и того же содержанія. Содержаніе полемики состоитъ въ исчисленіи латинскихъ заблужденій, въ опроверженіи ихъ и нравственномъ выводѣ для читателей. По однимъ сочиненіямъ

---

[1]) Полн. соб. р. лѣт. IX. 104.
[2]) Ист. гос. рос. III. пр. 244.
[3]) Полн. соб. рус. лѣт. IV. 5—7; 190—193.

латинскихъ заблужденій болѣе, по другимъ представляется менѣе. Число латинскихъ преступленій увеличивается по мѣрѣ историческаго существованія и развитія самаго латинства, — развитія, вносившаго въ институтъ латинства все больше и больше пароста и, казавшагося полемистамъ, неправославной, незаконной примѣсью. Исчисленіе заблужденій сопровождается, въ большей части случаевъ, опроверженіемъ отступленій и латинскихъ злоупотребленій. Эти опроверженія дѣлаются на основаніи Св. Писанія, св. отцевъ, преданія и Вселенскихъ Соборовъ и на основаніи собственныхъ соображеній полемистовъ. Пріемы опроверженія одинаковы съ нѣкоторыми, впрочемъ, незначительными добавленіями и разностями. Однообразному содержанію и способу опроверженія латинства соотвѣтствуетъ одно общее чувство, которымъ проникнута вся полемическая литература, до утомительности однообразная по всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ чертамъ. Чувство это, какъ плодъ отдѣленія Римской Церкви отъ греческой, не высказывается писателями-полемистами рѣзко и отчетливо, а потому нельзя назвать его опредѣленнымъ, но смѣшаннымъ чувствомъ, — тѣмъ чувствомъ древне-русскаго писателя, сквозь которое просвѣчиваетъ вся душа, вся нравственная человѣческая личность писателя, которую такъ искусно и лицемѣрно часто стараются скрыть писатели новѣйшаго нашего времени. Чувство это у древнихъ русскихъ полемистовъ проявляется то какъ жалость къ латинству, погибающему отъ множества ересей, то какъ отвращеніе къ нему за то, что оно своимъ окаяннымъ еретичествомъ оскорбляетъ православно-христіанскія чувства чистоты вѣры и жизни, то какъ обращеніе къ латинству съ цѣлію вывести его изъ заблужденія и направить его на путь истины. Иногда эти чувства растворяются прямою или косвенною пропѣй надъ латинствомъ, не оставляющимъ своего богомерзкаго и пагубнаго заблужденія, слишкомъ очевиднаго въ глазахъ обличителя-полемиста. Эти разнообразныя мысли и чувства разрѣшаются нерѣдко прямою бранью на „окаянную и проклятую латину“, когда полемистъ сознаетъ, что она остается неисправимою не вслѣдствіе непониманія дѣла, но по „фряжскому“ упорству и гордости. Изъ всего этого прямой и естественный

выводъ полемиста состоитъ въ совѣтѣ удаляться и избѣгать латинянъ, какъ еретиковъ, могшихъ соблазнять и совращать православнаго русскаго человѣка въ свою вѣру. Такимъ образомъ, общая характеристика древне-русской полемической литературы даетъ основаніе видѣть въ сочиненіяхъ этого рода три составныя части: 1) исчисленіе заблужденій латинства, 2) ихъ опроверженіе и 3) практическій выводъ для читателей. Правда, не всѣ полемическія статьи непремѣнно содержатъ въ себѣ весь этотъ составъ; нѣкоторыя изъ нихъ ограничиваются сухимъ чисто казеннымъ перечисленіемъ латинскихъ „винъ“, безъ опроверженія ихъ и безъ нравственнаго назиданія [1]); другія — исчисляютъ и опровергаютъ заблужденія, не дѣлая изъ того никакого наставленія, но отсутствіе указанныхъ трехъ частей въ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ происходитъ отъ того, что онѣ предполагаются извѣстными или вообще, или изъ другихъ сочиненій, которыя имѣлись въ виду, и на которыя авторы ссылались, какъ на руководящія, обдержательныя, какъ выражались сами полемисты [2]); неполнота частей можетъ объясниться и тѣмъ, что полемисты считали болѣе сообразными представлять одни отступленія латинства, а не опроверженія ихъ; заимствованія—большею частію изъ свято-отеческихъ писаній, и будучи схоластическими, эти опроверженія не всякому могли быть доступными; между тѣмъ, эти сочиненія полемисты желали сдѣлать популярными. Послѣдняя цѣль достигается скорѣе положительною стороною дѣла, чѣмъ отрицательною; частое отсутствіе въ сочиненіяхъ приложенія объясняется изъ того, что общій господствовавшій духъ отношеній древне-русской Церкви къ латинству предполагается извѣстнымъ читателю. Поэтому намѣченный въ полемическихъ сочиненіяхъ составъ оправдывается если не въ каждомъ изъ полемическихъ сочиненій, то въ ихъ большинствѣ. Съ этихъ трехъ сторонъ, собственно говоря, и слѣдовало бы разсматривать всю древнюю полемическую духовную литературу противъ латинянъ, но для удобства первыя двѣ части мы соединяемъ вмѣстѣ,

[1]) Обз. полем. сочин. противъ лат. А. Попова.
[2]) Обз. полем. сочин. противъ лат. А. Попова. 290.

по примѣру самихъ полемистовъ. Такой способъ изложенія за весь древнѣйшій періодъ Русской Церкви можно назвать не историческимъ. Конечно, это было бы недостаткомъ въ томъ случаѣ, если бы пятистолѣтнее существованіе полемической литературы представляло собою болѣе или менѣе рѣзкія ступени развитія понятій о латинствѣ, чего не замѣчается. Правда, первоначальная точка зрѣнія, съ которой началъ полемику п. Фотій, могла бы внести въ полемику болѣе серьезный и даже научный характеръ и, продолженная и поддержанная, могла бы содѣйствовать сближенію Церквей, но началу положенному Фотіемъ не суждено было привиться. Попытка Петра антіохійскаго слѣдовать духу полемики Фотія встрѣтила несочувствіе, но противодѣйствіе. Поэтому мы историческому, излишнему и здѣсь, собственно говоря, неумѣстному разбору полемики противъ латинянъ предпочитаемъ обзоръ эклектическій, состоящій въ выборѣ главнаго, того, что занимало и интересовало древне-русскихъ полемистовъ противъ латинянъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло со взглядами полемистовъ, съ полемико-литературными понятіями, а не съ самыми лицами-полемистами и ихъ сочиненіями, такъ или иначе относящимися между собою въ послѣдовательно хронологической лѣстницѣ. Съ другой стороны, это сообразно и съ существомъ дѣла; однообразные, доходящіе до торжества, взгляды и пріемы полемистовъ, какъ бы сглаживаютъ самостоятельную личность писателя-полемиста; онъ представляется скорѣе рабомъ убѣжденій, чѣмъ ихъ господиномъ. Если гдѣ, то здѣсь по преимуществу, обнаружилась вся пассивность и неразвитость древне-русской церковной мысли, воспитанной и подавленной византійскимъ вліяніемъ. Подавленность и отсутствіе самостоятельности этой мысли видны изъ того, что безъ греческаго образчика не явилось почти ни одного сочиненія полемическаго въ древне-русской Церкви въ самый ранній ея періодъ; эта мысль не проявлялась свободно, несмотря на внѣшнія сильныя вліянія и нападенія со стороны латинства. Флорентійскій соборъ,—явленіе въ высшей степени замѣчательное въ исторіи отношеній древне-русской Церкви къ латинству,—отозвался не на мысли, но на чувствѣ представителей и защитниковъ православія отъ латинства, на сте-

пени ихъ и безъ того сильной антипатіи къ латинянамъ. Характерное отношеніе мыслей и чувствъ по отношенію къ латинству мы увидимъ изъ слѣдующаго.

Лучшимъ и первымъ образцомъ древне-русской полемики противъ латинянъ были сочиненія патріарха Фотія, положившаго начало и давшаго самое серьезное направленіе полемикѣ противъ латинской Церкви. Благоразумный и проницательный Фотій, соединявшій въ своей личности тогдашнюю эрудицію и глубоко понимавшій смыслъ современныхъ ему историческихъ событій [1]), боролся не противъ мелочей и случайныхъ мѣстныхъ и не важныхъ разностей латинской Церкви сравнительно съ Церковію Греческой, но противъ самаго существеннаго въ латинствѣ, противъ папской идеи, которая къ тому времени уже достаточно выработалась и замѣтно обнаружилась въ притязаніи папъ на греческую и чрезъ нее на всю Христіанскую Церковь. Сущность тогдашняго папства, какъ и современнаго, состояла въ идеѣ всехристіанства (tota christianitas), понятнаго какъ всемірное римское государство, которому должна была подчиниться и съ нимъ слиться не только всякая Церковь, но и гражданская община. Догматическія и каноническія отступленія Римской Церкви разсматривались Фотіемъ настолько, насколько они были выраженіемъ папскаго произвола и широкихъ папскихъ политическихъ разсчетовъ. Что касается до частныхъ мѣстныхъ обычаевъ и особенностей церквей, то Фотій не смотрѣлъ на нихъ, какъ на причины раздѣленія и нерасположенія церквей. „Есть;—говоритъ онъ,—постановленія общія, хранить ихъ обязаны всѣ; таковы преимущественно постановленія о вѣрѣ; малѣйшее уклоненіе отъ нихъ ведетъ за собою смертный грѣхъ. Но есть постановленія частныя: если тотъ, кому они даны, нарушитъ ихъ, то долженъ подвергнуться наказанію. Кого-же они не касаются, тотъ не подвергается отвѣтственности за нарушеніе ихъ. Постановленное вселенскими и общими соборами обязаны соблюдать всѣ. Кто же

---

[1]) Обозр. А. Попова. 118.

[2]) Чтен. въ общ. люб. духовн. просв. 1875 г.: Цер. рим. и виз. Обозр. кормч. Розенкам. 42.

соблюдаетъ постановленное въ частности которымъ-нибудь изъ отцевъ Церкви, или опредѣленное соборомъ помѣстнымъ, тотъ не впадаетъ въ суевѣріе (?) — наоборотъ, кто не принимаетъ ни того, ни другого, тотъ можетъ безъ опасенія не хранить. Такъ однимъ позволено брить бороду, другимъ это запрещено соборнымъ опредѣленіемъ... Также у насъ считается преступленіемъ, если кто рукоположитъ во епископа діакона, который не былъ священникомъ, другіе же безразлично рукополагаютъ во епископовъ и діаконовъ, несмотря на то, что въ послѣднемъ случаѣ минуютъ среднюю степень“ [1]). Свой взглядъ на существенное и несущественное въ дѣлахъ вѣры и церковной практики п. Фотій пояснилъ и сдѣлалъ чрезъ то понятнымъ перечисленіемъ и опроверженіемъ тѣхъ самыхъ догматико-каноническихъ отступленій Римской Церкви, которыя были предметомъ споровъ и причиною раздѣленія церквей. Несмотря на серьезность, ясность и опредѣленность полемики п. Фотія, послѣдняя въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи приняла одностороннее, мелочное и ложное направленіе. Продолжатели и подражатели п. Фотія упустили изъ виду, къ сожалѣнію, главное, противъ чего энергически и удачно боролся Фотій, т. е. условіе полемики *различать существенное отъ несущественнаго*. То и другое смѣшивалось безъ означенія разности между догматомъ и обрядомъ, такъ что въ нѣкоторыхъ полемическихъ статьяхъ обвиненіе латинянъ въ измѣненіи символа вѣры и совершеніи таинства Евхаристіи стоятъ рядомъ, безразлично, съ брадобритіемъ западнаго духовенства, съ употребленіемъ (монахами) въ пищу свинаго мяса и т. д. [2]). Если это дѣлали болѣе или менѣе ближайшіе пріемники и послѣдователи п. Фотія, то тѣмъ болѣе это замѣтно въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ полемистовъ, увлеченныхъ разгорѣвшеюся сильно враждою Церквей,—враждою, въ которой были затронуты интересы какъ религіозные, такъ и національные. Такимъ направленіемъ полемики характеризуется весь древнѣйшій періодъ исторіи Русской Церкви. Исключеніе представляетъ Петръ Антіохійскій (въ

---

[1]) Обзоръ. А. Попова. 13—14.

[2]) Обзор. А. Попова. 288.

пол. XI в.), попытка котораго состояла въ томъ, чтобы вести полемику по пріемамъ, указаннымъ и. Фотіемъ. Подобно и. Фотію, Петръ Антіохійскій смотрѣлъ на разности, существовавшія въ церквахъ западной и восточной, съ раціональной точки зрѣнія. По его мнѣнію, заблужденія латинянъ троякаго рода: однихъ нужно всячески избѣгать и отвращаться, другія требуютъ исправленія; третьи-же совершенно безразличны, неважны. „Что намъ до того, —писалъ онъ,—что епископы ихъ (латинянъ) брѣютъ бороды и носятъ перстни? Мы сами носимъ гуменцо на головѣ въ честь верховнаго апостола Петра, украшаемъ одежды свои золотомъ... что же касается скверноястія и мяса, употребляемаго ихъ монахами, то и между нашими подобное встрѣчается... Не должно гнушаться никакимъ твореніемъ Божіимъ, но всякое принимать съ благодарственною молитвою. Употребленіе въ пищу удавленины и браки братьевъ на родныхъ сестрахъ кажутся ему частными, неузаконенными злоупотребленіями. Что же касается непочитанія латинянами мощей, продолжаетъ антіохійскій патріархъ, то кто повѣритъ этому, когда у нихъ есть мощи св. Апостоловъ Петра и Павла? Можно-ли повѣрить, что они (латиняне) не почитаютъ иконъ, когда папа ихъ Адріанъ вмѣстѣ съ другими подписалъ VII Вселенскій Соборъ и проклялъ иконоборцевъ? Изъ всѣхъ многочисленныхъ заблужденій, указанныхъ другими полемистами, Петръ Антіохійскій признаетъ существеннымъ: прибавленіе къ Символу словъ: „и отъ Сына“, совершеніе Таинства Евхаристіи на опрѣснокахъ, и не хвалитъ установленія безбрачія духовенства [1]). Полемическіе пріемы и. Фотія, Петра Антіохійскаго и блаж. Ѳеофилакта Болгарскаго не нашли себѣ достойныхъ подражателей ни въ греческой, ни тѣмъ болѣе въ русской полемической литературѣ, рабски слѣдовавшей греческимъ образцамъ; самостоятельность древне-русской полемики обнаружилась въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣмъ, что она принесла въ латинство такія вины, какія нельзя отыскать въ латинской Церкви и едва-ли можно найти въ частныхъ заблужденіяхъ ея членовъ. Вообще, въ древне-русской полемикѣ теорія смѣшивается съ практикой,

[1]) Обзор. лат. А. Попова. 288—289.

постановленія римской Церкви съ отступленіями и злоупотребленіями частныхъ ея членовъ.

Итакъ, въ чемъ и какъ обвиняла древне-русская полемическая литература Церковь латинскую?

Общее основное обвиненіе латинской Церкви, послужившее причиною раздѣленія и взаимнаго отчужденія Церквей, состоитъ въ уклоненіи латинской, римской Церкви отъ древнехристіанскаго, апостольскаго, вселенскаго православія. На время и причину уклоненія латинства отъ духа и общенія со вселенскою Церковію древне-русскіе полемисты дѣлаютъ намеки, на основаніи которыхъ не трудно отыскать, если не прямую и дѣйствительную причину уклоненія латинства, то, по крайней мѣрѣ, указанія какъ на одновременно совершавшіяся событія и нѣкоторымъ образомъ вліявшія на направленіе западной церкви, такъ и на самый внутренній, исторически сложившійся духъ ея. Указаніе на время и причину уклоненія западнаго христіанства отъ вселенской истины составляетъ какъ бы введеніе въ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ. Образцомъ для введенія въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ служитъ повѣсть о Петрѣ гугнивомъ, при всей своей легендарности указывающая на историческіе моменты. Намъ кажется, что полемисты имѣли въ виду эту повѣсть, если они касались вопроса о времени происхожденія ересей въ западной Церкви. Можно такъ думать на основаніи сходства между повѣстью Петра гугниваго и полемическими статьями относительно одного и того же предмета [1]). Замѣчаемая между ними разница несущественна, и касается болѣе внѣшняго выраженія и ясности дѣла, чѣмъ самаго содержанія [2]). Мысли полемистовъ о времени и обстоятельствахъ уклоненія латинской Церкви отъ вселенскаго духа православія состоятъ въ томъ, что до окончательнаго развитія и завершенія христіанскаго ученія и обрядности, опредѣленныхъ однажды навсегда семью вселенскими Соборами, Церковь Римская была

---

[1]) Ср. повѣсть о Петр. гугнивомъ и „Стязаніе (митр. Георгія) съ Латиною“,—съ посл. митр. Никифор., съ „изложеніемъ о православной вѣрѣ Михаил. епископа іерусалим. (Истор. р. цер. Макар. II. 347—348; Памят. р. слов. XII в. 157. Обзор. А. Попова. 136—140).

[2]) Истор. р. ц. Макар. 11. 352.

въ общеніи съ вселенскою Церковью и частными христіанскими Церквами, то же глаголюще и то же мысляще [1]). Время уклоненія латинства отъ единства съ вселенскою Церковію совпадаетъ съ наплывомъ на Италію чуждыхъ народностей, извѣстныхъ какъ у нашихъ полемистовъ, такъ и у греческихъ историковъ подъ общимъ именемъ латинянъ [2]). „Когда старымъ Римомъ завладѣли эти народности (чѣмъ намекается на приливъ германскихъ народностей на Италію и происшедшее оттуда столкновеніе между старымъ и новымъ вліяніемъ въ гражданской и церковной жизни), когда, спустя немного времени, вымерли старые правовѣрные мужи, которые держали законъ Христовъ и правила св. Апостоловъ и соборовъ, тогда молодое поколѣніе подчинилось вліянію иноземныхъ элементовъ и впало въ различныя вины“. Эти вины или положительно запрещены и осуждены Вселенскими Соборами, или предусмотрѣны ими на основаніи общаго духа и практики первенствующей Церкви. Несмотря на совѣты и обличенія многихъ церквей и особенно греческой въ допущенныхъ латинянами заблужденіяхъ, Римская Церковь не слушала этихъ совѣтовъ и обличеній и даже сама укоряла и проклинала Греческую Церковь въ неправославіи и многихъ ересяхъ [3]). Такимъ образомъ западная Церковь не хотѣла оставить своего ложнаго и грѣховнаго пути, не хотѣла оставить „творимаго ею зла“, за что отвержена была отъ единенія съ греко-восточною Церковію. Такое объясненіе дѣла было ходячимъ у большей части полемистовъ и удовлетворительнымъ для нетребовательнаго любопытства тѣхъ, кто интересовался этимъ. Но не всѣ изъ полемистовъ довольствовались простымъ объясненіемъ весьма сложнаго факта раздѣленія Церквей; не высказываясь прямо и опредѣленно, нѣкоторые изъ нихъ намекали косвенно на внутреннюю, глубокую причину раздѣленія латинства и византійства,—причину, на которую указывалъ еще п. Фотій, поборникъ самостоятельности Греческой Церкви. Стремленіе

---

[1]) Памят. рос. слов. XII в. 157.

[2]) Обзоръ А. Попова 180; Истор. р. ц. Макар. 11. 358. Визант. Истор. (Ник. Хон. 1. 318; 2.323,325, 403).

[3]) Рукоп. Акад. (Московской) библіот. № 175,283.

папъ къ возвышенію и преобладанію надъ христіанскимъ строемъ древне-русскіе полемисты называютъ то гордостью, то высокоумничаньемъ, то произволомъ; „за высокоуміе и своея ради воли отъ братства отлучился (Римъ) и учити дерзостью нача, яже закономъ не предана“; гордость папъ служитъ препятствіемъ къ единенію съ восточною Церковію; „папа римскій“, по мнѣнію полемистовъ, „гордитъ, хощетъ, дабы и мы творили волю его [1]). Стремленіе папъ къ господству надъ всею христіанскою Церковію полемисты относятъ къ очень раннему времени. „Папа Левъ“, говоритъ полемистъ XIV в., „согласился со всѣми римскими гражданами и духовенствомъ призвать и признать царемъ своимъ отъ запада Карула (Карла Великаго), да царство, рече, отъ Рима начинается, яко же и прежде [2]). По свидѣтельству Татищева (II т. 78), мысль о папской самоувѣренности и даже непогрѣшимости извѣстна была и сознавалась русскими книжниками очень рано. По поводу того, что Владиміръ съ любовію и честью послалъ своего посла къ папѣ, греческій патріархъ писалъ князю и митрополиту (Михаилу?), „еже не добро съ папою соглашаться, глаголя: что вѣра римская вѣра не добра, понеже они (латиняне) зло исповѣдуютъ о Духѣ Святомъ, яко бы отъ Отца и Сына происходитъ... папу безъ грѣха быти вѣрятъ, что Христосъ, Апостолы и св. отцы не учинили и невозможно папу и никого безгрѣшнымъ поставити или именовати, зане многіе папы были аріане, несторіане и другіе еретики, за что соборами прокляты“. Съ мнѣніемъ Татищева нельзя согласиться потому, что мысль о папской непогрѣшимости, такъ ясно выраженная, принадлежитъ ко временамъ позднѣйшимъ, когда она дѣйствительно была развита католическими богословами; дѣйствительно, выраженія этой мысли въ ясной формѣ мы не встрѣчаемъ не только въ полемическихъ древне-русскихъ сочиненіяхъ XI в., но и гораздо позднѣйшихъ. Къ концу древнѣйшаго періода стремленія папъ уже достаточно обнаружились, особенно во время Флорентійскаго собора. Поэтому русскіе писатели выражались

[1]) Обз. А. Попова 162. 168.
[2]) Ibid. 179. Рукопис. академ. библ. № 175.279.

уже опредѣленнѣе и рѣшительнѣе. „Папа,—говоритъ наша лѣтопись, —и проче все еже подъ нимъ латинство прежде многихъ лѣтъ не имѣетъ совокупленія (съ вселенскою Церковію); надъ всѣми сотвори его (папу) Исидоръ всему нашему христіанству православному отца и учителя и всѣмъ церквамъ главу, пасти и рядити и пещися всѣми церквами, и на всѣхъ концѣхъ вселенныя имѣти его перваго, непстиннѣ и неправеднѣ называюще его намѣстника блаженному и верховному апостолу Петру [1])". Считая незаконнымъ притязаніе папства, полемисты напоминаютъ о христіанскомъ смиреніи, которымъ должны быть проникнуты папы, оставивъ свою гордость. Итакъ наплывъ чуждыхъ народностей и самолюбіе папъ составляютъ, по воззрѣнію полемистовъ, два источника, откуда произошли многія заблужденія и ереси латинства.

Вниманіе древне-русской полемической литературы направлено, главнымъ образомъ, на перечисленіе латинскихъ заблужденій. Въ распредѣленіи заблужденій или винъ нѣтъ опредѣленной точки зрѣнія; болѣе важныя отступленія стоятъ на второстепенномъ, а не важныя поставляются иногда на видномъ мѣстѣ. Мы представимъ, извѣстныя во всей древне-русской полемической литературѣ, отступленія латинской Церкви по мѣрѣ ихъ относительной важности между собою, переходя отъ теоретическихъ (догматическихъ и каноническихъ) особенностей римской Церкви къ частнымъ и мѣстнымъ ея особенностямъ, которыя полемиками разсматривались какъ ереси.

1. Главное догматическое заблужденіе латинства „первое зло его", состоитъ въ искаженіи никеоцареградскаго символа. Исторія этого прибавленія къ символу словъ: „и отъ Сына" извѣстна. Будучи сначала мѣстною прибавкою частной (испанской и гальской) церкви, на которую (прибавку) сами латиняне сначала смотрѣли безразлично, она впослѣдствіи сдѣлалась предметомъ споровъ и, если можно такъ выразиться, походомъ и нашихъ доморощенныхъ полемистовъ. Въ эпоху раздѣленія Церквей, когда Фотій, а за нимъ и другіе полемисты возвысили свой голосъ въ обличеніе своеволія

[1]) Полн. собр. р. лѣт. VI. 165—166.

запада, папы, руководясь чисто личными побужденіями, не стѣснились стать защитниками и проповѣдниками того, противъ чего прежде вооружались. Совершенно произвольное внесеніе въ символъ ученія объ исхожденіи св. Духа „и отъ Сына“ было рѣзко обличаемо древне-русскими полемистами. Первѣе всего полемисты видѣли въ прибавленіи къ символу новаго догмата дерзость и святотатство латинянъ, осмѣлившихся безъ всякаго основанія измѣнять то, что́ пользовалось авторитетомъ неизмѣняемости, что уважалось всею Церковію какъ неприкосновенная истина. „Удивительно и ужасно, — писалъ митрополитъ Іоаннъ († 1089 г.), — какъ дерзаете вы (латиняне) измѣнять вѣру 318 отцевъ и св. вселенскихъ соборовъ. Отчего вы не говорите такъ, какъ всѣ христіане, а дѣлаете прибавленія? Вы вводите новое ученіе вопреки апостолу, который говоритъ: иже благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ. О, да не услышите вы надъ собою сего проклятія! Истинно страшно измѣнять и искажать св. Писаніе, хотя бы одною іотою или чертою“. Далѣе, полемисты наши разсматривали это измѣненіе символа и съ внутренней стороны, со стороны того новаго ученія, которое привносилось этимъ измѣненіемъ [1]). Съ этой точки зрѣнія полемисты видѣли въ новомъ догматѣ зловѣріе и ересь велику; находили въ немъ жидовство, савелліанство, духоборство (македоніонизмъ) [2]). „Откуда вы взяли такое странное ученіе?“ съ недоумѣніемъ спрашиваютъ полемисты латинянъ. „Прибавленіемъ къ символу догмата объ исхожденіи св. Духа „и отъ Сына“ вы являетесь входящими не чрезъ двери св. Іерусалима, но разбойниками и крамольниками, что происходитъ отъ великой гордости“. Ученіе латинянъ объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и отъ Сына полемисты старались не только представить, указать, но и опровергнуть на основаніи св. Писанія, Преданія и здраваго разсужденія, по образцу греческихъ полемистовъ. Опроверженія на основаніи св. Писанія и Преданія, какъ болѣе или менѣе извѣстныя, состоящія въ приведеніи текстовъ изъ св. Писанія и отцевъ

---

[1]) Обзор. А. Попова. 157. Тр. Кіев. Акад. 1867 г. 2. 373—374.
[2]) Истор. р. ц. Макар. II. 348.

Церкви и повторяемыя, съ другой стороны, современными нашими догматистами, мы считаемъ излишнимъ здѣсь приводить; гораздо интереснѣе собственныя соображенія нѣкоторыхъ полемистовъ, заимствованныя изъ здраваго смысла: они въ латинскомъ ученіи находятъ логическое противорѣчіе тому, что мы естественно должны мыслить въ Богѣ, представляя Его на основаніи откровенія единымъ по существу, но троичнымъ въ лицахъ. „Если вы говорите,—писалъ митрополитъ Леонтій († 1004 г.) въ опроверженіе латинянъ,—что, какъ изъ двухъ источниковъ происходитъ одна рѣка, такъ и Духъ Святый исходитъ какъ-бы изъ двухъ какихъ источниковъ отъ Отца и Сына, то будетъ означать, что Духъ больше Отца и Сына, что ложно, но еще будутъ два начала, а не одно, что невозможно [1]). Кто прибавляетъ къ символу новый догматъ, того полемисты называютъ злѣ и бѣднѣ мыслящимъ [2]). Такъ какъ искаженіе латинянами символа вѣра представлялось однимъ изъ важныхъ заблужденій, то полемисты говорятъ о немъ сравнительно больше и обстоятельнѣе, чѣмъ о другихъ винахъ латинскихъ. Есть полемическія статьи, спеціально посвященныя разбору римскаго ученія объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына, но приводить изъ нихъ отрывки, мы считаемъ излишнимъ потому, что общій характеръ ихъ, какъ сходный съ господствовавшимъ направленіемъ древне-русской полемики, ничего особеннаго не прибавляетъ къ существеннымъ взглядамъ древней Церкви на латинство [3]).

Послѣ обличенія догматическихъ заблужденій латинянъ, древне-русская полемика обличала римскую Церковь въ заблужденіяхъ касательно богослужебной практики и церковной дисциплины, во многихъ дурныхъ нравахъ и обычаяхъ домашней жизни, каковые обычаи трактовались какъ заблужденія и ереси. Церковно-обрядовая и каноническая сторона латинства представляла полемистамъ несравненно бо́льшій кругъ заблужденій, чѣмъ сторона догматическая. Разности въ этомъ пунктѣ издавна существовали между востокомъ и западомъ, но къ

---

[1]) Врем. Москов. Обществ. ист. и древ. 1850 г. 18.
[2]) Обзор. А. Попова. 84.
[3]) Ibid. 302—314.

IX — XI вв. на западѣ онѣ значительно усложнились, а нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ далеко уклонились отъ обычаевъ, практики и духа греко-восточной Церкви. Эти разности рѣзко бросались въ глаза при знакомствѣ и столкновеніи грековъ съ латинянами; а при возникшихъ враждебныхъ отношеніяхъ церквей, онѣ сдѣлались предметомъ уликъ въ отступленіи отъ древне-христіанской практики. Поэтому, на нихъ-то обратили особенное вниманіе наши полемисты, видя въ нихъ слѣды еретическаго направленія церкви. Однѣ изъ этихъ разностей, которыя клеймились общимъ именемъ „винъ“ и заблужденій, касались таинствъ, другія—постовъ, иныя—нѣкоторыхъ церковныхъ и домашнихъ обычаевъ и ненормальностей латинскихъ.

2. Первѣе и болѣе всего полемисты наши обращали вниманіе на латинское таинство *Евхаристіи*, какъ на важнѣйшее таинство христіанское и въ то же время болѣе другихъ искаженное латинянами. Въ этомъ таинствѣ нашли они достойнымъ порицанія у латинянъ: и вещество Таинства, и самый чинъ совершенія его, и самый способъ причащенія латинянъ сему таинству. Заблужденіе латинянъ состоитъ въ употребленіи въ таинствѣ Евхаристіи опрѣсноковъ, вмѣсто кваснаго хлѣба. Полемика объ опрѣснокахъ начинается со времени Михаила Керулларія. Греки называли латинянъ азимитами (ἄζυμον) опрѣснокъ). Много было написано древне-русскими полемистами по поводу этихъ опрѣсноковъ. Приводимыя полемистами доказательства въ пользу незаконности употребленія опрѣсноковъ сводятся къ тому, что необходимость употребленія квасного хлѣба въ Евхаристіи требуется примѣромъ Самого Спасителя, установившаго таинство Евхаристіи именно на хлѣбѣ, Его ученіемъ и ученіемъ апостоловъ и практикою церковною. По воззрѣнію полемистовъ, самое свойство хлѣба сообразуется съ существомъ таинства, ученія І. Христа и Его Церкви. Насколько доказывается законность употребленія квасного хлѣба при Евхаристіи, настолько опровергается обычай латинянъ—употреблять опрѣсноки. „Объ опрѣснокахъ да будетъ извѣстно, что облатки—жидовскія ветхія жертвы суть, а не евангельскаго Христова Закона, — да вѣдаютъ таковіи (латиняне), иже облатки ядущіи, яко пси жрутъ, и не жи-

вуядуще плоть; и въ ересь впадаютъ проклятаго Аполлинарія... и еже бездушніи въ тѣла мѣсто Господня приимаютъ, подобни суть Аполлинарію, тако бо есть: не имѣетъ бо ни души, ни ума, ни кваса бо, ни соли не имѣетъ, яже суть въ хлѣбѣ, яко душа". Та же мысль разъясняется еще такъ: хлѣбъ совершенъ и жизненен, потому что квасъ въ хлѣбѣ то же, что душа въ тѣлѣ; опрѣснокъ мертвъ и безжизненъ, поэтому не слѣдуетъ замѣнять зломъ добро. И кто не употребляетъ хлѣба въ Евхаристіи, тотъ не вѣруетъ въ тѣло Христа, какъ жизнедѣйственное [1]). Квасному хлѣбу полемисты придавали символическое значеніе, заимствуя его изъ самаго свойства кваснаго хлѣба, въ противоположность опрѣснокамъ, по самымъ свойствамъ несообразнымъ съ внутреннимъ значеніемъ таинства и духа христіанской церкви и жизни. Доказательства въ этомъ отношеніи доходятъ до аллегоризма и натянутости, каковы напр., слѣдующія мѣста: „поелику Господь уничтожилъ прародительскій грѣхъ и содѣлалъ насъ какъ-бы мертвыми для него, или свободными... то явно то, что Онъ уничтожилъ ветхій квасъ злобы и лукавства, или отнялъ отъ насъ прародительскій грѣхъ, который есть ветхій квасъ, и содѣлалъ насъ въ отношеніи къ нему какъ бы опрѣсноками, т. е. мертвыми и чисто, нетлѣнно, не такъ, какъ прежде, когда опрѣсноки были образомъ. Образъ, разумѣется опрѣснокъ, мертвъ, не имѣетъ никакого движенія, — такъ Онъ (Распятый) хочетъ, чтобы и мы чисты и истинны были, да новый квасъ Богочеловѣка Слова вкиснетъ въ насъ или воскреситъ и обожитъ [2]). На основаніи такихъ и подобныхъ соображеній древне-русскіе полемисты называли латинскую Церковь и латинянъ мертвыми, безжизненными, какъ мертвъ и безжизненъ самый опрѣснокъ. Погрѣшая въ веществѣ для таинства, латиняне отступаютъ и въ самомъ чинѣ его совершенія, „святую службу виномъ единымъ приносятъ безъ воды [3]), иже (латиняне) во святой службѣ (на обѣднѣ) на переносъ (переносъ—это, такъ называемый, въ греческой службѣ Εἰσοδος—

---

[1]) Обз. А. Попова. 167.

[2]) Врем. импер. Москов. общ. ист. и древн. 1850 г. 12—13.

[3]) Истор. р. ц. преосвящ. Макарія II. 365.

входъ великій и малый) не входятъ ни на великій, ни на малый, а службу творятъ не въ алтарѣ [1]), но по всей церкви три, четыре и пять во единъ день; иже во святой литургіи единъ святъ, единъ Господь со св. Духомъ глаголютъ, его же ни отъ святыхъ Отецъ, ни отъ св. апостоловъ пріѣхомъ; это чисто внѣшнее (въ словахъ) измѣненіе въ славословіи св. Троицы у многихъ полемистовъ ставится наравнѣ съ измѣненіемъ символа. Латиняне отъ среды первыя недѣли (поста) до Пасхи *аллилуіа* не поютъ [2]). „Откуда вы взяли правило", пишетъ одинъ полемистъ,—въ великую Четыредесятницу совершать полное (вмѣсто л. преждеосвященной) возношеніе (Литургію), когда этого не должно дѣлать, и вотъ почему: когда воздерживаемся, тогда смиряемся, а когда смиряемся, тогда сокрушаемся, воздыхаемъ, проливаемъ духовныя слезы,—тогда боремся со страстями и умерщвляемъ ихъ. Память святыхъ и Божественная Литургія суть символы духовной радости и веселія, а умерщвляя страсти, мы надѣемся достигнуть прежняго нашего достоинства и чрезъ то возможнаго соединенія съ Богомъ. Итакъ, если постъ есть время скорби, а Божественная Литургія время радости, и если во время поста мы должны скорбѣть, а не радоваться, то отцы наши

---

[1]) Съ новымъ устройствомъ храмовъ въ римской Церкви не стало того, что у грековъ и у русскихъ называется алтаремъ; престолы примкнуты къ стѣнамъ вдоль и поперекъ всего храма и оставлены не отдѣленными одинъ отъ другого и отъ прочихъ частей храма никакими перегородками, которыя бы соотвѣтствовали греческому и нашему русскому иконостасу. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1867 г. II. 397.

[2]) Остроумно объясняетъ проф. Голубинскій причину, почему у латинянъ не употребляется пѣнія аллилуіа въ великопостномъ богослуженіи. „Въ западной Церкви,—говоритъ онъ,— пѣснь аллилуіа сохранила свое еврейское значеніе, какъ пѣсни радости и торжества; посему тамъ вошло въ обычай не возглашать ее въ продолженіе великаго поста на литургіяхъ заупокойныхъ съ другими заупокойными службами (а возглашать усиленно въ день Пасхи и въ продолженіе пятидесятницы). Напротивъ, въ Церкви Восточной, греческой, пѣснь аллилуіа получила значеніе по преимуществу пѣсни умилостивительной и покаянной, имѣющей напоминать о второмъ пришествіи Господнемъ для суда праведныхъ и грѣшныхъ и о томъ, что грѣшники должны стараться избѣгнуть осужденія посредствомъ покаянія, почему въ Греческой Церкви она поется въ продолженіе всего года, но преимущественно въ великомъ постѣ, а также на службахъ заупокойныхъ." („Богослов. Вѣстн." 1892 г. Май. 197—198 стр).

хорошо установили не совершать Божественной Литургіи во время поста, дни котораго цосвящены скорби о грѣхахъ [1]). И самый способъ причащенія у латинянъ подвергся порицанію со стороны полемистовъ, обличавшихъ латинянъ въ томъ, будто священно-дѣйствующіе латиняне во время причащенія замѣняютъ послѣднее цѣлованіемъ, вслѣдствіе недостатка опрѣсноковъ.

3. Относительно таинства *крещенія* полемисты наши укоряли латинянъ, главнымъ образомъ, за то, что они совершали его въ едино погруженіе, тогда какъ нужно въ три, что они сыплютъ соль въ ротъ крещающемуся. Надъ такимъ обычаемъ латинянъ полемисты смѣялись какъ и надъ тѣмъ, что послѣ крещенія кого-либо латиняне плюютъ на руку его десную, потомъ, размѣсивъ перстомъ слюну, мажутъ крестившагося „вмѣсто мура“. Трудно допустить, чтобы полемисты были серьезно убѣждены въ томъ, что латиняне употребляли при крещеніи соль или слюну вмѣсто мура; кажется, что со стороны полемистовъ это была иронія надъ латинянами, основанная, впрочемъ, на употребленіи соли при крещеніи. Иронически относятся полемисты къ обычаю латинянъ давать имена при крещеніи. „Имени (же) не нарицаютъ святого,— говорятъ они,—но како прозовутъ родители, въ то имя и крестятъ, а не яко же св. Отцы установима; крестящимся не нарицаютъ именъ святыхъ, но звѣрина имена нарицаютъ: левъ, пардусъ и прочихъ звѣрей“. Этимъ обвиненіемъ полемисты хотѣли провести рѣзкую черту между собою и латинянами, какъ это замѣтно и изъ другихъ обвиненій.

4. Еще же отъ пресвитеровъ, муромъ помазанныхъ паки помазовати не страшатся (латиняне), епископовъ себе проповѣдающе и пресвитерское помазаніе не полезно быти и вотще совершатися блюдуще. Не лѣтъ бо есть, глаголютъ, священникомъ крещаемыхъ муромъ освящати, но архіереямъ токмо узаконено есть. Откуда взято это постановленіе? Кто изъ апостоловъ, отцовъ, или какой соборъ установилъ такое правило? Какъ же незаконно это перепомазаніе, — спраши

---

[1]) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1867 г. II. 403—404.

ваетъ митрополитъ Іоаннъ,—когдавъ символѣ вѣры, всегда и вездѣ, каждымъ вѣрующимъ воз- глашается и читается такъ: «исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ?“ А если одно крещеніе, то одно и муро святое въ этомъ крещеніи, недругое — какое-либо, но въ то же самое (съ крещеніемъ) время совершаемое равно іереями и епископами [1]).

5. Относительно таинства *покаянія* полемисты обвиняли латинянъ въ томъ, что они (будто-бы) совсѣмъ игнорируютъ его. „А согрѣшившимъ не отъ Бога просятъ прощенія, но прощаютъ попове ихъ на дару“, чѣмъ, очевидно, указывается на симонію и латинскія индульгенціи. „Егда же,—дополняетъ полемистъ, крестився взрастетъ и впадетъ въ грѣхъ человѣческій, не покаяніемъ и исповѣданіемъ исцѣляютъ его, но помажутъ его масломъ деревяннымъ, а покаяніе отметаютъ“ [2]).

6. Въ отношеніи священства древне-русскія полемическія сочиненія порицали безбрачіе латинскаго духовенства. „Кто изъ учителей Церкви предалъ вамъ, римляне, такое странное правило расторгать браки священнослужителей? Тогда какъ сказано: да устроиши пресвитеры, аще кто есть непороченъ, единыя жены мужъ. Если и у васъ тѣ же книги, какія у насъ, и если онѣ написаны безъ поврежденія, какъ и у насъ, то почему не руководитесь ими, почему прибѣгаете къ ложнымъ преданіямъ? Если онѣ повреждены, то почему не обращаетесь къ тѣмъ, у кого онѣ не повреждены, чтобы вамъ узнать и обратиться къ лучшему? Противъ запрещенія латинской Церкви вступать въ бракъ священникамъ наши полемисты вооружались какъ потому, что оно не законно, такъ и потому, что оно вело къ большему соблазну, къ разврату и упадку нравственности духовенства, вмѣсто возвышенія ея. Отсюда обвиненіе въ безнравственности латинскаго духовенства [3]).

7. А попове ихъ (латинянъ) не женятся законною женитьбой, но съ рабами дѣти добываютъ, и служатъ невоз-

---

[1]) Обз. А. Попова. 10. Тр. К. Д. Акад. 1867 г. II. 413.
[2]) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1867 г. II. 413.
[3]) Ibid. 2. 417.

бранно, а епископы ихъ наложницы держатъ; аще умретъ первая жена, другую поимаютъ и третью, друзіи-же и до седьмыя жены поимаютъ и служатъ [1]). „Попы ваши,—говорятъ съ негодованіемъ полемисты, — не женятся только по имени, а на дѣлѣ держатъ у себя наложницъ. Проведши распутно время, попъ вашъ идетъ утромъ къ своей богомерзкой братіи, говоря: „Простите меня грѣшнаго,—я согрѣшилъ, соблазнился“; и служитъ безнаказанно. И не въ этомъ только обнаруживается распущенность латинскаго духовенства: она видна во многомъ. Такъ, священнодѣйствующіе, во время службы, выходятъ изъ храма въ ризахъ и, пришедши, продолжаютъ службу; службу совершаютъ не на опредѣленномъ мѣстѣ, а тамъ, гдѣ захотятъ, — на дворѣ или въ полѣ; все это дѣлается по дозволенію проклятаго папы. Дисциплины и порядка во время службы не соблюдается: народъ вводитъ въ церковь собакъ, которыя бѣгаютъ по церкви безнаказанно. Въ алтарь позволяется ходить всякому, какого бы пола, возраста и чина онъ ни былъ; въ алтарь ходятъ не только честныя женщины, но и скверныя жены, даже позволяютъ (?) женщинѣ сѣсть на престолъ, если бы она того захотѣла. Помимо другихъ случаевъ небрежнаго отношенія къ святынѣ храма со стороны латинянъ, полемисты указываютъ на католическую церковь въ Новгородѣ (1343 — 1355), служившую не для одного только богослуженія, но и бывшую главнымъ и безопаснымъ мѣстомъ складки товаровъ; между прочимъ здѣсь находились бочки съ чѣмъ-то, принадлежавшія двору св. Петра; опредѣлялся особый штрафъ съ тѣхъ, кто, напримѣръ, ставилъ на алтарь кувшинъ и подобныя вещи, кто обливалъ его [2]). Латиняне не различаютъ чистаго отъ скверная; не чистятъ святого алтаря, яко же пріяхомъ и научихомся [3]). Латинскіе попы заботятся болѣе о себѣ, чѣмъ о порядкѣ. Папская распущенность олицетворена въ томъ разсказѣ, будто бы женщина въ нѣкоторое время была папою, но идучи со крестомъ въ праздникъ крещенія, родила на улицѣ и умерла; для того латиняне праздникъ Богоявленія и

[1]) Ibid. 418. Обзоръ Попова. 284.
[2]) См. Ж. М. Н. Пр. 1838. Мартъ; о нѣмецкомъ дворѣ въ Новгородѣ.
[3]) Обзоръ Попова. 62, 105—106. 113.

крестное хожденіе оставили, назвавъ той день трехъ королей, сего ради не пріобщайтесь зловѣрію и ученію ихъ [1]). Они ведутъ очень роскошную жизнь, несообразную съ ихъ саномъ. Такъ папа ихъ, во время совершенія литургіи, кладетъ въ уши серги, а шею обвиваетъ ожерельемъ, на руку надѣваетъ перстень, а на голову вѣнецъ; совершаетъ обѣдню въ перчаткахъ [2]). Небрежность духовенства видна изъ того, что священники совершаютъ браки въ ближайшемъ родствѣ; такъ два брата женятся на двухъ (родныхъ) сестрахъ, или дщерь свою давъ замужъ, и поимаютъ паки свата своего дщерь за своего сына, или за брата, или за ближнихъ своихъ [3]). Епископы латинскіе, вопреки своему сану, ходятъ на войну и сражаются какъ солдаты [4]).

8. Еще же и ино странно нѣкое ученіе проповѣдаютъ по-римски глаголемо, пургаторію (чистилище), по-русски же огнь чистилищный, а взя сіе отъ Оригена, ересемъ начальника. И на улицахъ народовъ учити повелѣ, якоже рече грѣшнымъ душамъ очищатися огнемъ чистительнымъ, и отъ муки въ рай преходити и праведныхъ лику сподоблятися. А забывъ Господень гласъ, еже о нищемъ Лазарѣ и о богатомъ; Авраамовъ глаголъ свидѣтельствующъ, яко пропасть вѣчну являетъ между праведныхъ и грѣшныхъ и николи же преходиму [5]). Это обвиненіе встрѣчается только въ концѣ разсматриваемаго нами древнѣйшаго періода, въ описаніи дѣйствій Флорентійскаго собора, на которомъ, какъ извѣстно, латинскіе богословы усиливались доказать, что въ будущей жизни есть огонь и временный чистилищный, и вѣчный; а греки утверждали, что, по ихъ мнѣнію, временное наказаніе душъ грѣшныхъ состоитъ въ томъ, что онѣ на время отходятъ въ мѣсто скорби и мрака и наказываются лишеніемъ свѣта Божественнаго и освобождаются отъ сего мрака и скорби молитвами, приношеніемъ Церковію безкровной жертвы и милостынею, но не огнемъ; что до пришествія Іисуса

---

[1]) Рос. истор. Татищева II. 78.
[2]) Обзоръ. Попова. 285—286.
[3]) Ibid. 224.
[4]) Кирилл. книга, листъ сн҃и.
[5]) Ibid. листъ ск҃д.

Христа и воскресенія мертвыхъ, какъ души нераскаянныхъ грѣшниковъ терпятъ мученіе еще неполное, такъ и души святыхъ не наслаждаются еще полнымъ блаженствомъ [1]). По поводу латинскаго ученія о чистилищѣ нашъ безъимянный писатель замѣчаетъ:—о усопшихъ сице есть писано: иже въ истиннѣй вѣрѣ и исповѣданіи Божіи съ смиреніемъ конецъ пріяша, и покаянія плодъ не доспѣша принести о согрѣшеніяхъ своихъ, о нихъ же имъ духовные отцы заповѣдаша, и таковіи очищеніемъ мукъ очистятся по смерти [2]).

9. „Постятся въ субботы праздника Рождества Христова, праздника ради. Въ великій постъ отъ среды первыя или Ѳедоровы начинаютъ поститься. Во время сырной недѣли мяса не оставляютъ. Въ великій четвертокъ яйца, млеко и сыръ ядятъ, дѣтямъ же своимъ во вся недѣли святаго поста млеко и сыръ и яйца прощаютъ [3])". Въ разсужденіи поста полемисты указывали на то, что чернецы ихъ сало ѣдятъ,—не чисто есть чернецомъ ихъ ясти сало свиное, иже при кожи,—повелѣваютъ бо имъ епископы ихъ ясти и ина мяса, еже есть отречено. Въ опроверженіе латинянъ, укорявшихъ греческихъ монаховъ за употребленіе молока и яицъ, наши полемисты старались доказать, что сало несравненно скоромнѣе молока и яицъ. Полемисты наши доказывали, что яйца чисты, получаются отъ птицъ и не имѣютъ крови, молоко тоже не имѣетъ крови, тогда какъ мясо всегда съ кровью, пропитано жиромъ и возбуждаетъ страсть, содѣйствуетъ утученію, чего молоко и яйца не производятъ. Главное же доказательство основывается на томъ, что ѣсть монахамъ мясо запрещено св. Отцами [4]).

10. „Молвятъ нніи (латиняне), яко не достоитъ инѣмъ языкомъ хвалити Бога, но токмо треми языки: жидовскимъ, еллинскимъ и римскимъ. Что речемъ къ тацѣмъ безумнымъ? — спрашиваетъ полемистъ въ отвѣтѣ на возраженія римско-католическихъ проповѣдниковъ, которымъ не могло нравиться богослуженіе на славянскомъ языкѣ и славянская

---

1) Истор. Флорентійскаго собора. Москва. 1847 г. 56—57.
2) Обзор. Попова. 376. Полн. собр. р. л. VI. 161.
3) Обзор. А. Попова. 321.
4) Тр. К. Д. Акад. 1867 г. 3. 469—470.

письменность, такъ какъ это было сильнымъ препятствіемъ къ распространенію латинскаго ученія между славянскими племенами. „Обаче речемъ отъ святыхъ книгъ, якоже научихомся, яко вся по ряду (распоряженію) бываютъ отъ Бога: Богъ, по взгляду полемиста, не сотворилъ ни еврейскаго, не римскаго, ни греческаго языка; Адамъ и всѣ люди до потопа говорили своимъ языкомъ; послѣ потопа и смѣшенія языковъ, при столпотвореніи вавилонскомъ, явились разные языки у разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ; распространенность и письменность словенскаго языка всѣмъ извѣстна. „Аще вопросиши славянскіе буквари, глаголя: кто вы письмена сотворилъ есть, или кто книги преложилъ? вси вѣдятъ и отвѣщавъ рекутъ: святый Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ и Меѳодій, братъ его. Славенская письмена святѣйше суть. Такъ разумъ, братіе, Богъ далъ есть словеномъ“ [1]). Итакъ, латиняне ошибаются, думая, что словенскимъ языкомъ не достоитъ хвалити Бога, потому что Христосъ умеръ за всѣхъ, и Давидъ говоритъ: вси языци восплещите руками и вси языци пріидутъ и поклонятся предъ Тобою, Господи; всяко дыханіе да хвалитъ Господа, яко же всякимъ языкомъ достоитъ хвалити Господа, а не точію единѣмъ [2]).

11. „И въ церкви повелѣ игрецемъ играти, и въ органы, и въ тимпаны, и въ мусикіи“. Хотя обвиненіе это появилось весьма рано, но встрѣчается не у всѣхъ полемистовъ. Видно, что этому отступленію придавалось меньше значенія въ сравненіи съ другими. Будучи особенностію латинской Церкви и не имѣя ничего само по себѣ предосудительнаго, оно не возбуждало въ полемистахъ чувства негодованія. Только позднѣйшій русскій писатель, имѣвшій, по его словамъ, несчастіе быть на флорентійскомъ соборѣ, съ иронією отзывается объ обычаѣ латинянъ—„трубити во время отправленія миссы въ трубы, и въ варганы, и въ бубны, и въ свирѣли, и во всякую игру играти [3]) по фряжскому праву“ [4]).

---

[1]) Прав. Соб. 1860 г. 1. 206—207.
[2]) Истор. р. цер. Макарія 11.361. Тр. К. Д. А. 1867 г. 2.319.
[3]) Обзор. Попова. 353.
[4]) Ibid. 372.

12. „Матерь Господа нашего Іисуса Христа не именуютъ (?) Богородицею, но токмо Святая Дѣва, а то есть ересь Несторіева“. Это обвиненіе, кажется, заимствовано изъ ученія богомиловъ. Извѣстный обличитель богомильской ереси Косма, между другими положеніями ученія богомиловъ, сообщаетъ намъ и слѣдующее: „Преславныя и Пречистыя Богоматери Господа нашего Іисуса Христа не чтутъ (богомилы) [1]). Такой взглядъ на Богородицу находится въ прямой связи съ ученіемъ богомиловъ о Лицѣ Іисуса Христа, Котораго они не почитали единороднымъ Отцу, но считали младшимъ Сыномъ Божіимъ, старшаго же именовали Сатанаиломъ. Умаляя Іисуса Христа въ его достоинствахъ, богомилы тѣмъ самымъ уменьшали значеніе Богоматери. Римская Церковь не раздѣляла такого взгляда на Іисуса Христа и Его Матерь. Очевидно, обвиненіе въ непочитаніи Богоматери явилось по недоразумѣнію полемистовъ, по желанію ихъ приписать однимъ латинянамъ начало, происхожденіе и развитіе ересей, тогда какъ извѣстно, что ересь богомильская находила себѣ послѣдователей между славянами, греками и итальянцами-латинянами. Въ древнѣйшей, буквально воспроизводящей греческій подлинникъ, редакціи посланія константинопольскаго патріарха Михаила Керулларія къ патріарху антіохійскому Петру нѣтъ обвиненія, чтобы латиняне не почитали надлежащимъ образомъ Пресвятой Богородицы, между тѣмъ, какъ вторая редакція посланія Михаила Керулларія, весьма распространенная въ славянской письменности и представляющая передѣлку подлинника, указанное обвиненіе въ себѣ содержитъ; въ другихъ полемическихъ сочиненіяхъ, раннѣйшихъ посланія Михаила Керулларія (1053—1054), этого обвиненія нѣтъ; въ позднѣйшихъ встрѣчается часто [2]). Отсюда можно выводить заключеніе о происхожденіи обвиненія изъ славянской или позднѣйшей греческой письменности въ древне-русскую.

13. По взгляду полемистовъ, латиняне „не принимаютъ

---

[1]) Соч. Гильферд. 1.230.

[2]) Обзор. А. Попова. 47—56.

святыхъ и великихъ отецъ нашихъ: Великаго Василія, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста [1])".

Далѣе полемисты укоряютъ латинянъ въ непочитаніи ими христіанской святыни, какъ-то:

14. Латиняне „иконъ не цѣлуютъ, ни мощей святыхъ. Не хотятъ мощемъ святымъ кланятися, друзіи же отъ нихъ ни св. иконъ не почитаютъ. Святыхъ ихъ воображенія (изображенія) на мраморѣхъ и на помостѣхъ церковныхъ написуютъ, не да почтятъ ихъ, но попираютъ ногами, не токмо простіи, но и попове, и чернецы ихъ". По другимъ полемистамъ, латиняне не держатъ въ церкви иконъ, кромѣ одного распятія [2]). Обычай латинянъ изображать крестъ на землѣ (пальцемъ) и цѣловать его подвергся обличенію со стороны нашихъ полемистовъ: „а крестъ цѣлуютъ, написавше на землѣ, и вставше попираютъ его ногами", говорятъ съ уко-

---

[1]) Ibidem. 321. Тр. К. Д. А. 1867 г. 3. 472.

[2]) Нельзя думать, чтобы латиняне въ самомъ дѣлѣ были иконоборцами, въ чемъ обличаютъ ихъ полемисты, но нельзя сказать и того, чтобы не было основанія уличить латинянъ въ непочитаніи ими иконъ. Извѣстно, что Карлъ Великій не принялъ опредѣленій VII Вселенскаго Собора, утвердившаго иконопочитаніе, и, по своимъ честолюбивымъ и политическимъ видамъ, составилъ свой соборъ во Франкфуртѣ на Майнѣ (794), гдѣ было постановлено, что иконы могутъ быть въ церкви только для украшенія храма и напоминанія разныхъ событій христіанскихъ, но не для чевствованія и поклоненія имъ. Для утвержденія и распространенія такого ученія составлено было ученымъ Алкуиномъ и обнародовано отъ имени самого Карла извѣстное сочиненіе „Libri Carolini", направленное противъ иконопочитанія, какъ и самаго VII Вселенскаго Собора. Опредѣленіе собора 794 г. подтверждено было потомъ соборомъ парижскимъ 825 г. при сынѣ Карла Людовикѣ благочестивомъ. Хотя эти соборы и не имѣли въ западной церкви всеобщаго, каноническаго значенія, однако-жъ, можетъ быть, именно вслѣдствіе и по примѣру ихъ на западѣ, мало-по-малу, развился взглядъ на иконы, какъ только на украшеніе церковное. Иконъ, поэтому, становилось все меньше и меньше, при чемъ главное вниманіе обращалось на художественность ихъ отдѣлки. Съ другой стороны самый протестъ гальской церкви противъ вселенскаго опредѣленія Церкви не встрѣтилъ энергическаго опроверженія и осужденія со стороны папы (Адріана)—блюстителя православія. Слѣдовательно полемисты только преувеличенно смотрѣли на дѣло, но они имѣли поводъ къ обличенію западныхъ христіанъ. Тр. К. Д. А. 1867 г. 3. 473—474. Cur. Compl. Latin. Patrolog. mig. tom. 98. 1000—1291 pag.

ромъ наши полемисты [1]). Крестятся пятью перстами, послѣди же пальцемъ мажетъ лице свое.

15. По представленію полемистовъ, латиняне допускаютъ нѣкоторые церковные обряды, не имѣя на то основанія. Такъ, они мертвеца кладутъ на западъ ногами, а руцѣ подлѣ ногъ подложивше: очи ихъ, и уши, и носъ залѣпливаютъ. Тіи же (латиняне) умирающіе епископы ихъ не погребаютъ въ той день, но держатъ ихъ до осмь дней, дондеже пріидетъ область его вся, тіи принесутъ, кто что можетъ, почесть и тогда погребутъ его [2]).

Вниманіе нашихъ полемистовъ останавливалось на частію суевѣрныхъ, частію недобрыхъ и странныхъ обычаяхъ частной домашней жизни латинянъ. Сюда относятся: обычай латинянъ.

16. Впускать кровь въ чашу, ѣсть кровь и удавленину. „Откуда у васъ обыкновеніе ѣсть удавленину,—спрашиваютъ полемисты?—се бо отречено Мосеевымъ закономъ и евангельскимъ, и отъ св. отецъ явно возбраняется. Латиняне ѣдятъ и звѣроядину, и мертвечину, и кровь, и медвѣдину, и выдры; ядятъ всякую скверну и вѣверицу [3]), и желвь [4]), коты малыя и великія, и ежа, и все, что по горамъ и древесамъ скачутъ, и мыши, и лисицу, и вся; точію пса и волка отвращаются. Западная латина змія ядятъ малыя и великія, иного же не помянухомъ скверности ихъ ради [5])". По поводу скверноядѣнія латинянъ полемисты укоряли ихъ въ томъ, что они вкушаютъ пищу изъ однихъ сосудовъ съ собаками и кошками.

17. Если что особенно не нравилось нашимъ полемистамъ, то это обычай латинянъ—стричь бороду. Обвиненіе латинянъ въ стриженіи бороды и усовъ современно возникшей полемикѣ между латинскою и греко-русскою Церковію. Чтобы

---

[1]) Тр. К. Д. А. 1867 г. 3. 480.

[2]) Ibidem.

[3]) Вѣверица—бѣлка, вѣкша; простой народъ не употребляетъ ее въ пищу.

[4]) Желвію называется всякая затвердѣлость на тѣлѣ, наростъ, отсюда—желвакъ.

[5]) Обзор. А. Попова. 321—325. Ист. р. ц. Мак. 11. 337.

это обвиненіе имѣло бо́льшее значеніе, полемисты приписываютъ его, какъ и другія, самому Фотію, авторитетомъ котораго прикрывались нѣкоторые изъ позднѣйшихъ полемистовъ. „Что касается до стриженія бороды бритвою, то не написано-ли въ законѣ о запрещеніи брить бороду?—говорятъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ неудовольствія на латинянъ наши полемисты.—Ходить безъ бороды свойственно только женщинамъ, а не мужчинамъ. Вы же, латиняне, стрижете себѣ бороду изъ-за человѣческой прихоти. Такъ какъ вы чрезъ это не повинуетесь закону, то вы получите достойное отъ Бога, создавшаго васъ по образу Своему. Если вы хотите угодить Богу, то отступите отъ всего того, что Ему не угодно [1])“. Но однимъ обвиненіемъ въ стриженіи бороды полемисты не ограничивались. Они объясняли источникъ или мотивы, по которымъ, собственно, римское духовенство стало брить бороду. Замѣчательна въ этомъ случаѣ изобрѣтательность греческихъ полемистовъ съ одной стороны и школьническое довѣріе русскихъ—съ другой. Вотъ это курьезное объясненіе; „папѣ одному нужна была женщина, поэтому онъ распорядился, да пріидетъ къ нему (жена)... Но женщина обѣщалась придти подъ тѣмъ условіемъ; если папа сбрѣетъ свою бороду,—что папа и сдѣлалъ. Но папа ошибся, потому что женщина къ нему не только не пришла, но даже обличила папу за то, что онъ изъ-за женщины обрился и тѣмъ самъ себя обличилъ. Такимъ образомъ, папа былъ пристыженъ. Но, чтобы скрыть свой стыдъ, папа рѣшился на слѣдующее. Собравши епископовъ и поповъ, папа объявилъ имъ, что ему явился отъ Бога Ангелъ и говорилъ: если хочешь быть самъ, какъ Ангелъ, если хочешь, чтобы и твои рабы были Ангелами, то остриги бороду, потому что Ангелы предстоятъ предъ престоломъ Всевышняго безъ бородъ“. „Я, сказалъ папа, сдѣлалъ по внушенію Ангела — остригъ себѣ бороду. Сдѣлайте и вы то же самое, дабы сдѣлаться намъ достойными ангельскаго чина“. Епископы и попы послушались папы и скоро остригли себѣ бороды. Узнавши и увидѣвши это, папа былъ радъ. „Этого вы, латп-

[1]) Обз. А. Попова. 131—132.

няне", говорятъ съ ироніей полемисты, „держитесь и до сихъ поръ. Итакъ васъ посрамила одна жена, а виною—вы сами" [1]). Бородѣ придавали и символическое значеніе; она была символомъ русской народности, русской старины и преданія. Ненависть къ латинству, ведущая свое начало въ полемической литературѣ съ очень ранняго времени и усиленная столкновеніями нашихъ предковъ съ западными народами XV в., способствовала русскому человѣку къ составленію понятія о томъ, что борода есть существенный признакъ каждаго православнаго и что бритье бороды дѣло не православное, еретическая выдумка на соблазнъ и растлѣніе добрыхъ нравовъ... О, великое зло! сказано въ одномъ словѣ о брадобритіи; человѣцы, созданные по образу Божію, измѣниша доброту созданія Его, и зракъ свой мужескій обругаша, уподобляющеся женамъ блудоводнымъ ради угожденія сквернаго, или, паче рещи, безсловеснымъ нѣкіимъ, яко скотомъ или псомъ подобнымъ имъ: тіи убо усы простерты имутъ, бородъ же не имутъ. Такъ и человѣцы младоумніи, или, паче рещи, безумніи, измѣниша образъ мужа богозданный, бывающе псообразны, усы простирающе [2])". Эти мысли имѣютъ связь съ приведеннымъ выше объясненіемъ происхожденія обычая у латинянъ стричь бороду и съ взглядомъ русскимъ на тѣхъ, кто брилъ бороду. По нашему мнѣнію, статья о наказаніи за остриженіе бороды, — статья, находящаяся въ уставѣ князя Ярослава I Владиміровича, имѣетъ прямую связь съ обвиненіемъ латинянъ въ брадобритіи [3]). Въ общей связи съ мнѣніемъ о бородѣ находится фактъ, что послу Великаго Князя Андрея Боголюбскаго остригли бороду и голову на одномъ княжескомъ сеймѣ, чтобы выразить пренебреженіе къ требованіямъ Великаго Князя. [4]).

18. Есть, наконецъ, еще обвиненіе, въ которомъ обличали латинянъ наши полемисты,—обвиненіе, состоящее въ томъ, что латиняне „землю называютъ матерью". Трудно понять, на что указываетъ это обвиненіе. По мнѣнію Попова,

[1]) Обзор. А. Попова. 273—274.
[2]) Обз. А. Попова. 374. Ист. очерк. Бусл. II, 233.
[3]) Истор. рус. народ. Полевого 1.359.
[4]) Ипат. лѣт. 10.

это обвиненіе едва ли не русскаго происхожденія. По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, оно сильно напоминаетъ эпитетъ земли въ народной русской рѣчи: „мать-сыра земля“. Далѣе, г. Поповъ предполагаетъ: „не слѣдуетъ-ли читать въ лѣтописи не ма́теріею, а матéріею“. Догадку свою г. Поповъ основываетъ на созвучіи словъ, каковое созвучіе и дало поводъ къ обвиненію латинянъ въ названіи земли матеріею. Употребленіе слова матерія не представляетъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ это слово встрѣчается въ старинной русской письменности“ [1]). Но эта догадка, кромѣ натянутости, не сообразуется съ дальнѣйшимъ ходомъ рѣчи, съ опроверженіемъ заблужденія. Это опроверженіе замѣчательно по своей затѣйливости. „Да еще имъ есть земля мати, говоритъ полемистъ, то отецъ ихъ есть небо. Аще ли по ихъ (латинянъ) разуму земля есть мати, то почто-же плюете на матерь свою, да сѣмо не лобзаете и паки оскверняете?“ Приведенныя слова, направленныя для опроверженія вины латинской, кажется, намекаютъ на существованіе у латинянъ взгляда на матерію, какъ на единственную производительницу (мать) физическихъ и нравственныхъ явленій и самого человѣка. Такому матеріалистическому взгляду полемистъ противопоставляетъ другой, по которому высшее не земное начало (отецъ имъ есть небо, т. е. въ смыслѣ производящей, творческой силы) не только имѣетъ такое-же отношеніе къ творнымъ существамъ, какъ и земля (матерія), но и гораздо высшее, нравственное; оно состоитъ, по смыслу полемиста, во возбужденіи благоговѣйныхъ чувствъ чествованія и поклоненія небу, что не прилично въ отношеніи къ землѣ, на которую приходится волей-неволей плевать и попирать ногами даже тогда, когда ей воздается дань благодаренія. Обвиненіе это, какъ и большая часть другихъ, греческаго происхожденія, а не русскаго. Предположеніе Попова о русскомъ происхожденіи обвиненія, какъ основанное на одномъ созвучіи послѣдняго съ извѣстнымъ народнымъ терминомъ: „мать-сыра земля“, несостоятельно потому, что странно слышать отъ полемиста противъ латинянъ то, что заимствовано

[1]) Обз. А. Попова. 17—18.

у русскихъ и въ чемъ нужно, поэтому, обвинять послѣднихъ, а не первыхъ; предположеніе Попова не сообразуется съ опроверженіемъ обвиненія, смыслъ котораго указанъ нами выше. Если, допуская предположеніе Попова, обвиненіе отнести къ до-христіанскому и языческому состоянію Руси, то спрашивается, почему одно это обвиненіе (изъ языческаго міровоззрѣнія) взято и поставлено наравнѣ съ обвиненіями противъ латинянъ? и почему, съ другой стороны, это обвиненіе, несмотря на свою важность, впослѣдствіи почти не упоминается у русскихъ писателей, если же упоминается [1]), то какъ обвиненіе противъ латинянъ, а не русскихъ? Очевидно, что эпитетъ земли въ народной русской рѣчи: „мать-сыра земля“,—эпитетъ удержавшійся до настоящаго времени, употреблялся и употребляется какъ образное, поэтичное представленіе, подъ которымъ не скрывалось ни матеріализма, ни дуализма, а потому этотъ оборотъ рѣчи никогда не возбуждалъ упрека и опроверженія со стороны древне-русскихъ духовныхъ писателей; по той-же самой причинѣ этотъ оборотъ и въ древнѣйшее время не могъ послужить основаніемъ и даже поводомъ къ обвиненію латинянъ. На нерусское происхожденіе разбираемаго обвиненія указываетъ самое мѣсто, гдѣ въ первый разъ встрѣчается оно; оно находится въ символѣ, который читалъ Владиміръ св. при крещеніи и который заимствованъ цѣликомъ у грековъ. Такъ какъ этого обвиненія нѣтъ у п. Фотія, изложившаго главныя отступленія латинянъ, то можно думать, что Фотій или не придавалъ большого значенія указанному отступленію, какъ мелочному, или оно явилось послѣ него. Отъ разрѣшенія вопроса: когда появилось обвиненіе, зависитъ отвѣтъ на то, почему Фотій не поставилъ этого обвиненія наравнѣ съ другими, такъ какъ понимаемое въ смыслѣ матеріалистическаго представленія на міръ разсматриваемое обвиненіе не менѣе важно, чѣмъ и другія заблужденія латинянъ, перечисленныя въ окружномъ посланіи Фотія. Намъ кажется, что обвиненіе латинянъ въ томъ, что они землю называютъ *матерью*, относится къ тому времени, когда въ Италіи замѣтно было распространеніе

[1]) (Лавр. спис. под. 1377 г.; Ипат. сп. XIV—XV вв.) Обз. Попова.

богомильской секты. Обязанное своимъ происхожденіемъ Востоку и служа продолженіемъ павликіанства, богомильство отъ славянъ, между которыми оно сильно было распространено, перешло въ Италію, гдѣ съ неменьшимъ успѣхомъ распространялось въ теченіе IX—XI вв. Сущность богомильскаго ученія, какъ дуалистической системы, состоитъ въ признаніи самостоятельнаго значенія за началомъ добра и зла, такъ что начала добра и зла считаются равноправными и признаются два божества—доброе и злое [1]). Такъ какъ стихіей злого начала признается матерія въ смыслѣ первопричины (матери) земли, природы, жизни вообще и самого человѣка, то обвиненіе имѣетъ связь съ этимъ пунктомъ богомильскаго ученія, заключая въ себѣ опроверженіе несостоятельности ученія богомильскаго. По смыслу обвиненія, усвоеніе латинянами (?) землѣ творческой силы, какъ устраняющей сверхъестественное дѣйствіе Божества, стоитъ въ противорѣчіи съ христіанскимъ ученіемъ, по которому Богъ есть причина (Отецъ) всей твари, земли и человѣка. Итакъ, какъ кажется, обвиненіе латинянъ въ названіи ими земли матерью заимствовано изъ богомильскаго ученія, какъ заимствовано оттуда и другое, о которомъ была уже рѣчь. Это сродство и заимствованіе, неясное сразу по неопредѣленности формы, въ которой выражено обвиненіе, но дѣйствительное по внутреннимъ признакамъ, подтверждается и исторически. Происхожденіе обвиненія, относящееся къ X в., совпадаетъ съ временемъ, когда богомильство очень успѣшно распространялось среди славянъ, грековъ и итальянцевъ. Отсутствіе этого обвиненія въ сочиненіи Фотія указываетъ на появленіе его въ то время, когда уже не было этого представителя полемики противъ латинскихъ злоупотребленій. Впрочемъ, если допустить раннѣйшее происхожденіе обвиненія, то и. Фотій, какъ глубоко понимавшій разницу въ направленіи Церкви римской и греческой, не могъ въ число обвиненій поставить и разсматриваемое по той простой причинѣ, что это обвиненіе по сущности дѣла относится столько же къ славянамъ и грекамъ, сколько и къ итальянцамъ и всѣмъ тѣмъ, кто сочувствовалъ и раздѣлялъ

[1]) Соч. Гильферд. т. 1. 132. 229.

ученіе богомильское. Что касается до того, какъ могло попасть въ число латинскихъ заблужденій и обвиненіе, котораго чужда римская церковь и которое относится къ тремъ народностямъ (по преимуществу Балканскаго полуострова), то это объясняется свойствомъ полемики, какъ неразборчивой и пристрастной, желаніемъ приписать латинянамъ то, въ чемъ виновны не одни они, — взглядомъ на латинство, какъ общество, заключающее много дурного, еретическаго. Нужно замѣтить, что это обвиненіе очень рѣдко встрѣчается въ спискахъ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій: это можно объяснить тѣмъ, что русскимъ грамотѣямъ могъ представиться непонятнымъ смыслъ указаннаго обвиненія, происходя изъ богомильскаго ученія, распространеннаго между балканскими славянами и нашедшаго не много послѣдователей въ предѣлахъ Россіи [1]); это обвиненіе не могло, поэтому, имѣть того значенія, какое признавалось за другими (обвиненіями), поводъ для которыхъ давали жизнь и обычаи латинянъ.

Таковы заблужденія, въ которыя впало латинство, по представленію древне-русской полемической литературы. Для наглядности считаемъ не лишнимъ представить одинъ сатирическій отрывокъ, относящійся къ XIII в., — отрывокъ, въ которомъ обобщены вины латинства и способъ ихъ опроверженія. Въ этомъ отрывкѣ обнаруживаются пріемы и духъ полемики противъ латинянъ: здѣсь есть и преувеличеніе дѣла, и смѣшеніе существеннаго и несущественнаго въ дѣлѣ вѣры и церковной практики. Мы имѣемъ въ виду „Преніе панагіота съ азимитомъ“, т. е. грека съ латиняномъ. Это „преніе“ изложено въ діалогической формѣ бесѣды между представителемъ (греческаго) православія Константиномъ панагіотомъ (т. е. всеосвященнымъ) и азимитомъ (т. е. латинянином). Названіе—латинянъ азимитами въ первый разъ было пущено въ ходъ константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керулларіемъ въ 1053 г. Названіе это въ свое время

[1]) Разумѣемъ еретика Дмитра, о которомъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1123 г. (Пол. собр. рус. лѣт. IX. 152). Новѣйшія изслѣдованія указываютъ на древность и восточное происхожденіе богомильства и въ частности означеннаго взгляда на отношеніе Творца къ Его творенію—землѣ К. М. Карягинъ. Сакія-Муни (Будда). Спб. 1891 г. 21 стр.

показалось латинянамъ очень обиднымъ, о чемъ и занесено было папскими легатами въ отлучительный актъ 1054 г. и съ этого времени употреблялось греческими полемистами какъ ругательное слово. Будучи историко-литературнымъ произведеніемъ, „преніе“ характерно указываетъ на извѣстныя отношенія и споры между греками и латинянами. Унизить послѣднихъ и представить ихъ неправыми—главная цѣль „прѣнія“. Панагіотъ, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства и превосходства, поучаетъ азимита, отвѣчая послѣднему на предлагаемые имъ схоластическіе вопросы о тайнахъ міра и т. под., сколько небесъ? что поверхъ неба? что подъ землею? что больше — земля или море?.. Азимитъ является здѣсь въ жалкомъ, смѣшномъ видѣ, какимъ-то простакомъ, неучемъ, который и вопросы-то задаетъ невпопадъ. Напр., азимитъ спрашиваетъ панагіота: божество гдѣ пребываетъ?—Панагіотъ: гдѣ пожелаетъ Его царство.—Ангелы гдѣ?—Гдѣ имъ приказали.—Апостолы?—Гдѣ ихъ поставили. Азимитъ часто уклоняется отъ дѣла, говоря о чемъ-либо постороннемъ; панагіотъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчаетъ на это, хотя и сознаетъ неумѣстность всѣхъ его вопросовъ, но старается вести дѣло такъ, что опять наводитъ азимита на путь и, такимъ образомъ, посредствомъ искуснаго (?) оборота рѣчи достигаетъ своей цѣли, какъ знатокъ дѣла. Какъ-бы наскучивъ отвѣчать на мелкіе вопросы, панагіотъ вдругъ прерываетъ азимита и говоритъ ему: „что ты меня спрашиваешь все о мелкихъ предметахъ?! Я тебѣ отвѣчу на все, что тебѣ угодно. По благодати Божіей и молитвѣ моего родителя и учителя, я знаю, насколько отстоитъ небо отъ земли,—знаю, насколько простирается глубина морская, какое основаніе неба и земли, какова природа видимая,—знаю естество Ангеловъ, демоновъ и людей. Обрадованный азимитъ продолжаетъ задавать вопросы всезнающему панагіоту. Послѣдній раскрываетъ предъ нимъ свою мудрость и готовъ еще больше открыть, — какъ вдругъ азимитъ, лишь только кончилась рѣчь о теченіи солнца, разразился нелѣпымъ вопросомъ: „брода моя и глава колико власъ имутъ?“—Оставляя многоглаголивую бесѣду о разныхъ вещахъ, мы извлечемъ изъ „прѣнія“ только то, что относится

къ нашему предмету. Бесѣда между панагіотомъ и азимитомъ останавливается на слѣдующемъ.

Панагіотъ. У васъ, латиняне, 72 ереси.

Азимитъ. Какія?

Панагіотъ. Слушайте, окаянные, — я пересчитаю ваши ереси: отчего вы не называете Пресвятой Дѣвы Богородицею, называя Ее только Св. Маріею? Этимъ вы ставите Ее наравнѣ съ другими (святыми) женами. Мы же, какъ истинные христіане, прославляемъ Ее какъ Матерь Избавителя, какъ Богородицу. Отчего вы не изображаете на себѣ правильно крестнаго знаменія? Отчего св. иконамъ кланяетесь не со страхомъ и трепетомъ? Войдя въ церковь, вы падаете на колѣна и шепчете то, что внушилъ вамъ сатана; сдѣлавъ двумя перстами крестъ на землѣ, вы его цѣлуете, а вставши, вы его тотчасъ ногами топчете и уходите прочь. Вы ѣдите удавленину, ѣдите изъ того самаго сосуда, въ который впускаете свою кровь. Ваша пища состоитъ изъ медвѣдины, воронъ, бобровъ и всего нечистаго, чего мы гнушаемся.

Азимитъ. Апостолу Петру, когда онъ захотѣлъ ѣсть, Ангелъ велѣлъ заколоть и ѣсть чистое и нечистое, безъ всякаго разбора.

Панагіотъ. Неправда! То, что сказано Петру Ангеломъ относительно пищи, нужно понимать въ приточномъ смыслѣ, именно, что Господь послалъ Апостоловъ проповѣдывать Евангеліе всѣмъ людямъ, какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ. Почему вы, окаянные, не поститесь во вторникъ первой недѣли Великаго поста,—время,—когда демоны исчезаютъ, а Ангелы радуются; мы, истинные христіане, въ то святое время ничего не ѣдимъ. Употребленіемъ въ это время мяса и молока вы губите себя. Послѣ заговѣнья не посте: „аллилуіа“ до великой пятницы. Прячете крестъ, говоря, что Христосъ убѣжалъ въ Іерусалимъ, а въ великую пятницу вы снова его берете и говорите, что Христосъ пришелъ, и начинаете пѣть „аллилуіа“. Женщины ваши во весь Великій постъ ѣдятъ мясо и молоко,—это очень худо. Ваши священники ведутъ безбрачную, но безнравственную жизнь, держа у себя наложницъ. Совершаете литургію на опрѣснокахъ. Въ одинъ разъ совершаете по нѣсколько литургій, не считая это грѣхомъ. Ваша

Церковь — совершенная блудница: одинъ приходитъ, другой приходитъ. Во время службы ваши священники выходятъ изъ Церкви въ ризахъ, и по возвращеніи доканчиваютъ службу; служатъ тамъ, гдѣ захотятъ: въ полѣ или на дворѣ. Спрошу васъ: какимъ крещеніемъ креститесь и какъ муропомазуетесь? Попы ваши кладутъ себѣ въ ротъ соль и, образовавъ слюну, мажутъ ею дѣтей, вмѣсто мура. Крестятъ не такъ, какъ установили св. отцы: крещается во имя Отца и Сына и Св. Духа; вы же говорите: крещаю тя... азъ... Скажите мнѣ, лишенные славы Божіей, какъ родился Христосъ — съ плотію-ли или безъ нея,—съ душою, или безъ души?

Азимитъ. Съ душою и плотію.

Панагіотъ. Но этого не видно изъ вашихъ дѣйствій. Вы приготовляете опрѣсноки изъ воды холодной и муки, — составъ совершенно мертвый. Скажите мнѣ, какъ пострадалъ Христосъ и воскресъ? Почему вы Его признаете какъ-бы мертвымъ?

Азимитъ. Объясни намъ, почему это такъ.

Панагіотъ. Почему вы не льете горячей воды въ чашу, а только холодную? Ужели вы не знаете, окаянные, что все холодное есть мертво, а (все) теплое живо; то, что умретъ, холодно. Во время совершенія у васъ литургіи народъ сидитъ, держа въ рукахъ собакъ, которымъ позволяютъ бѣгать въ церкви; женщины и собаки ходятъ въ алтарь. Когда папа совершаетъ литургію, надѣваетъ въ уши серьги, на руки — перстни, служитъ въ перчаткахъ.—Сына Божія изображаете съ подбритою бородою; знайте, что вы безчестите себя, брѣя себѣ бороду, усы и голову. Объясните мнѣ, почему вы называетесь латинянами? Я вамъ это объясню. Латинянами вы называетесь потому, что вы извратили истинную вѣру. Прежде вы были въ единствѣ съ нами, а теперь вы отчуждены и прокляты; вы удалены отъ Бога, а мы къ Нему близки, вы ниже насъ, потому что вы ослѣплены заблужденіями и примкнули къ одному діаволу, и онъ послалъ васъ въ поле пасти свиней, какъ послушныхъ его волѣ. Мы—истинные христіане, а вы—еретики; да будутъ прокляты всѣ еретики“ [1]). Признавъ

[1]) Обзоръ А. Попова. 283—286.

зя панагіотомъ превосходство, а за собою—слабость и пораженіе, азимитъ говоритъ: „нынѣ искуси Бога живаго и разумѣ, яко вѣра греческая чиста и непорочна, тверда и непоколебима: воистину препрѣлъ мя еси, о философе“ [1]).

Итакъ, мы представили тѣ отступленія латинянъ отъ вѣры и христіанской жизни, въ которыхъ обвиняли ихъ древнерусскіе полемисты, мы представили въ краткихъ чертахъ и опроверженія этихъ оступленій, число которыхъ простирается до невозможности точно его опредѣлить, по выраженію самихъ полемистовъ [2])—съ одной стороны, съ другой—преступленія латинянъ не всѣ перечисляются „скверности ихъ ради“ [3]). Многочисленность и важность латинскихъ заблужденій, упорство латинянъ въ своихъ преступленіяхъ,—упорство, соединенное съ фанатизмомъ, не могли не возбуждать въ древне-русскихъ полемистахъ непріязненныхъ чувствъ къ латинству, удерживать и скрывать которыя всего менѣе они желали. Сходныя между собою, эти чувствованія, какъ вызванныя одними и тѣми-же мотивами, складывались и развивались не въ пользу латинянъ и ихъ нравственныхъ свойствъ. Сознаніе неправоты латинянъ давало основаніе полемистамъ выражать свои чувствованія естественнѣе и рѣзче. Этому способствовало и то, что полемика противъ латинства не встрѣчала на Руси противодѣйствія со стороны латинянъ. Какъ же представлялись латиняне со стороны нравственной?

Гордость и произволъ усвоятся и приписываются латинянамъ, какъ ихъ типическія черты, противоположныя славянскому, русскому смиренію. „Латиняне за высокомѣріе и свою волю отдѣлились отъ вселенскія Церкви“ [4]). Все латинство и папа гордитъ, хотя, чтобы всѣ творили его волю. Латинскія племена по существу горды и жестоки [5]). Латинская гордость была ходячимъ выраженіемъ, которымъ характеризовали латинянъ какъ русскіе полемисты, такъ и лѣтописцы рус-

---

[1]) Обз. А. Попова. 247.
[2]) Ibid. 292. Рукоп. М. Акад. № 175. 450.
[3]) Обз. Попова. 325.
[4]) Обз. Попова. 162.185.
[5]) Ibid. 447.

скіе [1]). Далѣе: обычною чертою латинянъ признается хитрость: „латина-хитрѣйшая всѣхъ языкъ“ [2]). Но будучи ловкими по природѣ, латиняне приняли ложное направленіе въ дѣлахъ церковныхъ: нынѣ же (латиняне) безумнѣе всѣхъ являетесь; потому что оставили свѣтъ, а избрали тьму [3]). Надъ заблужденіями латинянъ полемисты смѣются нерѣдко, удивляясь тому, какъ они дошли до выдумокъ и ересей и, такимъ образомъ, явились „новыми богословцами“ [4]). Удивленіе по поводу непониманія латинствомъ заблужденій растетъ соотвѣтственно съ тою силою, какую первые видѣли въ своихъ обличеніяхъ и считали ее достаточною для обращенія латинянъ на истинный путь [5]), каковые разсчеты не оправдывались: латиняне остаются непреклонны, коснѣя въ ересѣхъ, злѣ и бѣдно смысляще. Упорство ихъ небезопасно,— даже вредно: латиняне, яко терніи, посѣвающіи свои ереси посреди пшеницы. Латинство въ нѣкоторыхъ случаяхъ противопоставляется христіанству, называется „лютымъ безбожіемъ“ [6]), безжизненнымъ, какъ опрѣснокп [7]) „гнилымъ членомъ“ [8]). Ложь и продажность довершаютъ нравственное состояніе латинянъ: „все, что ни говорятъ латиняне, есть ложь“—обычное выраженіе полемистовъ [9]). Такое состояніе латинства возбуждало смѣшанныя и порывистыя чувства, получавшія разнообразную окраску въ сознаніи древне-русскихъ полемистовъ. По чувствамъ, какія питали полемисты къ латинству, можно раздѣлить этихъ полемистовъ на два класса: одни относятся къ латинству съ желаніемъ единенія съ нимъ, другіе съ сожалѣніемъ, досадою и непріязненнымъ, раздраженнымъ чувствомъ. „Молитеся и вы, латиняне,—говорятъ нѣкоторые полемисты,—да подастъ намъ Христосъ паки единство; святая Церковь жаждетъ и нынѣ перваго совокуп-

[1]) Ibid. 355. Полн. собр. рус. лѣт. XIII. 103.
[2]) Ibid. 163. 195. 211.
[3]) Обз. Попова. 213.
[4]) Ibid. 159.
[5]) Истор. рус. церк. Макарія II. 357. 355.
[6]) Обзор. Попова. 380.
[7]) Обзор. Попова. 381.
[8]) Истор. рус. цер. Макарія. II. 355.
[9]) Обзоръ Попова. 370.

ленія (съ римскою Церковію) и своихъ удовъ распаденныя во единство совокуплятися еще уповаемъ и молимся [1]). Гораздо чаще полемисты проникались страстнымъ, раздраженнымъ чувствомъ. Названіе латинства „окаяннымъ“ сдѣлалось у полемистовъ обычнымъ эпитетомъ, который полемисты прилагали къ нему, какъ къ имени отчество [2]).

Итакъ, къ тому, что сказано относительно обвиненій и опроверженій полемистами латинскихъ заблужденій, мы присоединили и вкоротцѣ характеризовали то чувство, какимъ проникались полемисты къ латинянамъ; это въ совокупности составляетъ главную часть полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. Остальная и заключительная ихъ часть состоитъ въ томъ, *какъ* нужно относиться къ латинству въ обыденной жизни, во время неизбѣжныхъ столкновеній съ послѣдователями латинской вѣры.

IV.

Административно-церковныя и пастырскія распоряженія и наставленія о латинахъ.

Изъ того, что уже сказано, можно заключать о томъ характерѣ отношеній ко всему латинству, какой проповѣдовался нашими полемистами. Если латинство впало въ многочисленныя и важныя ереси, если оно развратилось нравственно, то отношенія къ нему должны состоять, по воззрѣнію полемистовъ, въ замкнутости и отчужденности ко всему тому, что извѣстно было подъ названіемъ „окаянной латины“. Не принимать ученія отъ латинянъ, какъ не принимали его и предки, было общимъ правиломъ, повторявшимся какъ тогдашнею литературою, такъ и положительными церковными постановленіями. Уже самые древнѣйшіе наши полемисты успѣли утвердить въ обществѣ такой взглядъ на латинство, простирая его (взглядъ) не на ученіе только, но и на весь латинскій институтъ, какъ на особую, отличную отъ русской, церковную общину. Въ исповѣданіи вѣры, тор-

---

[1]) Ibid. 162—163.

[2]) Ibid. 283—285. Ист. р. ц. Макар. II. 353. 359.

жественно произнесенномъ св. Владиміромъ при крещеніи и послужившемъ образцомъ для послѣдующихъ князей и представителей Церкви, требуется не принимать ученій иныхъ, каковымъ требованіемъ въ частности указывалось на латинство, какъ силившееся въ то время преобладать надъ восточнымъ греческимъ православіемъ [1]). Въ посланіяхъ преп. Ѳеодосія и Никифора подробно и опредѣленно раскрываются общіе начальные совѣты отчужденія отъ латинства. Русскому православному населенію они даютъ пастырскія наставленія— вѣрѣ латинской, какъ проклятой и окаянной, не прилучатися, ни обычая ихъ держати, и общенія ихъ бѣгати, и всякаго ученія ихъ не слушати, и всего ихъ обычая и норова гнушатися и блюститеся, своихъ дщерей не даяти за ня, ни понимати за себя у нихъ, ни брататися съ ними, ни кумитися, ни поклонитися, ни цѣловати, ни съ ними изъ единаго судна ясти, ни пити, ни брашна ихъ пріимати. Тѣмъ же паки у насъ просящимъ Бога ради ясти и пити дати имъ, но въ ихъ сосудѣхъ; аще-ли не будетъ у нихъ судна, въ своемъ дати, потомъ измывше, дати молитву" [2]). Въ отвѣтахъ епископа Нифонта (около половины XII в.) на вопросы черноризца Кирика налагается шестинедѣльная эпитимія на женъ, которые носили дѣтей своихъ къ варяжскимъ попамъ для молитвы [3]). Пастыри церкви настаивали на соблюденіи нѣкоторыхъ православныхъ обрядовъ, чтобы оградить и предостеречь паству отъ всякаго наружнаго общенія, къ которому любило прибѣгать западное духовенство, чувствуя въ самомъ себѣ недостатокъ общенія внутренняго. Такъ, въ тѣхъ же отвѣтахъ Нифонта повелѣвается хоронить мертвецовъ до захожденія солнца по той будто бы причинѣ, что мертвецъ въ послѣдній разъ является на свѣтъ до всеобщаго воскресенія, но, кажется, потому, что латиняне ввели обычай погребать по захожденіи солнца [4]). Итакъ, отношенія къ латинянамъ, по взгляду нѣкоторыхъ полемистовъ XI—XII в., должны были обнять какъ религіозно-церковную, такъ и житейскую,

---

[1]) Полн. собр. р. лѣт. 1. 49.
[2]) Ист. р. ц. Мак. II. 337.
[3]) Памят. рос. слов. XII в. 28.
[4]) Пам. рос. слов. XII в. 28. Ист. рос. слов. Шевырева II. 152—153.

бытовую сторону русскихъ. Суровый взглядъ на отношенія къ латинству согласовался съ принятымъ направленіемъ самой церкви, поддерживался и направлялся греческимъ вліяніемъ. Рѣзкость взглядовъ преп. Ѳеодосія, кромѣ аскетическаго его направленія, объясняется замѣтнымъ въ то время напоромъ латинства, о чемъ намѣкаетъ и Ѳеодосій, жалуясь на численность латинянъ въ предѣлахъ Руси [1]). Эти взгляды на латинство принимались за дѣйствительную норму отношеній къ латинянамъ. Уже одного имени Ѳеодосія, сдѣлавшагося памятнымъ и священнымъ въ устахъ потомства, достаточно было для ручательства за значеніе и силу его взглядовъ на латинство и латинянъ, „всѣхъ языковъ тогдашнихъ поганѣйшихъ и злѣйшихъ“. Несмотря на то, что эти взгляды высказаны не всѣми, но они въ дѣйствительности выражаютъ духъ антипатіи древне-русской полемики противъ латинянъ. Древне-русская полемика какъ въ общемъ своемъ составѣ, такъ и въ частномъ ея приложеніи, имѣла цѣль удалять древне-русское населеніе отъ какого бы то ни было вліянія латинства, какъ еретическаго и неправственнаго. Цѣль эта постоянно преслѣдовалась соотвѣтственно вліянію и опасности со стороны латинства. Если суровый взглядъ полемистовъ на отношеніе къ латинству въ самое раннее время исторіи Русской Церкви выходилъ болѣе изъ убѣжденій въ заблужденіяхъ и нравственной порчѣ латинства, поддерживался опасеніемъ за дурное вліяніе его на Русскую Церковь, то такую же суровость взглядовъ естественнѣе предполагать въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ и современныхъ окончанію древне-русскаго періода посланіяхъ противъ латинства, потому что условія, способствовавшія образованію рѣзкихъ взглядовъ на латинство, не только не уменьшились къ приближенію и окончанію древнѣйшаго періода, но значительно усилились и усложнились: число заблужденій латинства, какъ показываютъ нѣкоторые перечни „латинскихъ винъ“ [2]), умножилось; притязательность и насильственныя дѣйствія латинскихъ агентовъ дѣлались все систематичнѣе, наступательнѣе,

---

[1]) Обз. А. Попова. 79.

[2]) Обз. А. Попова. 320—325.

а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже успѣшнѣе. Вслѣдствіе этихъ причинъ въ литературѣ не могло произойти перемѣны въ пользу латинства. Но это заключеніе можно бы назвать голословнымъ въ томъ случаѣ, если бы въ полемической литературѣ отъ XIII—XV вв. не находилось рѣзкихъ отзывовъ о латинствѣ, не уступающимъ суровому взгляду о немъ Ѳеодосія. Названія латинянъ богомерзкими, окаянными, проклятыми, указываютъ на тѣ же антипатіи къ латинянамъ, какія замѣтны и въ болѣе раннее время [1]). Поэтому, если одинаковыя причины производятъ одни и тѣ же слѣдствія, то выводъ изъ позднѣйшихъ сочиненій о характерѣ отношеній къ латинству и латинянамъ долженъ быть такой же, какой былъ сдѣланъ и прежде, т. е. этотъ характеръ отличался требованіемъ со стороны Церкви замкнутости и отчужденности отъ латинства. Такому характеру требовавшихся отношеній противорѣчитъ, повидимому, посланіе кіевскаго митрополита Іоанна II (1080—1088 гг.), написанное по поводу сношенія съ Русскою Церковью антипапы Климента III и отличающееся миролюбивымъ и вѣжливымъ тономъ. Посланіе м. Іоанна было отвѣтомъ на вызовъ Климента III, приславшаго въ Кіевъ своего епископа въ цѣляхъ сближенія и единенія съ Русскою Церковью. Но указаніе на посланіе м. Іоанна, по характеру своему дѣйствительно кроткое, какъ на доказательство существованія иного взгляда на отношенія Церкви къ латинству, можно считать недостаточнымъ потому, что назначеніе этого посланія къ папѣ требовало смягченія тона въ отношеніяхъ къ Римской Церкви. Поэтому посланіе Іоанна, какъ относящееся къ внѣшнимъ сношеніямъ Церквей, нельзя признать не только за норму отношеній древне-русской Церкви къ латинству, но и за временное, непродолжительное направленіе ея въ этомъ отношеніи, какъ нельзя считать нормою отношеній Римской Церкви къ русской нѣкоторыя папскія посланія къ русскому народу, скрывающія подъ вѣжливыми фразами совсѣмъ иныя чувства. Тотъ же самый Іоаннъ является гораздо строже къ латинству, когда дѣло касается собственной Русской Церкви въ ея отношеніи къ латинству, политически и церковно вообще у насъ из-

[1]) Полн. собр. р. лѣт. VI. 191.

давна, хотя и внѣшне, терпимому; онъ запрещаетъ брачные союзы между русскими и латинянами и общеніе съ ними въ дѣлахъ церковныхъ, и только въ случаѣ *нужды* позволяетъ ѣсть съ ними [1]).

Здѣсь у мѣста рѣшить вопросъ: мнѣнія м. Іоанна объ отношеніи къ латинянамъ имѣли-ли каноническое значеніе или нѣтъ? Хотя Іоаннъ II въ своихъ отвѣтахъ Іакову-черноризцу высказалъ взглядъ на латинянъ менѣе рѣзкій, чѣмъ взглядъ Ѳеодосія, однако и онъ не одобряетъ браковъ членовъ княжескаго дома съ латинянами и запрещаетъ православнымъ имѣть религіозное общеніе съ служащими на епархіяхъ. Такимъ образомъ, взглядъ Іоанна совпадаетъ со взглядомъ Ѳеодосія, имя котораго не замедлило сдѣлаться священнымъ для всей древней Руси. Нужно сказать, что м. Іоанну усвояется названіе *пророка* Христова, что указываетъ на его значеніе въ свое и послѣдующее время. Взглядъ Іоанна о бракахъ съ латинянами заимствуется не изъ полемическаго трактата, а изъ ряда „правилъ“, написанныхъ имъ для руководства Іакову-черноризцу. Хотя мы не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ, чтобы католички, выходя замужъ за русскихъ, отказывались отъ латинства и принимали православіе, но это необходимо предполагать потому, что это требовалось каноническими постановленіями греческой Церкви, а слѣд. и Русской; Вальсамонъ ясно объ этомъ говоритъ. (См. у Ралли ἄξνμων II т. 254—253). Есть основаніе поэтому утверждать, что означенное правило выполнялось въ церковной практикѣ. Если вдуматься въ форму, въ какой оно выражено, то оно отличается строгостью и даже рѣзкостью, не допускающею исключеній. „Иже дщерь благовѣрнаго князя даяти за-мужъ въ ину страну, гдѣ служатъ на епархіяхъ и скверноядцы (не?) отметаются? — Недостойно и зѣло не подобно правовѣрнымъ творити сіе дѣтемъ сочетаніемъ; Божественный уставъ и мірскій тоя же вѣры благовѣрство

[1]) Ист. р. ц. Мак. II. 266. Такое-же отношеніе къ латинству внушается въ Уставѣ бѣлеческомъ или „Заповѣди митрополита Георгія“ (1062—1079): „не подобаетъ у латыни камкати ни молитвы взимати, и питія изъ единыя чаши ни ясти“. (Ист. р. ц. Е. Голубинскаго. 1 т. 519).

повелѣваетъ понимати". [1]) Таково правило. Хотя князья вступали въ брачный союзъ съ иновѣрными, но эти браки совершались подъ условіемъ, требовавшимъ отъ латинянокъ, выходящихъ за русскихъ князей, принятія православія. Это требованіе, разумѣется само собой, подтверждается существовавшими правилами и примѣрами Индигерды, жены Ярослава I, принявшей православіе съ именемъ Ирины. Если это условіе соблюдалось въ раннюю пору, когда отношенія къ Западу отличались меньшею замкнутостію, то во время послѣдующее условіе принятія православія должно было пріобрѣсть бо́льшую силу. Въ исповѣданіи православной вѣры новгородскаго архіепископа Емиліана, даннома имъ въ 1424 г. кіевскому митрополиту Фотію, между другими обязательствами епископскаго служенія находится слѣдующее: „исповѣдую не оставити во всемъ своемъ предѣлѣ ни единаго отъ нашея православныя христіанской вѣры къ армянамъ свадьбы творити, и кумовства, и братства, также и къ латинамъ; аще же который попъ отай мене сотворитъ, мнѣ повѣдати о томъ господину моему митрополиту" [2]). Изъ этого видно, что правило, запрещавшее бракъ русскихъ съ иновѣрцами и въ частности съ латинянами, по какимъ-то причинамъ нарушалось, посему епископъ Емиліанъ, по требованію митрополита, обязывался возстановить его и придать ему обязательное каноническое значеніе. Такъ какъ это правило нарушалось и въ другихъ мѣстахъ, [3]) то, чтобы придать ему большее и обязательное значеніе, оно введено было въ „чинъ поставленія епископа", относящійся къ 1456 г. [4]); здѣсь оно, наравнѣ съ другими обязательствами, повторяется въ той-же самой формѣ, въ какой оно читается въ исповѣданіи Емиліана. Послѣ всего сказаннаго, правило митрополита Іоанна о бракахъ съ иновѣрцами можно считать образцомъ, которому въ послѣдующее время старались слѣдовать. Если, такимъ образомъ, отъ латинянокъ, вступавшихъ въ бракъ съ русскими князьями-ли то, или ихъ подданными, тре-

---

[1]) Рус. дост. 1. 94.
[2]) Акт. Экспед. 463.
[3]) Акт. Истор. 1.492.
[4]) Акт. Эксп. 1.471.

бовалось принятіе православія, что было весьма непріятно и оскорбительно для папъ [1]), то спрашивается: какъ совершался переходъ отъ латинства къ православію всякаго католика, желавшаго принять греко-русскую вѣру? Обрядъ принятія латинянъ обстоятельно описанъ Нифонтомъ (новгородскимъ) въ отвѣтахъ на вопросы Кирика [2]). Латиняне принимались въ православную вѣру не чрезъ крещеніе, а только чрезъ причащеніе и муропомазаніе. Чрезъ муропомазаніе же принимались новаціане, аріане и македоняне, которые по существу и въ глазахъ русскихъ были болѣе уклонившіеся (теоретически-догматически) отъ православія, чѣмъ латиняне. Такъ было во весь разсматриваемый нами древнѣйшій періодъ исторіи Церкви. Но есть мнѣніе, по которому будто бы принятіе латинъ въ древнѣйшей Руси совершалось посредствомъ крещенія. Мнѣніе это возникло на соборѣ 1620 г., по вопросу о принятіи латинянъ, и хотя оно не всѣми тогда раздѣлялось, однако, было оффиціально принято, благодаря п. Филарету Никитичу. Но „большой московскій соборъ“ 1667 г., на которомъ присутствовали два восточныхъ патріарха и русскій, опредѣленіе п. Филарета признали неправильнымъ, основываясь, между прочимъ, на константинопольскомъ соборѣ 1484 г., постановившемъ принимать латинъ въ православную церковь чрезъ т. муропомазанія [3]). Впослѣдствіи, взглядъ п. Филарета съ настойчивостію развивалъ А. Денисовъ, авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ“. Примѣры, приводимые Денисовымъ въ подтвержденіе своей мысли, неудачны. Прокопій Устюжскій, дѣйствительно, происходилъ отъ рода варяжскаго и по пришествіи на Русь обратился (отъ зловѣрія, т. е. именно латинства, а не отъ язычества, какъ нѣкоторые (Липовъ) думаютъ потому, что язычество извѣстно было подъ названіемъ поганства) въ православную вѣру и крестился [4]). Но креститься (baptisari) еще не значитъ быть перекрещеннымъ (denuo baptisari), какъ это думаетъ Денисовъ. Муропомазаніе, чрезъ которое въ

[1]) Histor. Rus. monument. 1.31.
[2]) Рус. Корм. XIII в., принадлеж. СПБ. публич. библіот.
[3]) Собр. мнѣній и отз. м. Филарета т. V, 1887 г. стр. 280—281.
[4]) Четьи-Минеи. Іюль.

древнѣйшей Руси принимались латиняне, въ обычномъ своемъ видѣ совершалось и совершается непосредственно послѣ крещенія, такъ что съ послѣднимъ оно какъ бы слпвалось и отожествлялось; совершеніе таинства крещенія означало совершеніе и мvропомазанія; не было нужды говорить о послѣднемъ, когда совершено было первое: два акта обозначались однимъ терминомъ; а посему весьма естественно, что принятіе Прокопія Устюжскаго въ православную вѣру чрезъ мvропомазаніе разсматривалось какъ крещеніе, въ смыслѣ совершенія надъ нимъ положенныхъ обрядовъ православной русской вѣры. Другое дѣло, если бы о Прокопіѣ говорилось, что онъ былъ перекрещенъ, чего, однако, нѣтъ. Авторъ житія Прокопія имѣлъ общую мысль о превосходствѣ православія предъ латинствомъ и добродѣтеляхъ устюжскаго святого, но не имѣлъ въ виду касаться того, былъ-ли Прокопій перекрещенъ или мvропомазанъ. Итакъ, ссылка Денисова на Прокопія не даетъ основанія заключать о существованіи на Руси канонпческаго обычая перекрещивать латинянъ при переходѣ ихъ въ православіе. Указанія на крещеніе литовскихъ князей Войшелга и Довмонта, сыновей Ольгердовыхъ: Андрея, Евнута (Іоанна) и дочерей Кейстута сдѣланы совершенно ошибочно, потому что всѣ эти лица приняли православіе черезъ крещеніе, состоя до крещенія въ язычествѣ, а не въ латинствѣ. Есть, правда, у (ц. историка XVI в. въ католическомъ духѣ) Баронія мѣсто, гдѣ Гумбертъ обличаетъ грековъ въ томъ, будто греки, подобно аріанамъ, вторицею крестятъ уже крещенныхъ во имя Св. Троицы, наипаче латинъ [1]), но эта ссылка не можетъ считаться удачною по многимъ причинамъ: 1) обвиненіе Гумберта голословно,—оно не опирается на какой-либо греческій кодексъ, гдѣ бы заключалось правило о перекрещиваніи латинъ; 2) если бы правило существовало, то оно, подобно другимъ каноническимъ постановленіямъ Греческой Церкви, перешло бы въ Русскую Церковь; 3) въ практикѣ послѣдней его незамѣтно: это можно видѣть изъ отвѣта Нифонта на вопросъ Кирика, которымъ (отвѣтомъ) требовалось принимать лати-

[1]) Baron. tom. 17 an. 1054 Greci, sicut Ariani, rebaptisant, in nomine Sanctae Trinitatis baptisatos et maxime latinos.

нянъ чрезъ мvропомазаніе, а не чрезъ крещеніе; въ Кормчей XIII в. говорится совершенно ясно: принимать въ Церковь аріанъ, новаціанъ и другихъ чрезъ мvропомазаніе, о латинахъ нѣтъ и помина. Итакъ, попытка Денисова доказать древность обычая перекрещиванія латинянъ не удалась. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія, по вопросу о соединеніи Церквей, извѣстный тогда русской публикѣ баронъ Гакстгаузенъ, въ перепискѣ съ А. Н. Муравьевымъ, доказывалъ, между прочимъ, что вслѣдствіе отверженія флорентійскаго собора боярами (не одними боярами) московскаго государства, митрополитъ Іона, поставленный въ Москвѣ вмѣсто Исидора, установилъ въ Россіи нѣкотораго рода донатизмъ, издавъ слѣдующее опредѣленіе: „русскіе должны перекрещивать римскихъ католиковъ, принимающихъ греческую вѣру, потому что римляне крестятъ чрезъ обливаніе, вмѣсто того, чтобы крестить чрезъ погруженіе; а это дѣлаетъ ихъ крещеніе не имѣющимъ силы. Намъ неизвѣстно такое постановленіе митрополита Іоны; его и не было; ошибка Гакстгаузена произошла отъ недоразумѣнія и незнанія исторіи Русской Церкви. Поводомъ къ предположенію Гакстгаузена могло послужить посланіе митрополита Фотія въ 1430 г. къ псковичамъ, въ которомъ (посланіи) говорится, чтобы крещеніе творили по правиламъ св. отецъ, т. е. чрезъ погруженіе, а не обливаніе. Смѣшеніе митрополитовъ, живщихъ непосредственно одинъ послѣ другого, очень возможно. Но о перекрещиваніи латинянъ здѣсь не говорится. Весьма возможно, что у иностранцевъ-католиковъ сложилось издавна мнѣніе о строгости и даже незаконности, съ какими древнерусская Церковь относилась къ латинамъ, каковое предубѣжденіе осталось до послѣдняго времени. Мысль наша, вѣрная въ принципѣ, находитъ себѣ оправданіе въ иностранныхъ свидѣтельствахъ. Въ 1232 г. папа Григорій IX, въ посланіи къ нѣкоторымъ духовнымъ польскимъ лицамъ (ad eclesiasticos), запрещаетъ браки (prohibetur matrimonia) между католиками и русскими, потому что послѣдніе ихъ перекрещиваютъ [1]). Какъ смотрѣть на это свидѣтельство? Папскія посланія, ка-

[1]) Hist. Rus. monum. 1. 31—32.

сасавшіеся Россіи, отличаются вообще преувеличеніемъ, неточностію и невѣрностью содержащихся въ нихъ свѣдѣній и указаній; послѣднія замѣняются обличительнымъ, доходящимъ до презрѣнія, тономъ русскихъ за ихъ заблужденія и дѣйствія (errores et perfidia Rutenorum). Приведенное свидѣтельство можно отнести къ разряду невѣрныхъ. Но можно допустить и то, что у насъ, такъ же какъ и у грековъ, латиняне принимались *иногда* не чрезъ муропомазаніе только, но и чрезъ крещеніе; но это были частные случаи и отступленія отъ церковныхъ правилъ, происходившіе отъ недоразумѣній, большого усердія къ освятительнымъ дѣйствіямъ таинствъ и т. п. [1]).

Предубѣжденіе противъ латинянъ удерживало русскихъ начетчиковъ какъ отъ сношеній съ первыми, такъ и отъ споровъ съ ними по вопросамъ церковнымъ. И лѣтописи наши дѣйствительно не сохранили извѣстій о томъ, чтобы религіозные споры съ латинянами были въ натурѣ русскихъ книжниковъ. Указаній на бывшія пренія съ латинянами, жившими въ Россіи, слишкомъ мало, такъ что, если и признать существованіе спорныхъ разсужденій съ латинянами, то въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, вызванныхъ необходимостію. Такъ, о спорахъ съ латинянами можно заключить изъ посланія преп. Ѳеодосія къ Изяславу Ярославичу. „Ты, чадо“, — говорится въ посланіи, — „непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестью увлечь насъ отъ правой вѣры, то помогай своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, и ты избавишь овча отъ устъ льва. Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру далъ Богъ, ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь-ли, что сказано: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе“ [2]). Чѣмъ больше было опасности отъ латинянъ, тѣмъ сильнѣе и рѣзче выражались поборники русскаго православія. „Прочитай, княже мой (посланіе)“, — увѣщеваетъ митрополитъ Никифоръ Владиміра Мономаха, — „не однажды,

---

[1]) Gieseler'a B. II. § 95. Histor. Rus. monum 1 т. XII.

[2]) Истор. р. ц. Мак. II. 338.

не дважды, но нѣсколько разъ, прочитай самъ ты и пусть прочитаетъ и сынъ твой. Нужно, чтобы князья, какъ призванные представители отъ Бога для защиты правой вѣры, хорошо понимали слово Божіе, дабы служить подпорою церкви для наставленія подданныхъ“ [1]). Собственно говоря, приведенныя мѣста изъ посланій о латинянахъ не указываютъ на самые споры, а только на возможность ихъ (въ то время, когда жили Ѳеодосій и Никифоръ) и способы, какъ вести ихъ съ пользою, когда они случатся. Вообще русскіе уклонялись отъ состязаній съ латинянами, какъ это извѣстно, между прочимъ, изъ отвѣтовъ новгородцевъ на вызовъ Магнуса для пренія о вѣрѣ (въ 1347 г.). Изъ послѣдующаго времени заслуживаетъ упоминанія слѣдующій отрывокъ спора русскихъ съ латинянами, бывшаго въ Псковѣ въ XV в. во время усиленнаго стремленія послѣднихъ на Русь. На одномъ допросѣ бискупъ сталъ принуждать православныхъ къ церковному единенію съ католиками и принятію опрѣсночнаго служенія.

„Не бывать тому, беззаконный бискупъ, другъ сатаны и поборникъ бѣсовъ, сынъ погибели и врагъ истины“, — отвѣчалъ одинъ псковскій священникъ,—„не бывать тому, чтобы мы отреклись отъ Христа Бога нашего и отъ христіанской вѣры... Еще скажемъ тебѣ, беззаконный бискупъ, и всѣмъ вамъ, безумные латины, молимъ васъ: пощадите свои души Господа ради; вѣдь и вы, окаянные, тоже Божіе созданіе; отступите отъ проклятаго опрѣсночнаго служенія. О, богомерзкая ваша прелесть! Получили вы подтвержденіе своей вѣры отъ заклятаго папы Евгенія и отъ другихъ учителей злочестивой вѣры, которые бороды свои и усы подстригаютъ... Такъ и вы, окаянные, поступаете и пойдете въ муку вѣчную съ бѣсами, къ отцу своему сатанѣ въ подземныя мѣста, гдѣ нѣтъ свѣта и жизни.

— Папа нашъ,— говорили католики,— съ вашими архіереями соединили вѣру на осьмомъ (Флорентійскомъ) соборѣ,—и мы и вы христіане и вѣруемъ въ Сына Божія“ [2]).

---

[1]) Пам. рос. слов. XII в. Калайд. 163.

[2]) Прав. Обозр. 1872 г. 490.

Но говорить древне-русскимъ людямъ о примиреніи съ католицизмомъ безъ уничтоженія обрядовъ послѣдняго, считавшихся на Руси самыми ненавистными его особенностями,— значило примиряться съ богомерзкимъ жидовствомъ, бусурманствомъ, — означало дѣло немыслимое. Если было запрещено житейское сближеніе, если оно считалось дѣломъ нечистымъ, то церковная сдѣлка съ латинянами представляется невѣроятною и невозможною, несмотря на всѣ усилія къ тому латинства, особенно этого времени.

Въ XV в. русскіе архипастыри энергически возвышали свой голосъ ко всему русскому православному населенію противъ латинства, которое стало тогда дѣлать нѣкоторый успѣхъ на окраинахъ Россіи. Митрополиты Кипріанъ, Фотій, Іона и Филиппъ стоятъ во главѣ усиленнаго протеста противъ латинства. Дѣятельность митрополитовъ въ этомъ отношеніи выразилась въ посланіяхъ, адресованныхъ къ разнымъ лицамъ. Подобно полемическимъ сочиненіямъ, посланія, по своему содержанію и пріемамъ, однообразны; содержаніе ихъ состоитъ не въ перечисленіи заблужденій латинства, что ими предполагается извѣстнымъ, а въ указаніи и разъясненіи неправоты латинства и опасности отъ него во всѣхъ отношеніяхъ для русскаго православія. Латинство разсматривается не столько со стороны догматико-теоретической, сколько со стороны исторической, въ ближайшемъ отношеніи и соприкосновеніи съ русскимъ православіемъ; вмѣсто аргументаціи и опроверженія латинства, въ посланіяхъ преобладаетъ сильное патріотическое чувство пастырей. Посланія эти, явившіяся на пространствѣ цѣлаго столѣтія (1392 — 1491 г.) и адресованныя къ разнымъ лицамъ и областямъ, важны для насъ въ трехъ отношеніяхъ: во-1-хъ, сами по себѣ посланія представляютъ самостоятельное произведеніе русскихъ архипастырей, чуждое заимствованія и подражанія; во-2-хъ, они даютъ знать о состояніи русскаго общества въ XV в., переживавшаго эпоху политическаго и церковнаго броженія; въ 3-хъ, на основаніи ихъ можно заключать о степени вліянія на Русь латинства. При такой важности посланій, мы считаемъ нужнымъ извлечь изъ нихъ самое существенное содержаніе и частныя особенности. Чтобы яснѣе представить со-

стояніе русскаго общества въ XV в., нужно припомнить, что государство московское усилилось чрезъ ослабленіе, уничтоженіе и присоединеніе удѣловъ къ московскому княжеству; достиженію цѣлей московскаго государства препятствовали удѣльные князья, интриговавшіе и воевавшіе съ Москвою изъ желанія отстоять свою самостоятельность. Наиболѣе упорства въ этомъ отношеніи оказали Псковъ и Новгородъ, старинные и вольные города. Непокорность Москвѣ въ посланіяхъ приравнивается къ измѣнѣ православію и отступленію въ латинство; основательный поводъ къ такому представленію дѣла подавала юго-западная Русь, гдѣ, съ одной стороны, энергическаго протеста противъ Флорентійскаго собора не было, а съ другой въ Кіевѣ, въ лицѣ митрополита Григорія, видѣли отступника и единомышленника папы. Содержаніе посланій приблизительно такое.

„Достойно удивленія, что жители Новгорода и Пскова пришли къ неподобнымъ и пагубнымъ мыслямъ: отступаютъ отъ своего законнаго государя и, старину свою и обычаи забывши, приступаютъ къ чужому, латинскому государю. Это — дѣло дьявола, который не добра желаетъ человѣческому роду, а погибели. Нужно знать то, что доколѣ Царьградъ непоколебимо стоялъ въ правовѣріи, какъ солнце сіялъ въ благочестіи и благоденствіи, а какъ оставилъ истину да соединился съ латинствомъ, то и впалъ въ руки поганыхъ. Не то-ли будетъ съ непокорными городами русскими? Вмѣсто того, чтобы, по примѣру предковъ и прежнихъ годовъ, быть въ послушаніи и единовѣріи съ великимъ государемъ, они, въ послѣдніе дни, когда необходимо позаботиться о своемъ спасеніи, оставя православіе, вздумали отдаться въ подданство (закладыватися) латинскаго короля. Ужели не знаютъ они Божественнаго Писанія, которымъ заповѣдано не имѣть общенія съ латиною? Вы, духовные дѣти, не настолько ослѣплены, чтобы не видѣть опасности и дурныхъ послѣдствій отъ соединенія съ латинствомъ. Посему, отстаньте отъ латинства, дабы въ православныхъ церквахъ никакихъ новшествъ не было и не поминались на эктеніяхъ имена государей иной вѣры, и не посмѣялись латиняне надъ православіемъ. Было-бы въ высшей степени не благоразумно и богопротивно оставить свѣтъ и

преложитися къ тьмѣ и вводить ересь древнихъ отступниковъ каруловыхъ въ благочестивые наши города; въ пагубной ереси латиняне, начиная съ папы Формозы, пребываютъ и до сихъ поръ; они неправильно учатъ о Св. Духѣ, служатъ на опрѣснокахъ, почитаютъ субботу и постятся въ этотъ день какъ жиды; нѣтъ нужды и времени распространяться о другихъ латинскихъ заблужденіяхъ, находящихся въ святыхъ книгахъ, о чемъ можно справиться. Кратко упоминается объ этомъ съ цѣлію спасти *васъ* отъ погибели и *тѣхъ* (мірянъ), о комъ вы должны и призваны заботиться. Не поступите такъ, какъ поступилъ Григорій (кіевскій митрополитъ), который изъ-за корыстныхъ видовъ отпалъ отъ православія".

„Помните, дѣти, говорится въ посланіяхъ на имя епископовъ литовскихъ, смоленскаго и черниговскаго, что м. Исидоръ приходилъ на Русь съ злонамѣреннымъ умысломъ, дабы подчинить нашу православную Церковь римской. Но Богъ сего не попустилъ; однако же, ученикъ Исидора, Григорій, продолжаетъ именовать себя кіевскимъ митрополитомъ. Съ большимъ прискорбіемъ мы узнали, что нѣкоторые (въ Литвѣ) имѣютъ съ нимъ сношенія и служатъ, нарушая правило и свои обязательства: такихъ Церковь не признаетъ за христіанъ, а считаетъ ихъ отступниками отъ своей вѣры и пособниками латинскимъ ересямъ. Что можетъ быть хорошаго тамъ, гдѣ имя папы произносится въ церквахъ? Латиняне — извѣстные еретики. Посему не имѣйте сообщенія съ Григоріемъ и не считайте его митрополитомъ". „Вы бы, сынове, писалъ м. Фотій къ литовскимъ боярамъ и панамъ, стояли за св. Божію Церковь и за православную нашу вѣру твердо, и о томъ великое смотрѣніе и разсужденіе имѣли. Ты, сынъ мой, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, одному епископу, добрѣ вѣси и твоя братья вси епископы, яко же прежде многихъ лѣтъ не имѣемъ совокупленія, ни пріобщенія римскія Церкви и всего латинства; не пріобщайся латинству ни въ чемъ" [1]). „А что донынѣ крестили дѣтей въ рукахъ держа, а водою сверхъ поливали, писалъ около 1392—1395 г. м. Кипріанъ

[1]) Акт. истор. 1. 46. 275.

псковскому духовенству, то неправое крещеніе“ [1]). Около того-же времени (1395 — 1405 г.) и о томъ-же самомъ писалъ Кипріанъ какому-то игумену Аѳанасію въ отвѣтъ на его многіе вопросы по церковной практикѣ [2]). Замѣчательно, что въ 1430 г., митр. Фотій о томъ-же самомъ и тѣмъ-же псковичамъ писалъ: крещеніе совершайте по правиламъ св. отецъ, не обливайте водою, но погружайте въ водѣ, въ кадцѣ (купели), трижды говоря на первое погруженіе: „во имя Отца“, на другое „и Сына“, а на третье „и Св. Духа“, да потомъ мажите мvромъ великимъ [3]), привезеннымъ изъ Царьграда — мѣста, откуда пришло къ намъ православіе По поводу употребленія въ пищу мяса удавленнаго животнаго, Фотій писалъ въ 1416 г.: „запрещается ѣсть мясо удавленнаго животнаго, ибо, хотя Богъ послѣ потопа и повелѣлъ людямъ, яко же всякаго злака, ясти мяса безсловесныхъ животныхъ, но мяса въ крови въ душу возбрани не ясти, кровь бо въ безсловесныхъ имѣетъ силу вмѣсто души. Посему и Апостолы (въ „дѣяніяхъ“) положили за правило, чтобы вѣрные (христіане) не ѣли удавленины, какъ скверной, идоложертвенной пищи. Если же кто считаетъ это апостольское правило не важнымъ и употребленіе удавленины не вмѣняетъ себѣ въ грѣхъ, тотъ, буде онъ клирикъ, подвергается отлученію, а буде міряшинъ, достоинъ проклятію. Латиняне, вмѣстѣ съ другими своими отступленіями, не исполняютъ сего правила, и ѣдятъ удавленину. Вліяніе латинства во Псковѣ видно изъ слѣдующаго: „слышу, писалъ м. Фотій 1430 г., что мажете мvромъ латинскимъ, это прискорбно и возмутительно, противно Бож. Писаніямъ и святымъ отцамъ, не повелѣвавшимъ латинскимъ мvромъ мазать православныхъ христіанъ. И вы то чините своимъ небреженіемъ и чрезъ то удаляетесь отъ Бога. Послѣ троекратнаго погруженія въ воду крещаемаго положено мазати (людей) мvромъ, еже идетъ изъ Царьграда. Итакъ, положите себѣ за правило поступать по православному, а не по латинскому обычаю, относительно употребленія мvра. По духовному завѣщанію преподобнаго Евфросина Псковскаго,

[1]) Акт. истор. 1. 17.
[2]) Акт. истор. 1. 477.
[3]) Акт. истор. 1. 68—69.

писанному около 1479 г., внушается чернецамъ не носить нѣмецкаго платья [1]).

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что во Псковѣ наиболѣе отразилось вліяніе латинской обрядности. Но нельзя сказать, чтобы усвоеніе псковичами нѣкоторыхъ латинскихъ обрядовъ было общее и сознательное. Мы такъ думаемъ на основаніи посланія м. Фотія (1430 г.), въ которомъ онъ, упрекая псковичей въ употребленіи латинскаго мура вмѣсто царьградскаго, относитъ къ ихъ небрежности, а не сочувствію латинскимъ обычаямъ. Въ другомъ посланіи Фотія, гдѣ порицается и запрещается употребленіе удавленины, псковичи представляются весьма осторожными и даже брюзгливыми въ отношеніи къ латинству. Такъ, извѣстно, что Фотій (1416 г.) совѣтывалъ не стѣсняться употребленіемъ доставлявшихся изъ нѣмецкихъ земель вина, хлѣба и овощей, лишь бы послѣдніе были освящены молитвою православнаго священника. Въ 1491 г. былъ споръ между псковскими священниками и латинскими монахами, изъ котораго видно, что первые не желали и не имѣли никакихъ сдѣлокъ съ латинянами. Если-бы православное духовенство во Псковѣ обнаружило какую-либо уступку въ пользу латинства, то преп. Евфросинъ, изъ завѣщанія котораго мы выше привели одно мѣсто, имѣлъ основательный поводъ распространиться объ этомъ, чего онъ, однако, не дѣлалъ. Изъ сего же мы убѣждаемся, что древніе русскіе пастыри весьма зорко смотрѣли за всѣмъ, что могло, хотя въ малѣйшей степени, дать поводъ къ соблазну, а посему что нужно было, старались предотвратить и указывать надлежащій образъ дѣйствія, которому они слѣдовали сами и которому должны были слѣдовать князья, духовенство и простые люди.

Заботы и стремленія Церкви относительно православія нашли удовлетвореніе и оправданіе въ Василіѣ Темномъ въ то время, когда Россіи предстоялъ соблазнъ по случаю заключеннаго (безъ ея вѣдома) м. Исидоромъ мнимаго соединенія и подчиненія Русской Церкви папѣ. Побѣда надъ этимъ соблазномъ вызвала искреннее и сильное проявленіе древне-

[1]) Акт. истор. 1. 84.

русскаго православнаго чувства. По поводу флорентійскаго собора лѣтописецъ такъ отзывается о латинствѣ: „увы, прелести сія пагубныя! увы, соединеніе мерзости греческому православію! вмѣсто свѣта животнаго тьма и мракъ вмѣняется, како-ли вѣра благочестія къ латинамъ приложися? Царь же (греческій) и патріархъ православія въ прелести латинскихъ ересей впадоша. Что убо, царю, въ латинскихъ добрѣ увидѣлъ еси? Не сія-ли есть почесть въ нихъ Божіей Церкви, еже возвысятъ въ ней гласы своя, яко безумніи, и многъ кличъ и зѣло великъ вопль пѣнія ихъ? Или се есть красота ихъ церковная, еже ударяютъ въ бубны, въ трубы же, и въ органы, руками пляшуще и ногами топчующе, и многія игры дѣюще, ими же бѣсомъ радость бываетъ? Се ли есть смиреніе и благочестіе въ святѣй Церкви, еже папа ихъ клечитъ на колѣну свою и опрѣсночная приноситъ, и въ рукавицахъ служитъ, и перстни на рукавицахъ носитъ, такожде и вси ляхове и весь латинскій родъ, мужеска полу и женска, маліи же и велиціи, вси падающе на колѣну клечатъ до скончанія богомерзкаго ихъ пѣнія [1]).“ Явившіяся по поводу флорентійскаго собора русскія сочиненія и посланія представляютъ въ князѣ Темномъ идеалъ тѣхъ отношеній къ латинству, какія проповѣдывались и считались достойными всякаго православнаго русскаго человѣка. „Нынѣ пріиде къ намъ Исидоръ,—писалъ князь Василій Темный къ патріарху,—и многа странна и чужа принесе въ наше православное Христіанство... Явися всѣмъ нашимъ боголюбивымъ епископамъ русскимъ (собравшимся на соборѣ по дѣлу Исидора) чуже и странно отъ божественныхъ и священныхъ правилъ Исидорово все дѣло и прихоженіе [2])“. Похвала князю за его ревность къ православію доходитъ до религіознаго воодушевленія и молитвеннаго настроенія писателя. Извлечемъ нѣсколько словъ изъ повѣсти Семена Суздальскаго (бывшаго на соборѣ во Флоренціи), описателя и очевидца дѣйствій флорентійскаго собора. „Тщетны были,—говоритъ онъ,—обѣщанія Исидора подчинить Русскую Церковь латинству; тщетны были усилія

[1]) Полн. собр. рус. лѣт: 8.105.
[2]) Акт. истор. 1 т. № 39.

и надежды папы и всего латинскаго духовенства на подчиненіе себѣ Руси. Василій-князь разрушилъ всѣ планы враговъ православія. Несмотря на свою молодость, князь заявилъ себя человѣкомъ разумнымъ, богобоязливымъ и преданнымъ своей вѣрѣ всею душею. Своимъ поступкомъ князь Василій уподобился Константину Великому и Владиміру Святому, крестившему Русскую землю по греческому закону, а не по латинскому. Будучи проницательнымъ, Темный заподозрѣлъ и увидѣлъ въ Исидорѣ намѣреніе посѣять между русскими ересь латинскую, какъ терніе посредѣ пшеницы; за такую дерзость князь прогналъ Исидора и уничтожилъ сѣмена ереси. Что сказать въ похвалу князю за такое дѣяніе? Речемъ еще: радуйся, православный княже, Василіе! утвердилъ еси вся священницы церковныя въ православіи, услышалъ еси Исидора... соблазнившагося и прельстившагося отъ папы и въ ересь впадшаго... изгналъ еси отъ своего града и прочая его и угодная его. Да кто не почудится такому твоему благочестію? еже отсѣклъ еси отъ св. Церкви ересь и отрѣзалъ еси класъ буйства латынскаго и Ветхаго завѣта, да не бы вкусили и повергли истинную православную вѣру... Радуйся православный княже, Василіе! прославися имя твое во всѣхъ земляхъ и до самаго Рима, и гордаго папу Евгенія, зловѣріе и буйство латинскія вѣры... разори [1])". Въ 1471 г. московскій митрополитъ Филиппъ энергически убѣждалъ новгородцевъ, хотѣвшихъ признать надъ собою политическую зависимость отъ польско-литовскаго короля, вмѣсто московскаго единодержавія. Написанное по этому случаю посланіе замѣчательно и тѣмъ, что выражаетъ характерно взглядъ центральной Русской Церкви на латинство и на значеніе православія въ политической и общественно-культурной жизни народа. „Слышу, сынове,—говорится въ посланіи,—что у васъ нѣкоторые поостряются на многое стремленіе, и на великое земли неустроеніе, и не тишину, хотя ввести мятежъ великъ и расколъ святой Божіей Церкви; отступая отъ православія и великія старины, хотятъ къ латинамъ приступити; и вы у

[1]) „Духов. Вѣстн." 1862 г. (Матер. для истор. р. цер. 73—75). Обз А. Попова. 357—359.

себе тѣхъ (сторонниковъ посадницы Борецкой) лихихъ сами отклоните отъ такого злаго ихъ начинанія, занеже, сынове, то-есть прелестно и богоотмѣтно дѣло, чтобъ благочестія свѣтъ оставити и ко тьмѣ латинской прелести приложитися: много бо люта и неутолима предстоятъ въ таковомъ начинаніи, еже оставити новый законъ благочестія и спасенія заповѣди Бога живаго и приступити къ латинству... И о томъ, дѣти, посудите, какъ за предшествующія времена царства великихъ земель и города многіе и мѣста, вслѣдствіе преступленія закона св. пророковъ, апостоловъ и св. отецъ, въ пагубу многую впали и въ запустѣньи были, а непокорившіеся земли и города своему государю были раззорены и царствующій прежде благочестіемъ великій градъ Константинополь не изъ-за той-ли латинской прелести погибъ, и отъ благочестія отступилъ и попалъ въ руки поганнымъ туркамъ? И вы, сынове, Божія страха убойтеся, и смиритеся ему же Богомъ покорени есте, подъ крѣпкую руку благовѣрнаго и благочестиваго русскихъ земель государя, великаго князя Ивана Васильевича всея Руси [1])". Вообще, нужно сказать, что древне-русская Церковь держалась того искренняго убѣжденія по отношенію къ латинству, которое состояло въ замкнутости и удаленіи отъ латинства, яко гнилого уда, да здравыя не повредитъ [2]).

V.

Древне-русскія церковно-общественныя отношенія къ латинству.

Что было мыслимо, чувствуемо и говорено представителями Церкви, что высказывалось о латинствѣ направленною противъ него полемическою литературою, то не оставалось безъ слѣда и значенія, но приносило плодъ многій. Сила такого вліянія зависѣла отъ самаго источника, откуда выходили взгляды и предписанія въ отношеніи латинства,— источника, могущественно дѣйствовавшаго на древне-русскую,

---

[1]) Полн. соб. р. лѣт. VI. 7—8.

[2]) Рук. Моск. Дух. Акад. № 175. 285.

общественную, народную жизнь. Нѣкоторыя полемическія статьи вошли въ составъ, такъ называемой Кормчей книги [1]). Одно уже помѣщеніе ихъ въ этомъ основномъ кодексѣ каноническаго права придавало имъ силу непреложнаго церковнаго закона, область и сила котораго были въ древнѣйшей Руси гораздо шире и могущественнѣе, чѣмъ въ настоящее время [2]). Подъ вліяніемъ литературныхъ церковныхъ взглядовъ на латинство слагались и убѣжденія грамотныхъ русскихъ людей, старинныхъ русскихъ начетчиковъ, которые, будучи первыми людьми своего времени, въ свою очередь, намѣренно или ненамѣренно, проводили свои взгляды въ народную жизнь, народную массу. Крайне рѣзкое осужденіе латинскаго запада, проникнутое въ полемической литературѣ духомъ нетерпимости, естественно должно было способствовать замкнутости, отчужденности древней Руси отъ всего иноземнаго, иновѣрнаго. Многое изъ того, что было высказано въ полемической литературѣ, повторялось въ теченіе многихъ вѣковъ въ многочисленныхъ и распространенныхъ спискахъ, переходило изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и, такимъ образомъ, становилось общимъ достояніемъ, убѣжденіемъ [3]).

До простыхъ, народныхъ массъ, правда, полемическія сочиненія не могли доходить, но были въ практическомъ употребленіи правила, опредѣлявшія отношенія православныхъ къ латинянамъ. Такія правила находились въ каноническихъ отвѣтахъ митрополита Іоанна II и новгородскаго епископа Нифонта, всего же чаще въ особыхъ церковно-юридическихъ сборникахъ, въ такъ называемыхъ, „поповскихъ (духовническихъ) номоканонахъ, иначе эпитимейникахъ“; чрезъ посредство такихъ сборниковъ, всецѣло назначенныхъ для практики, воззрѣнія на латинянъ, какъ злыхъ еретиковъ, должны были проникать въ безграмотныя массы [4]). Какъ-то инстинк-

[1]) Прав. Собесѣд. 1860 г. II. 323.

[2]) О значеніи Кормчей и, вообще, духовенства въ древней Руси см. прекрасную статью въ Чт. Общ. ист. и древ. 1848 г.

[3]) Обз. А. Попова. IV—V стр.

[4]) Въ „эпитимейникѣ“, извѣстномъ подъ именемъ „Зонара“, старшіе списки котораго относятся къ XIV вѣку, встрѣчается нѣсколько правилъ о латинянахъ съ болѣе или менѣе строгими эпитиміями пра-

тивно вѣрится тому, что написано, что когда-то сказано тѣми, кто отличался чистотою жизни и искренностію убѣжденій. Нужно принять во вниманіе и то, что на книгу смотрѣли тогда иначе, чѣмъ въ послѣдующее, болѣе позднее, время. Одной правдѣ учили всѣ книги, хотя бы и не многія, какими обладала тогдашняя церковь, а потому и на самую книгу, какъ и на всякое книжное писаніе, тогдашніе русскіе смотрѣли какъ на святыню и касались книги и книжнаго писанія не иначе, какъ съ мыслію о св. правдѣ. Если этого не чуждо бываетъ болѣе или менѣе развитое сознаніе, то это довѣріе гораздо сильнѣе тамъ, гдѣ болѣе непосредственности и наивности въ представленіяхъ, гдѣ поэтому сила слова и притомъ искренняго глубоко падаетъ на чувства и мысль нетребовательнаго большинства. Простая пастырская проповѣдь и полемика противъ латинянъ въ связи съ внѣшними и внутренними причинами достигали своей цѣли, воспитывая въ древне-русскомъ народномъ сознаніи подобающіе взгляды на латинство и направляя соотвѣтственно съ ними общежитейское настроеніе и отношеніе къ латинству. Само общество чувствовало силу этого православія, какъ нераздѣльнаго отъ него и незамѣнимаго фактора и потому призывало его на помощь въ минуту опасности, въ каковой надеждѣ общество не ошибалось. Такъ, для ослабленія литовской стороны въ Новгородѣ, склонявшейся подчиниться Казиміру, а не князю московскому, надобно было прежде всего удержать владыку новгородскаго отъ признанія кіевскаго митрополита Григорія православнымъ, законнымъ, — и вотъ

вославнымъ за сообщеніе съ ними. Особенною строгостью отличается слѣдующее правило, находящееся въ одномъ болгарскомъ номоканонѣ XIII вѣка, очень близкомъ къ Зонару. Такъ какъ латиняне имѣютъ за собою 30 винъ злыхъ, то тотъ, кто совратится въ ихъ ученіе, наказывается, какъ осквернившійся, *строго* при обращеніи снова къ христіанству—православію; а за вину душегубную одинаково наказывается какъ мужчина, такъ и женщина: имъ не позволяется ходить въ церковь, за исключеніемъ трехъ великихъ праздниковъ: Пасхи, Рождества Христова и Крещенія; имъ дается просфора, но св. причастія они лишаются, причащаются только въ случаѣ смерти, когда прекращается эпитимія (См. у А. С. Павлова—критическіе опыты по исторіи древне-русской полемики противъ латинянъ).

Иванъ III пишетъ Іоннѣ слѣдующее: „тебѣ извѣстно откуда пришолъ этотъ Григорій и отъ кого поставленъ: пришелъ онъ изъ Рима, отъ папы и поставленъ въ Римѣ же большимъ цареградскимъ патріархомъ Григоріемъ, который повиновался папѣ съ осьмаго (флорентійскаго) собора. Ты знаешь также, за сколько лѣтъ отдѣлилась Греческая Церковь отъ Латинской, и святыми отцами учреждено, чтобы не соединяться съ латинствомъ.

Древне-русское общество дорожило православіемъ настолько, что послѣднее сливалось съ самою народностью. Какъ-бы, въ нашихъ глазахъ, ни представлялось односторонним древне-русское православіе, [1]) но дѣло въ томъ, что это православіе было понимаемо, какъ высшая сторона и цѣль какъ общественной и коллективной, такъ и частной, личной жизни. Изъ этого источника (православія) пропстекали и рисовались нравственно-высокія лица и идеальные характеры въ средѣ художественнаго творчества и практической жизни. Чистота этого источника и условія его выраженія въ частной и общественной сферѣ рѣдко направляются безотносительною сущностію самаго христіанскаго ученія, но скорѣе и чаще установившимися формами, примѣрами и требованіями даннаго времени и среды. Чѣмъ ниже уровень общественнаго умственнаго развитія, тѣмъ болѣе общество склонно рабски слѣдовать и подчиняться установившимся и поддерживаемымъ формамъ во внутренней и внѣшней жизни. Печать даннаго времени и среды—это такое могущественное условіе, которому невольно и незамѣтно подчиняются не только единицы, но и цѣлыя общественныя массы. Въ большей или меньшей степени ослабленія вліянія времени и среды состоитъ свобода взгляда и житейскихъ отношеній къ другимъ. Древне-русское общественное сознаніе не только не возвышалось надъ этими могучими дѣйствіями времени и

[1]) Православіе здѣсь конечно берется не какъ догматическая система и строй Церкви, опредѣляемый ея положительными канонами, а какъ система убѣжденій русскаго общества, принявшаго православное ученіе и православный строй церковный, и обратившаго болѣе вниманія на тѣ или другія стороны въ вѣроученіи и строѣ церковномъ, — отчего и можетъ быть рѣчь объ односторонности православія. *Цензоръ.*

исторіи, но и не стремилось къ этому трудному пути. Поэтому древне-русское общество, въ своемъ церковномъ міровоззрѣніи и столкновеніи съ неправославнымъ, въ частности съ латинскимъ населеніемъ, должно было усвоять и повторять то, что Церковь и ея органы считали за лучшее, за образецъ, достойный подражанія. Отсюда выходило то, что извѣстное требуемое отношеніе къ латинству и его послѣдователямъ стало признакомъ (конечно въ связи съ другими нравственными качествами) вѣрности православію и Церкви.

Древне-русскіе общественные взгляды на латинство стоятъ, безъ сомнѣнія, въ связи со взглядами самой Церкви, въ связи съ отношеніями къ русскому народу самаго латинства. Чѣмъ стремительнѣе и наспльственнѣе было притязаніе латинянъ на русскую территорію и русскіе государственные и національные интересы, тѣмъ взгляды на приверженцевъ къ латинству становились рѣзче, предубѣжденія противъ него сильнѣе и подозрительнѣе. Но гораздо труднѣе прослѣдить послѣдовательный ростъ общественныхъ взглядовъ на латинство, чѣмъ взглядъ на него Церкви, съ одной стороны потому, что общество по своему составу сложнѣе Церкви; разнообразные интересы и требованія его такъ бываютъ настойчивы, неизбѣжны, что удовлетвореніе ихъ по необходимости часто совершается внѣ указаній и желаній Церкви, т. е. всего болѣе въ зависимости отъ мѣста и времени. Сюда относятся интересы житейскіе, торговые, промышленные и политическіе. Область этихъ интересовъ неизбѣжно отдѣлялась отъ интересовъ вѣры. Съ другой стороны потому, что направленіе Церкви представляется болѣе или менѣе одинаковымъ, догматичнымъ (въ смыслѣ мѣстнаго національнаго развитія Церкви), традиціоннымъ, на что обречена была особенно русская Церковь, какъ стѣсненная въ свободномъ развитіи многими препятствіями. Вотъ почему древне-общественные взгляды на латинство и отношенія къ нему не могутъ представлять той строгой неподвижности, какая замѣтна въ отношеніяхъ къ нему Церкви.

Существованіе въ древнѣйшей Руси менѣе строгихъ взглядовъ на католиковъ въ сферѣ гражданской затрогиваетъ само собою вопросъ о правахъ, которыми пользовались иностранцы-

католики и которыми опредѣлялось пребываніе ихъ въ древнерусскихъ предѣлахъ. Говорить о правахъ, какъ о чемъ-то общепризнанномъ и гарантированномъ въ древней Руси, едвали возможно, выходя изъ общихъ государственныхъ принциповъ и учрежденій, которыхъ не было. Не могло быть этихъ принциповъ потому, что древнѣшая Русь не была единымъ политическимъ тѣломъ не только въ разсматриваемый нами періодъ времени, но и гораздо позже. Существующіе уставы великихъ князей, заключающіе въ себѣ рѣшеніе по самымъ важнымъ тяжебнымъ дѣламъ, не касаются того, на какихъ условіяхъ могъ и долженъ былъ жить католикъ среди православнаго русскаго населенія. Есть мѣстные областные договоры нѣкоторыхъ русскихъ князей (смоленскаго, новгородскаго съ Ригою, Готландомъ, шведами, норвежцами), но эти договоры чисто торговаго, промышленнаго свойства,—договоры эти временные. На основаніи этихъ договоровъ и другихъ письменныхъ отечественныхъ и иностранныхъ памятниковъ можно составить приблизительное понятіе объ иностранцахъ вообще, приходившихъ на Русь и жившихъ въ ней въ качествѣ ремесленниковъ, торговцевъ, путешественниковъ, пословъ и служилыхъ людей, но трудно имѣть приблизительное представленіе объ условіяхъ, на которыхъ жили иностранцы-латиняне. Трудность эта увеличивается при опредѣленіи той стороны жизни католиковъ, которою они соприкасались съ русскимъ православіемъ и освященными преданіями и обычаями. Вслѣдствіе скудости свѣдѣній по сему предмету о правахъ католиковъ можно заключать только приблизительно, по аналогіи съ правами другихъ иностранцевъ. Но всего лучше представить факты, которые могутъ указывать, во-первыхъ, на число находившихся на Руси за указанное время латинянъ; во-вторыхъ, на условія существованія ихъ въ нашей отчизнѣ [1]). На основаніи нижеприведен-

---

[1]) Во время монгольскаго ига (1250 г.) проѣзжалъ чрезъ Россію папскій посланникъ Плано-Карпини. 2. Въ княжескую службу вступили Сигуръ и Шимонъ—католики. 3. Олавъ Триггіевъ (шведскій) служилъ въ Кіевѣ у св. Владиміра. 4. Примѣръ пожалованья волостей служилымъ католикамъ представляется со времени Калиты, какъ о томъ свидѣтельствуетъ грамота Д. И. Донскаго, данная (1363—1389 г.) Андрею Фрязину

ныхъ фактовъ можно заключать, что католики могли: a) пріѣзжать въ Россію въ качествѣ пословъ и путешественниковъ; b) могли вступать къ князьямъ на службу; c) могли имѣть собственную пожалованную имъ землю; d) могли достигать большихъ почестей и власти при дворѣ князей. Есть факты, указывающіе на то, что католики имѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свои церкви, гдѣ отправляли богослуженіе. Есть извѣстія о томъ, что католики могли заниматься всякаго рода промыслами, ремеслами и торговлею, для каковыхъ занятій приглашали ихъ тогда князья; католики же могли начинать искъ и требовать удовлетворенія въ дѣлахъ судебныхъ наравнѣ съ другими иностранцами.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ и перечисленныхъ нами правъ латинянъ можно, повидимому, заключать о широтѣ предоставленныхъ католикамъ правъ и о томъ, что правительство смотрѣло безразлично на вѣроисповѣданіе проживавшихъ въ Руси иностранцевъ. Отсюда само собою возникаетъ вопросъ: безразличнымъ отношеніемъ къ вѣроисповѣданіямъ католиковъ и служилыхъ людей не ставила-ли себя княжеская власть въ двусмысленное и даже противорѣчивое

на потомственное обладаніе печерскою областью и управленіе ею. (Акт. Экспед. 1 т. 3). 5. Пріѣхавшій изъ города Виндау нѣмецъ Доль, послѣ принятія крещенія во Псковѣ, вступилъ на службу къ великому князю тверскому Александру Михайловичу (1326—1328 г.) и былъ у него знатнымъ бояриномъ. 6. Во время Владиміра Мономаха тысяцкимъ въ Кіевѣ былъ Георгій, сынъ Симона, внукъ Африкана, одного изъ князей варяжскихъ. 7. Ярославъ I пришедшаго къ нему варяга Шимона имѣлъ, по лѣтописи, въ чести и отдалъ его своему сыну Всеволоду, да будетъ старѣй у него; этотъ Шимонъ пользовался у Всеволода большимъ значеніемъ. 8. Древнѣйшія саги исландскія упоминаютъ о храбромъ витязѣ Эймундѣ, сынѣ короля Гейдмарскаго, который служилъ въ войскѣ Ярослава, въ войнѣ его съ Брячеславомъ. 9. Гаральдъ Смѣлый былъ принятъ во дворѣ Ярослава I дружелюбнымъ образомъ, пользовался большимъ почетомъ и, наконецъ, женился на дочери Ярослава. 10. Олавъ, король норвежскій, лишенный трона, былъ принятъ тѣмъ-же Ярославомъ, который хотѣлъ дать ему область въ своемъ государствѣ, но онъ уѣхалъ, оставивши на попеченіе Ярославу сына своего Магнуса, жившаго въ Россіи до 1033 г. 11. У Ярослава же нашли убѣжище Эдвигъ и Эдвардъ дѣти англійскаго короля Эдмунда, и Андрей и Левантъ венгерскіе, жившіе долго въ Россіи. 12. Къ И. Д. Калитѣ пріѣхалъ на службу изъ Германіи Андрей Кобыла, сдѣлавшійся знатнымъ бояриномъ и родоначальникомъ знаменитой фамиліи.

положеніе со взглядами и желаніями древне-русской Церкви, направленными на охраненіе вѣры православнаго населенія отъ латинства и соприкосновенія съ его послѣдователями? Для рѣшенія этого вопроса нужно сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Хотя взгляды древне-русской Церкви на латинство и отношенія къ нему были строги, однако, это не значитъ, чтобы церковь доводила эти взгляды до крайности. Охраняя православіе отъ латинства посредствомъ живого слова и способомъ книжнымъ, древне-русская церковь не употребляла для своихъ цѣлей средствъ насильственныхъ и не переходила за предѣлы благоразумія. Ни откуда не видно, чтобы Церковь побуждала князей на изгнаніе и притѣсненіе латинянъ, жившихъ въ Россіи въ качествѣ мирныхъ и полезныхъ людей. Были случаи, когда князья сурово и жестоко относились къ латинянамъ, но эти случаи указываютъ на то, что виной тому были сами латиняне, оказавшіеся или не благонадежными въ политическомъ отношеніи, или слишкомъ усердными и безцеремонными распространителями своего ученія среди русскихъ. Съ другой стороны, Церковь никогда не протестовала противъ прихода и пребыванія католиковъ въ предѣлахъ Россіи, сознавая необходимость и пользу отъ католиковъ въ дѣлахъ общежитейскихъ и гражданскихъ. Главная забота Церкви состояла въ томъ, чтобы пребываніе католиковъ не сопровождалось вредомъ и ущербомъ для православнаго населенія,—каковая забота и побуждала древне-русскихъ пастырей обращаться къ князьямъ съ посланіями и совѣтами относительно сущности латинской вѣры и отношенія къ ея послѣдователямъ.

Такимъ образомъ интересы Церкви и государства примирялись.

Послѣ этихъ замѣчаній обратимся къ разсмотрѣнію вопроса о правахъ католиковъ съ цѣлію доказать, что ни существованіе этихъ правъ, ни приложеніе ихъ къ практической жизни не противорѣчило взглядамъ Церкви на католиковъ и доброму отношенію ея къ государству.

Изъ прежнихъ разсужденій можно было придти къ выводу, что католичество не имѣло у насъ самостоятельнаго

существованія и значенія. Факты пребыванія у насъ католиковъ и предоставленіе имъ нѣкоторыхъ, повидимому, широкихъ правъ не только не ослабляютъ нашей общей мысли о латинствѣ, но и подтверждаютъ ее. Дѣло въ томъ, что права, какъ вытекавшія изъ частныхъ и временныхъ договоровъ русскихъ съ людьми „латинскаго закона“, имѣли условный характеръ. Условный характеръ нужно признать за нѣкоторыми и притомъ важными правами католиковъ. Таковы права поступленія на службу русскихъ князей, на пріобрѣтеніе поземельной собственности, значенія при дворѣ, достиженія званія боярина и другихъ высшихъ чиновъ. Достиженіе всего этого соединялось съ условіемъ принятія православія. Необходимость соблюденія этого условія мы выводимъ не изъ древне-русскихъ юридическихъ указаній, которыхъ, какъ таковыхъ, не существовало, но изъ многихъ теоретическихъ соображеній, изъ древне-русскихъ повсемѣстныхъ народныхъ обычаевъ, замѣнявшихъ собою право и изъ нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ. Къ теоретическимъ соображеніямъ мы отнесемъ то значеніе Церкви и уваженіе, которыми она пользовалась въ древней Руси; взгляды ея направлялись въ этомъ отношеніи къ тому, чтобы окружавшія князей лица были православные, а не иновѣрцы. Поступая на службу, католики имѣли всѣ побужденія и разсчеты принимать православіе, какъ господствовавшую вѣру. Съ принятіемъ православія, вѣрность которому была признакомъ политической благонадежности, они, подобно природнымъ русскимъ, становились вѣрными слугами князя; этимъ самымъ они устраняли вполнѣ естественное неудовольствіе русскихъ и имъ можно было достигать высшихъ почестей. Самимъ князьямъ, конечно, было желательно, чтобы ихъ дружина была солидарна во всемъ, начиная съ вѣры. Если бы было иначе, то остались бы слѣды какихъ-либо пререканій и нареканій, какъ со стороны разновѣрныхъ дружинниковъ князя, такъ и со стороны Церкви, являвшейся примирительницею и рѣшительницею всевозможныхъ недоразумѣній. Церковь не боялась говорить правду князьямъ, когда поведеніе ихъ служило къ соблазну подданныхъ. Посему, князья не могли допустить, чтобы ихъ окружали католики, противъ которыхъ

пастыри Церкви вооружались живымъ и письменнымъ словомъ; относиться безразлично къ вѣроисповѣданію приближенныхъ лицъ, съ которыми приходилось не только ходить на враговъ, но и думать о земскомъ строѣ, было бы со стороны князей настолько же легкомысленно, насколько и противорѣчиво со взглядами Церкви и народнымъ понятіямъ. Для древне-русскаго народа неправославный не считался за русскаго. Эти соображенія подтверждаются и фактами. Такъ Доль—нѣмецъ, вступилъ на службу къ тверскому князю послѣ принятія крещенія; варягъ Шимонъ, служившій у Ярослава, былъ православной вѣры; къ православію онъ обратилъ и другихъ варяговъ, пришедшихъ на службу къ кіевскому князю, въ числѣ 600 человѣкъ [1]). Къ Мстиславу Черниговскому въ XIII в. поступилъ на службу нѣмецъ, Индримъ, принявши крещеніе и назвавшись Леонтіемъ; по принятіи крещенія служилъ у в. к. Александра Невскаго выходецъ изъ Люксембурга, Вильгельминъ, переименованный въ Леонтія; у сына А. Невскаго, Даніила Александровича, служилъ нѣкто Аманда-Бассавола, маркграфъ, по переходѣ въ православіе названный Василіемъ, — былъ намѣстникомъ въ Москвѣ. Въ княженіи Донского, въ 1383 году, прибылъ изъ Пруссіи въ Россію Воейка Войтеховичъ, „въ святомъ крещеніи“ названный Прокопіемъ; при в. к. Донскомъ же, въ 1376 г., пріялъ православіе Шель, изъ Германіи, названный Георгіемъ. По русскому гербовнику извѣстно за время отъ XIII — XV вв. до 33 лицъ западнаго происхожденія, пришедшихъ въ Россію и поселившихся въ ней навсегда; хотя не о всѣхъ ихъ говорится, что они приняли крещеніе, т. е. православіе, но это необходимо предполагать по многимъ соображеніямъ. Иностранцы-католики, подобные Андрею Кобылѣ и Якиноу, дѣлаются знатными и русскими, главнымъ образомъ, потому, что они сдѣлались православными. Мы прослѣдили составъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, воеводъ и другихъ важныхъ чиновъ московскаго государства въ княженіе в. к. Ивана III съ цѣлію найти между ними иностранцевъ-нѣмцевъ (въ общемъ смыслѣ). Но мы встрѣтили все имена, отчества

[1]) Патерикъ печерскій, изд. 1870 г., 64.

и фамилій рѣшительно русскія. Были между слугами московскаго князя и западные выходцы, но сліяніе ихъ съ русскими указываетъ на то, что они приняли имена и обычаи новаго отечества и сдѣлались незамѣтными, какъ капля въ морѣ. Отсутствіе фамилій иностранцевъ нужно объяснять замѣною ихъ, какъ трудныхъ для произношенія, болѣе легкими русскими. Такъ, семья польскаго выходца (1340 г.) Звелагони, извѣстна стала подъ именемъ Елагиныхъ; отъ германскаго выходца Косъ-фонъ-Даленъ произошли Козодавлевы; отъ Доля-Василія, пришедшаго на Русь въ XIII в., произошли непосредственно Свѣчины; отъ Радши — Муспны-Пушкины... Такимъ образомъ полная замѣна именъ и фамилій иностранныхъ русскими сама по себѣ доказываетъ обрусеніе иностранцевъ, что́ не могло совершиться безъ принятія обрядовъ господствовавшей вѣры. Не нашли мы фамилій западныхъ иностранцевъ въ документѣ, относящемся къ 1556 г., въ которомъ (документѣ) перечислено до 174 знатныхъ служилыхъ лицъ съ обозначеніемъ ихъ землевладѣльческаго имущества и вытекавшихъ отсюда обязанностей (во время войны). Ссылку нашу на документъ *1556 г.*, заходящій за предѣлы разсматриваемаго нами періода, мы не считаемъ неумѣстною потому, что 50 лѣтъ сами по себѣ незначительны; они составляютъ періодъ одного поколѣнія; отсутствіе иностранцевъ въ упомянутомъ реестрѣ указываетъ на незначительность (въ количественномъ и служебномъ смыслѣ) западныхъ иностранныхъ родовъ, а съ другой—на сліяніе ихъ съ природными русскими въ служебной лѣстницѣ [1]). Нельзя сказать, чтобы русскіе насильно навязывали принимать православіе католикамъ, но этого требовалъ обычай. Могли не принимать православія и не принимали тѣ изъ католиковъ, которые жили при князьяхъ временно въ качествѣ гостей, или нашедшихъ у князей пріютъ и убѣжище отъ преслѣдованія враговъ и превратностей судьбы, каковы: шведскій Олафъ, англійскіе королевичи Эдвигъ и Эдвардъ, венгерскіе Андрей и Левантъ и др. Покровительство, оказываемое на-

[1]) Архивъ историко-юрид. свѣдѣній о Россіи; изд. Калачева 1861 г., 3 кн. 25—88 системат. списк. боярамъ съ 1408 до уничтоженія сихъ чиновъ. В. Берха, изд. 1833 года.

шими князьями нѣкоторымъ католикамъ, объясняется обычаемъ гостепріимства и участіемъ къ злополучной судьбѣ ихъ, но выводить отсюда особое право и даже привиллегію для подобныхъ лицъ, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ, нѣтъ основаній. Отсюда же слѣдуетъ и то, что иностранцы-католики, рѣшившіеся жить въ Россіи постоянно, но не принявшіе православія, не могли играть болѣе или менѣе порядочной роли въ служебной сферѣ; они оставались частными лицами, въ качествѣ торговцевъ, ремесленниковъ или художниковъ, жили особнякомъ и не сливались съ русскими въ однородную и равноправную массу. Для такихъ лицъ, а равно и временно проживавшихъ въ Россіи католиковъ, позволялось имѣть латинскія церкви или божницы. О латинскихъ божницахъ въ Новгородѣ, Кіевѣ, Галичѣ (южномъ), Старой Ладогѣ и Смоленскѣ есть нѣкоторыя указанія. Но на основаніи этихъ указаній нельзя заключать объ особыхъ правахъ, которыя бы русское правительство предоставило католикамъ. И хотя, съ другой стороны, не встрѣчаемъ прямыхъ ограниченій со стороны правительства въ пребываніи латинскихъ священниковъ на Руси и отправленія ими своего богослуженія, частнымъ или домашнимъ образомъ, однако, ближе къ истинѣ будетъ предположеніе о крайней ограниченности латинскихъ церквей въ древне-русскихъ предѣлахъ. Притомъ, эту ограниченность мы относимъ не на центральные города, а на пограничные, на тѣ мѣста, гдѣ русскій элементъ неизбѣжно соприкасался съ польско-литовскимъ и гдѣ онъ долженъ былъ, по своему стѣсненному положенію, мириться съ тѣмъ, что въ душѣ отрицалъ. Относительно построенія латинскихъ храмовъ въ мѣстахъ центральныхъ съ преобладающимъ элементомъ русскихъ, нужно сказать, что построеніе ихъ вообще воспрещалось, а частное существованіе ихъ соединено было съ большими трудностями. Изгнаніе латинянъ изъ Кіева въ XIII в., легенда, образовавшаяся по поводу построенія латинской божницы въ Новгородѣ (XIII в.) и рѣшительный отказъ митрополита Филиппа въ отвѣтѣ на предложеніе и желаніе в. к. московскаго И. Васильевича III (1453 г.) о дозволеніи кардиналу Антонію войти въ Москву съ латинскимъ крестомъ (крыжемъ),—

ясно указываютъ на то, что русскіе неравнодушно относились какъ къ латинскимъ храмамъ, такъ и открытымъ проявленіямъ латинской обрядности. Итакъ, права, предоставленныя католикамъ въ предѣлахъ Руси, если и указываютъ на существованіе менѣе строгихъ взглядовъ на латинство, однако, приложеніе правъ въ практической жизни не даетъ основаній для заключенія о томъ, чтобы въ этомъ случаѣ княжеская власть дѣйствовала наперекоръ церкви: вліяніе церкви оказывалось и здѣсь. Что дѣйствительно представленныя католикамъ права не имѣли широкаго примѣненія на дѣлѣ, убѣдительно доказывается крайне малымъ числомъ католиковъ, приходившихъ на житье въ Россію, если не брать во вниманіе купцовъ католическаго вѣроисповѣданія, имѣвшихъ въ Псковѣ и Новгородѣ свои дворы и организованныя учрежденія. Выше мы перечислили случаи, когда и при какихъ обстоятельствахъ приходили и жили въ Россіи католики; къ указанному числу мы не можемъ ничего прибавить; о временно приходившихъ на Русь латинскихъ послахъ для переговоровъ съ русскими не можетъ быть рѣчи; не можетъ быть рѣчи и о тѣхъ изъ католиковъ, которые вступали на службу къ князьямъ и принимали православіе, хотя нужно замѣтить, что и такихъ лицъ было немного. Есть посему полное основаніе объяснять малочисленность латинскихъ поселенцевъ на Руси, а равно и опредѣлившихся изъ нихъ на русскую службу, трудностями и тѣми тяжелыми условіями, принять которыя не всякій соглашался, — тѣми предубѣжденіями противъ латинянъ, которыя были въ древнѣйшей Руси господствовавшими. Число это дѣйствительно ничтожно, если разложить его на весь древнѣйшій періодъ, обнимающій цѣлыхъ пять вѣковъ (X—XV в.). Говоримъ это не гадательно, а на основаніи данныхъ и общихъ твердо установившихся условій и обычаевъ древне-русской жизни.

Съ большею трудностью и меньшею увѣренностію можно говорить объ отношеніяхъ русскихъ съ латинянами, обыденныхъ, случайныхъ и непредвидѣнныхъ — отношеніяхъ, когда нужда, нравственныя побужденія и приключенія заставляютъ людей дѣйствовать по собственному устмотрѣнію, а не по установившимся обычаямъ; допускаемъ это какъ возможность, хотя исто-

рическихъ указаній на это не можемъ привести никакихъ. Свѣдѣнія объ этомъ ограничиваются отрывочными и неопредѣленными намеками, касающимися отдѣльныхъ лицъ и случаевъ. Гораздо раціональнѣе дѣлать выводы изъ большаго числа фактовъ, чѣмъ изъ однихъ намековъ. Отсутствіе извѣстій о томъ, какъ общество въ дѣйствительности жило съ латинянами, какъ оно удерживало равновѣсіе между строгими опредѣленіями церкви относительно латинянъ и неизбѣжнымъ житейскимъ обращеніемъ съ ними, представляетъ существенный пробѣлъ въ отечественныхъ источникахъ. Этотъ пробѣлъ можно бы пополнить, заимствуя у иностранныхъ писателей о древней Россіи свѣдѣнія объ отношеніяхъ и столкновеніяхъ русскаго общества съ латинскимъ населеніемъ. Истинность этого источника могла бы быть заподозрѣна въ томъ случаѣ, если бы свѣдѣнія эти противорѣчили установившимся церковнымъ взглядамъ на латинство, чего никакъ нельзя сказать объ этихъ свѣдѣніяхъ, какъ подтверждающихъ взгляды на церкви. Но жаль, что иностранныя свѣдѣнія о Россіи захватываютъ конецъ, нами опредѣленнаго, древнѣйшаго періода исторіи церкви, относясь, главнымъ образомъ, къ послѣдующему времени. Однако-жъ внутреннее сходство между сказаніями иностранцевъ объ отношеніяхъ русскихъ къ латинянамъ и тѣми русскими взглядами на нихъ (латинянъ), какіе высказывались во время и по поводу флорентійскаго собора, такъ велико и даже однородно, что они дѣлаютъ незамѣтнымъ нѣкоторый, притомъ малый, анахронизмъ, если можно 50 лѣтъ назвать анахронизмомъ въ исторіи общихъ отношеній русскихъ къ латинянамъ (мы имѣемъ въ виду первую половину XVI ст., когда Герберштейнъ былъ въ Россіи и описалъ тогдашнее состояніе московскаго государства). Изъ записокъ „о Московіи“ мы и извлечемъ нѣсколько свѣдѣній для нашей цѣли.

Древне-русскіе общественные взгляды и отношенія къ латинству высказаны и опредѣлены первымъ на Руси христіанскимъ княземъ св. Владиміромъ — лицомъ, принадлежащимъ столько же обществу, русскому народу, какъ и Церкви. Но отношенія Владиміра къ латинству не дошли до той исключительности и недовѣрчивости, какія замѣтны впослѣдствіи. Въ кіевской и новгородской Руси не было той нетерпимости

и вражды къ латинству, какая становится замѣтною съ началомъ Руси московской. Правда, что Византія съ самыхъ раннихъ поръ внушала Россіи враждебное чувство относительно латинянъ, но на первыхъ порахъ оно не было такъ сильно, какъ это замѣтно позже, когда въ самой Византіи усилилась вражда къ латинянамъ. Меньшая степень нерасположенности къ латинству въ Кіевской Руси могла происходить оттого, что жизнь древнѣйшей (т. е. кіевской) Руси была свѣжѣе, свободнѣе, воспріимчивѣе къ простымъ естественнымъ отношеніямъ, убиваемымъ раннею опекою и враждебными внѣшними вліяніями.

Съ другой стороны самое латинство (т. е. католическіе сосѣди русской территоріи), въ періодъ кіевскій, менѣе было притязательно и враждебно по отношенію къ Россіи, чѣмъ впослѣдствіи. Однако, и эти отношенія Кіевской Руси къ латинству съ самаго начала носили уже задатки будущей замкнутости и отчужденности. Въ послѣдующее время, подъ вліяніемъ недружелюбной къ латинству Греціи, фанатической, насильственной латинской пропаганды и притѣсненія со стороны католической Польши, въ связи съ внутренними условіями объединившейся тогда около новаго центра (Москвы) Руси, намѣченныя кн. Владиміромъ отношенія достигли къ концу древняго періода исторіи Руси того предѣла исключительности и нерасположенности къ латинянамъ, выразителемъ которыхъ былъ Василій В. Темный, дѣйствовавшій, подобно Владиміру, энергически въ интересахъ Церкви. Владиміръ и Василій Темный являются такимъ образомъ фокусами, опредѣлившими въ извѣстной степени отношенія къ латинству. Несмотря на громадное пятивѣковое разстояніе, раздѣляющее обоихъ, между отношеніями того и другого къ латинству существуетъ прямая, преемственная, родственная связь, въ которой предокъ узнаетъ своего потомка, какъ потомокъ своего отдаленнаго предка. Весь этотъ періодъ, начатый Владиміромъ и оконченный В. Темнымъ [1]), представляетъ непрерыв-

[1]) Собственно говоря, оканчивается древнѣшій періодъ Іоанномъ III, но дѣло въ томъ, что В. Темный отнесся къ латинству рѣзче и настойчивѣе, чѣмъ Іоаннъ III, почему мы и допустили незначительную хронологическую неточность.

ную ровную цѣпь общественныхъ взглядовъ и отношеній къ латинству съ нѣкоторыми колебаніями и уклоненіями, несущественными въ сравненіи съ общимъ ихъ характеромъ.

Воспитанные Церковію древне-русскіе люди смотрѣли на латинянъ, какъ на еретиковъ. Такимъ образомъ латиняне были, въ глазахъ русскихъ, настолько же грѣшниками, насколько православными и чистыми считались греки и сами русскіе. Новгородскій лѣтописецъ XV в., разсказывая о намѣреніи своихъ согражданъ подчиниться кіевскому митрополиту Григорію, поставленному по интригамъ изгнаннаго Исидора, такъ выражается о латинствѣ: „не воспомянуша (новгородцы) написанія: кое бо пріобщеніе свѣту ко тьмѣ, или кое соединеніе Веліару, рекше діаволу съ Христомъ? Такожде и поганому латинству съ нашимъ православнымъ христіанствомъ“ [1]). Увѣренные въ томъ, что латиняне-еретики, русскіе считали ихъ людьми погибшими, — людьми, которыхъ нужно было чуждаться, какъ какой заразы [2]). Отчужденіе отъ латинянъ доходило до положительнаго нравственнаго отвращенія въ томъ случаѣ, если русскому приходилось сталкиваться съ ними. По свидѣтельству Герберштейна, не было бранныхъ словъ, какими русскіе не клеймили-бы католиковъ, какъ враговъ своей вѣры; они отзывались о католикахъ, что это отступники отъ первобытной Церкви и древнѣйшихъ священныхъ установленій; они едва соглашались давать имъ имя христіанъ и называли ихъ полухристіанами и говорили, что никто изъ католиковъ не спасется. Имя латинянъ было такимъ-же браннымъ словомъ какъ имя жида. Кто хотѣлъ пожелать другому самаго большаго зла, тотъ говорилъ ему: „чтобъ ты сдѣлался латинянниномъ“. Общеніе съ иновѣрцами, а всего болѣе съ латинянами, считалось сквернымъ [3]).

Во взглядахъ русскихъ на латинство, какъ источникъ ересей и всякой нечистоты, заключались задатки послѣдующихъ церковныхъ броженій и извращенныхъ мнѣній (разумѣемъ расколъ старообрядства, происхожденіе котораго было въ тѣсной связи съ установившимися предубѣжденіями противъ латинства). Со

[1]) Это было въ 1471 г. Полн. собр. рус. лѣт. IV. 191.
[2]) Библ. иност. пис. о Росс. I. 111.
[3]) Религ. быт. рус. Рущин. 205.

взглядами сообразовались и житейскія отношенія русскихъ къ латинству. Нерасположеніе русскихъ къ латинянамъ сказывалось при случаяхъ ихъ взаимнаго столкновенія, начиная съ высшей общественной и государственной сферы и оканчивая семейнымъ, домашнимъ бытомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что латиняне съ самаго начала Руси стали появляться въ ней и жить (на что есть ясныя указанія [1]), какъ люди торговые или ремесленные, но намъ, по крайней мѣрѣ, не извѣстно изъ древняго періода ни одного примѣра, чтобы кто-либо изъ католиковъ занималъ видное почетное мѣсто въ древне-русскихъ общественныхъ рангахъ (напр. должность тысяцкаго, боярина или посадскаго); если кто-либо изъ западныхъ иностранцевъ достигалъ видной почетной должности, какъ напр., посла или боярина, то этимъ онъ былъ обязанъ, помимо другихъ достоинствъ и условій, прежде всего принятію русскаго православія, отступничеству отъ латинства. Принятіе заграничнымъ выходцемъ православія вселяло къ нему довѣріе со стороны русскихъ и дѣлало его солидарнымъ со всѣмъ складомъ русской жизни. О такихъ выходцахъ наши лѣтописцы и упоминаютъ: такъ, извѣстный фрязинъ, сопровождавшій Софію Палеологъ изъ Рима въ Москву, въ качествѣ повѣреннаго отъ князя, былъ православнаго, а не латинскаго вѣроисповѣданія (послѣднему онъ измѣнилъ). Но также извѣстно, что тотъ же фрязинъ посаженъ былъ въ тюрьму, когда онъ, вопреки повелѣнію великаго князя, не нести крыжа впередъ при вступленіи легата въ Москву, настаивалъ, „чтобы то учинить честь папѣ, како тамо (т. е. въ Римѣ) ему чинили“ [2]). Правда, что латиняне пользовались у насъ терпимостію вмѣстѣ съ другими иновѣрцами, но эту терпимость нужно понимать въ болѣе тѣсномъ смыслѣ; было бы ошибкою думать, что латиняне, какъ и другіе иновѣрцы, пользовались у насъ полною свободою совѣсти и вѣроисповѣданія въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это выраженіе въ наше время. Въ древней Руси была *юридическая* терпимость; тогда пользовались правомъ неприкосновенности существованія религіозныя формы; правда, и

[1]) Истор. рус. церкви Преосвящ. Мак. II. 338.
[2]) Полн. собр. рус. лѣт. 6. 197.

представители Церкви не давали совѣтовъ князьямъ не пускать латинянъ въ свою землю, изгонять и запрещать имъ служеніе; совѣтовали даже обходиться съ ними, въ случаѣ *необходимости*, человѣколюбиво, но это еще не значитъ, чтобы эта терпимость дѣйствительно основывалась на уваженіи къ свободѣ совѣсти человѣка въ дѣлахъ вѣры. Эта терпимость была дѣломъ общежитейской, политической и культурной необходимости, отвлеченнаго представленія о человѣкѣ, но не общественнаго братски-христіанскаго чувства. Вѣротерпимость была на Руси терпимостью въ буквальномъ смыслѣ слова, чѣмъ-то отрицательнымъ; не дѣлалось принужденія совѣсти иновѣрца, но въ то же время воспрещалась, вообще, постройка церквей и открытое отправленіе богослуженія. Нашу мысль можетъ хорошо иллюстрировать тотъ фактъ, что новгородцы въ самую критическую минуту своей исторіи въ договорѣ съ Казиміромъ поставляли необходимымъ условіемъ, между прочимъ, латинскихъ церквей не ставить въ предѣлахъ новгородской области. Этимъ условіемъ Новгородъ подтверждалъ старые обычаи, дѣйствовалъ по старинѣ, въ измѣнѣ которой упрекала его Москва. Между православно-русскимъ и латиняномъ лежало громадное разстояніе, непозволявшее имъ сблизиться и препятствовавшее взаимному обмѣну мыслей и чувствъ; эта черта отдѣляла и отдаляла перваго отъ послѣдняго, какъ чего-то нечистаго и враждебнаго ему. Такъ, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ и др. городахъ въ X—XI ст. жили латиняне и имѣли церкви [1]), но въ Кіевѣ, напр., они занимали особую часть города и извѣстны были подъ именемъ людей варяжской или лятской вѣры [2]). Самое существованіе католиковъ среди русскихъ было не прочно, подвержено случайностямъ войны и расположенію власти и даже населенія. Такъ, въ 1391 г. ганзейскіе нѣмцы—торговцы, по случаю войны съ Новгородомъ, тянувшейся около 7 лѣтъ, должны были, по заключеніи мира, снова приниматься за постройку себѣ дворовъ въ Новгородѣ [3]). Владиміръ Рюриковичъ кіевскій выгналъ (въ

[1]) Полн. собр. р. лѣт. III. 63. V. 7.

[2]) Ibid. IX. 187. Истор. рус. цер. Преосвящ. Макарія. III, 200—201.

[3]) Полн. соб. р. лѣт. 111. 96.

1233 г.) какого-то Мартира, пріора латинскаго храма св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими католическими проповѣдниками, боясь, чтобы сіи проповѣдники не доказали, что вѣра греческая далека отъ истины [1]). Русскіе князья въ XIII в. разрушили въ Кіевѣ латинскій монастырь, основанный здѣсь по неотступной просьбѣ латинянъ и изгнали вонъ латинскихъ проповѣдниковъ [2]). Предубѣжденіе противъ лати-

---

[1]) Хр. чт. 1859 г. 1. 243—244.

[2]) Ист. гг. р. 111. 211.

Построеніе варяжской божницы въ Новгородѣ въ XII в. дало поводъ образоваться слѣдующей легендѣ: въ лѣта благочестивыхъ великихъ князей нашихъ русскихъ, живущимъ новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и совокупленіи, прислаша нѣмцы отъ всѣхъ 70 городовъ посла своего, биша челомъ архіеп. новгородскому, и посадникомъ, и тысяцкимъ, и всему В. Новгороду, глаголюще: „милые наши сосѣды! дайте намъ мѣсто у себя, посреди В. Новгорода, гдѣ поставити божницу по нашей вѣрѣ и обычаю“. И новгородцы отмолвиша имъ рекуще: „милостію Божіею и пречистыя Богоматери, и отца нашего господина архіепископа благословеніемъ и молитвою, у насъ въ вотчинѣ нашей вел. князей русскихъ, въ В. Новгородѣ, стоятъ всѣ церкви православные нашея вѣры христіанскія, ино кое причастье свѣту ко тьмѣ, такожъ и вашей божницы быть какъ въ нашемъ градѣ?“ Бѣ же тогда посадникъ степенный, Добрыня именемъ, и нѣмцы слышавше жестокій отвѣтъ отъ архіепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ, и даша ему посулъ великъ (взятку большую). О семъ бо и Соломонъ рече: „всѣ послушаютъ злата“. Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтниками повелѣ нѣмцомъ своими говорити старостамъ купецкимъ и купцемъ новгородскимъ: „только нашей божницѣ храму св. верховныхъ Апостолъ Петра и Павла не быти у васъ въ В. Новгородѣ, и то вашимъ церквамъ по нашимъ городамъ не быти жъ“. И то слышавше старосты купецкіе и всѣ гости новгородскіе, начаша бити челомъ господину своему, отцу архіепископу и всему В. Новгороду, рекуще: „пожалуйте, поволите нѣмцомъ поставити ропату (божницу, церковь) по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте, гдѣ полюбятъ; занеже не будетъ ихъ божницы здѣ, ино нашимъ церквамъ не быти у нихъ“. Тамъ и посадникъ Добрыня за старостъ и за гости начатъ говорити: „только не будетъ нашихъ церквей по нѣмецкимъ городомъ, ино нашимъ гостемъ новгородскимъ велми будетъ нужно“,—и архіепископъ и новгородцы послуша посадника совѣта и гостей своихъ челобитья, позволиша нѣмцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично; и нѣмцы избраша себѣ мѣсто посредѣ града въ торгу, гдѣ стоитъ церковь древняго св. Іоанна Предтечи. Посадникъ же Добрыня ослѣпленъ мздою и наученъ діаволомъ, повелѣлъ церковь св. Предтечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ нѣмцомъ; Предтеча жъ господенъ не терпя вражіа навѣта, и его злаго совѣтника, что испоругалъ святый его храмъ мзды ради: въ нощи убо той услыша попомаре тоя

нянъ не позволяло самимъ князьямъ вступать въ брачныя связи съ латинянками. Извѣстные брачные такіе союзы не служатъ доказательствомъ сочувствія или безразличнаго отношенія князей къ вѣроисповѣданію невѣсты, потому что эти браки представляются уклоненіемъ отъ общаго обычая; они могутъ быть объяснены неуваженіемъ къ женскому полу, требованіемъ отъ невѣсты латинянки принятія православія при выходѣ замужъ за русскаго князя, что и дѣлалось, какъ видно, изъ указанія митрополита Иларіона, который говоритъ (въ своемъ словѣ о законѣ и благодати [1]), что Индигерда, супруга Ярослава I, содержитъ правовѣріе, преданное св. Владиміромъ, тогда какъ она была дочь норвежскаго короля-католика [2]). Русскіе князья, выдавая дочерей своихъ за литовскихъ (католическихъ) князей, требовали отъ нихъ уважать и считать неприкосновенною православную вѣру, которую исповѣдывали и въ которой были воспитаны русскія княжны, какъ это видно изъ того, между прочимъ, что в. кн. Іоаннъ III потребовалъ отъ зятя своего, литовскаго князя Александра, устроенія для супруги его (т. е. дочери Іоанна Васильевича III) придворной

церкви Предтечевы гласъ глаголющъ ему: „заутра на 3 часу дневномъ иди на Великій мостъ и повели новгородцемъ смотрити Добрынина посадничья чюда“. И пономарь заутра возвѣсти новгородцемъ, якоже слыша, и абіе стекошась множество народа на Великій мостъ видѣти, что хощетъ быти. И какожъ поѣха посадникъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ чрезъ Волховъ въ насадѣ съ людьми своими — и внезапу пріиде вихрь, и вземъ насадъ, взнесе на высоту, яко болѣ двухъ саженей и удари о воду, и ту потопе посадникъ Добрыня ко дну, а прочихъ всѣхъ переимаша въ судѣхъ малыхъ перевозники, и тако неводы, мрежами и уды едва возмогоша вывлещи тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство не получи и погребенія, яже есть обычай православнымъ. Сіи ми повѣда игуменъ Сергій Островскаго монастыря отъ св. Николы, отецъ Залкхіевъ, нынѣшняго игумена Хатынскаго.

И яко совершиша нѣмцы ропату свою, и паяша иконниковъ новгородскихъ, и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ — на ропатнемъ углу, на полуденнѣй странѣ въ верху, на прелесть христіаномъ и на соблазнъ,—и якожъ написаша иконописцы образъ Спасовъ на ропатѣ, а архіепископа не доложа, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ томъ часѣ пріиде туча съ дождемъ и съ градомъ, и выбило градомъ и мѣсто, то идѣ же былъ написанъ образъ Спасовъ, и левкасъ (краска) смыло дождемъ, яко же не явившись ни знаменію (ни знаку не осталось).

[1]) Христ. Чт. 1859 1. 208. Прибавл. къ твор. св. Отцевъ 1844 г. II.

[2]) Хр. Чт. 1859. 1. 208. Приб. къ тв. св. Отцу 1844 г. II.

православной церкви. „И взяша (послы русскіе) грамоту, утвержденную у великаго князя Александра Казиміровича въ Вильнѣ, за его печатью, что ему дщерь великаго князя, а свою великую княгиню (Елену) держать въ греческомъ законѣ, а въ римской законъ не приводити, ни нудити, да и церковь ему у себя поставити на дворѣ и священниковъ держати греческаго закона". Іоаннъ Васильевичъ III соглашался отдать свою дочь за одного нѣмецкаго маркграфа, Альбрехта (родственника германскаго императора Максимиліана), подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, чтобъ его дочери дали и обезпечили свободу вѣроисповѣданія. „Государь всея Руси,— говорится въ наказѣ русскому послу въ 1490 г.,—„велѣлъ тебѣ (императору Максимиліану) говорити: хрестьяне есма обои, но вѣдаешь самъ: мы греческаго закона, а ты римскаго, и ты бы намъ далъ утвержденіе на то, возвелитъ Богъ нашей дочкѣ быти за тобою, то бы наша дочка была въ греческомъ законѣ, была (у нея) церковь, и священники и весь законъ греческій неподвижно и до живота (т. е. смерти), а на то бы свою грамоту, утвержденную велѣлъ записати и печать свою приложити къ той грамотѣ [1]). Когда князья выдавали своихъ дочерей замужъ за иноземныхъ и иновѣрныхъ лицъ, то это сопровождалось неодобреніемъ и даже протестомъ со стороны народа, которому, очевидно, не нравилось сближеніе съ иновѣрцами-латинянами. Такъ, когда псковскій князь Владиміръ выдалъ свою сестру за Теодориха, брата ливонскаго епископа Альберта, то псковичи выгнали Владиміра изъ города. Это было около 1214 г. во Псковѣ, гдѣ, какъ торговомъ и близкомъ къ западу мѣстѣ, нужно бы, по предыдущимъ соображеніямъ, ожидать нѣкоторой терпимости. Намъ извѣстно 29 случаевъ брачныхъ союзовъ русскихъ съ иностранцами въ теченіе XI—XIII вв. [2]). По времени своего

[1]) П амят. дипломат. снош. древ. Руси съ иностран. держав. 1 т. 44.

[2]) Вотъ эти браки:

1. Марія (Добронѣва), дочь Владиміра Св., вышла за Казиміра польскаго, около 1043 г.

2. Ярославъ I былъ женатъ на Индигердѣ (Иринѣ), принцессѣ норвежской, около 1040 г.

3. Изяславъ, сынъ Ярослава I, женился на дочери Казиміра польскаго въ 1043 г

совершенія эти браки распредѣляются такимъ образомъ: 9 заключено было въ XI вѣкѣ; 14 — въ XII вѣкѣ; 5 — въ XIII вѣкѣ и 1 въ XIV вѣкѣ. Число это, повидимому, достаточное (не для подтвержденія) для указанія на существовавшую въ XII вѣкѣ близость сношеній русскихъ князей съ иностранцами-католиками, ни коимъ образомъ не

---

4. Въ 1050 г. Игорь, сынъ Ярослава I, женился на Кунигундѣ, графинѣ Орламандской, дочери Оттона германскаго.

5. Вячеславъ, сынъ Ярослава I, около 1050 г. женился на Одѣ, графинѣ Штадской.

6. Елизавета, дочь Ярослава I, была замужемъ за Гаральдомъ, королемъ норвежскимъ (1045 г.).

7. Анна, дочь Ярослава I, вышла за Генриха, короля французскаго, около 1051 г.

8. Дочь того-же Ярослава Мудраго, Анастасія, около 1051 г. вышла за Андрея венгерскаго.

9. Дочь Изяслава I, Евпраксія, была за сыномъ Болеслава II, около 1060 г.

10. Дочь Святополка Изяславича, Сбыслава, была за Болеславомъ Кривоустымъ, королемъ польскимъ (1102 г.).

11. Передслава, дочь Святополка Изяславича, была за сыномъ Коломана венгерскаго, около 1104 г.

12. Евпраксія, дочь Всеволода Ярославича, была за Генрихомъ II (нѣмецкимъ) (1109 г.).

13. Евѳимія, дочь Владиміра Мономаха, была за венгерскимъ королемъ Коломаномъ (1112 г.).

14. Дочь Мстислава Владиміровича была за норвежскимъ королемъ Сигурдомъ (впослѣдствіи датскимъ Ерикомъ) 1113 г.

15. Владиміръ Мономахъ былъ женатъ на Гидѣ, дочери англійскаго короля Гаральда (1125 г.).

16. Другая дочь Мстислава Владиміровича (Ingibiona?)—за Канутомъ, королемъ Оботридскимъ (Мекленбургскимъ?), 1140 г.

17. Евфросинія, дочь Мстислава Владиміровича, была за королемъ венгерскимъ Гейзою (1149 г.).

18. Звенислава, дочь Всеволода Ольговича, была за Болеславомъ, братомъ Владислава, герцога польскаго (1142 г.).

19. Дочь Ярослава Владиміровича за венгерскимъ королемъ Стефаномъ III (1167 г.).

20. Дочь Всеволода Ольговича (1146 г.) за Владиланомъ польскимъ (1162 г.).

21. Всеволодъ Святославичъ женился на полькѣ (Казимірнѣ) въ 1179 г.

22. Агриппина Ростиславовна, внука Михаила черниговскаго, (1246 г.),— за Лешкомъ, герцогомъ польскимъ.

23. Всеволодъ Чермный былъ женатъ на Маріи, дочери Казиміра польскаго (1215 г.).

ослабляетъ нашей мысли о несуществованіи этой близости. XIII в. былъ вѣкомъ, когда русскіе князья стремились не къ политическому единству, а къ вотчинному обособленію и замкнутости, къ усиленію своего княжества на счетъ другого,—поэтому у нихъ была сильная вражда, самымъ наглядным выраженіемъ которой были княжескія усобицы. Въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ князей вражда за области обнаруживалась и тѣмъ, что дѣти враждовавшихъ князей не вступали въ брачные союзы между собою. Вотъ, между прочимъ, причина, почему въ XII в. было сравнительно больше брачныхъ союзовъ русскихъ съ католиками. Заключеніе этихъ союзовъ не противорѣчило интересамъ церкви потому, что брачившіяся съ русскими князьями иностранки обыкновенно принимали вѣру русскихъ, что было необходимо по ихъ положенію среди русскихъ и по дѣйствовавшимъ постановленіямъ церкви. Далѣе: указанное число браковъ, собственно говоря, ничтожно, принявъ въ соображеніе многочисленность мелкихъ удѣльныхъ князей и большой промежутокъ времени (1043—1324 гг.), въ который совершались браки. При этомъ можно взять во вниманіе еще то, что изъ указаннаго числа (29) брачныхъ союзовъ только 8 падаетъ на браки русскихъ князей съ иностранками, между тѣмъ какъ остальные 21 падаютъ на браки русскихъ княженъ съ иностранцами-католиками. Преобладаніе послѣднихъ браковъ указываетъ на то, что выходъ княженъ за католиковъ не могъ сопровождаться недовольствомъ или протестомъ церкви, каковое недовольство и протестъ весьма были бы естественны

---

24. Верхуслава, дочь Всеволода Мстиславовича, за однимъ изъ князей польскихъ (1195 г.).

25. Гремислава, дочь князя Александра Всеволодовича, за Лешкомъ Бѣлымъ (1234 г.).

26. Другая дочь Александра Всеволодовича (1234 г.), Анастасія, была за Болеславомъ Марвскимъ, впослѣдствіи бояриномъ венгерскимъ.

27. Елена, сестра Александра Всеволодовича, была за Казиміромъ Справедливымъ (1196 г.).

28. Левъ Даніиловичъ (1301 г.) женился на Констанціи, дочери короля венгерскаго Бѣлы.

29. Марія, дочь князя Андрея Юрьевича, была за Тройденомъ Марвскимъ (1336 г.). (Полн. собр. рус. лѣт. IX. 83. Истор. гос. рос. II. 27. 34. Табл. Карамз. въ изд. его истор. госуд. рос. Р. Эйпер.).

при наплывѣ на Русь, въ качествѣ княженскихъ женъ иностранокъ. На заключеніе браковъ русскихъ княженъ съ иностранцами-католиками могло вліять стѣсненное положеніе въ древней Руси женщины, хотя бы и княжескаго рода.— Не служитъ-ли извѣстная пѣсня романтическаго витязя Гаральда характеристикою, между прочимъ, того, какъ трудно было иностранцу-иновѣрцу, благодаря церковнымъ и національнымъ взглядамъ русскихъ на него, завладѣть сердцемъ и особою русской княжны-красавицы. Гаральдъ, король норвежскій, былъ женатъ на Елизаветѣ, дочери великаго князя Ярослава I, въ 1045 г.; въ замужествѣ съ нимъ Елизавѣта долго не была,—скоро умерла. (См. ист. Карамз. II, 41 примѣч.). Вотъ эта пѣсня: „Легкія суда наши окружили Сицилію. О, времена славы блестящей!.. Темный корабль мой, людьми обремененный, быстро разсѣкалъ волны. Думая только о войнѣ и битвахъ, я не искалъ иного счастія; но *русская* красавица меня презираетъ.

„Въ юности своей я сражался съ народами Дронгейскими. Число непріятелей было велико; кровь лилась рѣкою. Молодой царь ихъ палъ отъ моей руки. Но *русская* красавица меня презираетъ.

„Однажды насъ было шестнадцать товарищей въ кораблѣ; зашумѣла буря; взволновалось море, и грузный корабль наполнился водою; мы вычерпали оную и спаслися. Я надѣялся быть счастливымъ; но *русская* красавица меня презираетъ.

„Въ чемъ я не искусенъ? сражаюсь храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть весломъ; но *русская* красавица меня презираетъ.

„Развѣ не слыхала она, какую храбрость оказалъ я въ землѣ южной, въ какой жестокой битвѣ одержалъ побѣду, и какіе памятники славы тамъ остались? Но красавица *русская* меня презираетъ.

„Рожденный въ верхней Норвегіи, гдѣ жители столь искусно стрѣляютъ изъ луковъ, я захотѣлъ лучше плавать на корабляхъ, страшныхъ для поселянъ, между скалами морскими,

и быть въ неизмѣримости океана, за предѣлами земель обитаемыхъ. Но *русская* красавица меня презираетъ“ [1]).

Нѣчто подобное представляетъ разсказъ печерскаго патерика о нѣкоемъ Моисеѣ Угринѣ. Во время борьбы Ярослава съ Болеславомъ Моисей вмѣстѣ съ другими попалъ въ плѣнъ къ полякамъ. Красотою и молодостію Моисея прельстилась одна знатная и богатая ляхиня (полька), молодая женщина. Чтобы выдти за него замужъ, она обѣщала освободить его отъ оковъ и плѣна, сдѣлать господиномъ надъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Но Моисей, давно обрекшій себя на иноческую жизнь, не соглашался на предложеніе богатой полькн и не желалъ быть великимъ между ляхами, предпочитая мирную и простую жизнь на Руси въ пустынѣ всѣмъ почестямъ польскаго вельможи. Не подѣйствовали на Моисея ни искушенія, ни угрозы, ни страданія, которымъ онъ подвергся отъ ляхини, за свое упорство. По смерти Болеслава, расположеніемъ котораго пользовалась ляхиня, Моисей Угринъ возвратился въ Кіевъ, не поддавшись искушеніямъ въ чужой землѣ—неправославной Польшѣ [2]).

Содержаніе пѣсни о Гаральдѣ, состоящее въ описаніи геройства, храбрости, неустрашимости, воинственности и другихъ рыцарскихъ качествъ Гаральда, которыя „презирала“ Елизавета, противорѣчило дѣйствительно тому, что внушала молодому поколѣнію тогдашняя русская церковь и что не сообразовалось съ національнымъ миролюбивымъ русскимъ характеромъ,—характеромъ, расположеннымъ къ преслѣдованію и уваженію другихъ идеаловъ. Примѣровъ подобныхъ браковъ у другихъ общественныхъ классовъ мы не знаемъ. Молчаніе нашихъ лѣтописей въ этомъ случаѣ указываетъ, кажется, на отсутствіе какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ связей русскихъ съ латинянами. Если-бы были эти связи, то лѣтописцы (или другія какія-либо историческія свидѣтельства) не упустили-бы такихъ, по тому времени, немаловажныхъ фактовъ, какъ не умалчиваютъ тогда, когда видятъ или слышатъ малѣйшее посягновеніе кѣмъ-либо на старину обычай;

---

[1]) Ист. Карамз. II.

[2]) См. Кіевопеч. патерикъ въ переводѣ Викторовой. 107—116.

православіе, конечно, считалось выше, священнѣе всего того, во что вѣрилъ и чѣмъ дорожилъ русскій народъ. Намъ неизвѣстно, чтобы православные русскіе добровольно совращались въ латинство. Иностранныя извѣстія (Chronic. liber VII, c. 52 Ditmar) считаютъ Святополка, сына св. Владиміра, послѣдователемъ папы. Хотя это извѣстіе не доказано, но можно считать его правдоподобнымъ во 1, потому, что Святополкъ окруженъ былъ поляками и латинскимъ духовенствомъ; во 2, Святополкъ оставилъ въ народѣ по себѣ дурную память, будучи названъ окаяннымъ; изъ послѣдующей исторіи извѣстны князья, пролившіе не мало крови въ борьбѣ за удѣлы; однако, эти князья не заслужили въ народной молвѣ той антипатіи, какой подвергся Святополкъ, хотя онъ домогался великокняжеской власти не безъ сознанія своихъ правъ на то. Посему, если не совращеніе въ латинство, то, по крайней мѣрѣ, расположеніе къ его послѣдователямъ, оказанное Святополкомъ, дало много пищи народу для изображенія мрачными красками образа князя. Отсюда же слѣдуетъ, что совращеніе въ латинство представлялось въ древнѣйшей Руси дѣломъ необычайнымъ, тяжелымъ и, если можно такъ выразиться, трагическимъ.—Поэтому отсутствіе свидѣтельствъ на близкія связи древне-русскаго православнаго элемента съ латинскимъ можно считать доказательствомъ несуществованія этихъ связей. Упрекъ, дѣлаемый новгородскимъ лѣтописцемъ своимъ согражданамъ за поблажку и совращеніе будто бы въ латинство, указываетъ на политическія стремленія новгородской республиканской партіи, независимости и самостоятельности которой угрожала усиливавшаяся и все поглощавшая Москва,—партіи, которой вольность новгородская такъ была дорога и привычна, что эта партія рѣшилась подчиниться польскому правительству. Чѣмъ кончилась бы эта политическая зависимость новгородцевъ отъ латинскаго правительства, это показало бы время, послѣдствія; за послѣдствія можно было не опасаться, имѣя въ виду судьбу южной Россіи, гдѣ русское населеніе, состоя въ политической зависимости отъ польскаго правительства и испытывая тяжелое насиліе своей вѣрѣ, твердо стояло въ православіи. Новгородъ наканунѣ подчиненія Москвѣ, находился въ гораздо лучшихъ условіяхъ,

чѣмъ юго-западная Русь. Если послѣдняя, поневолѣ подчинявшаяся чуждому правительству, стояла крѣпко въ православіи, то за Новгородъ, какъ добровольно согласившійся на политическую зависимость отъ католическаго государства, меньше было основаній опасаться относительно цѣлости православія, — тѣмъ болѣе, что онъ гарантировалъ себѣ религіозную свободу какъ conditio, sine qua non подчиненія Казиміру.

Правда, намѣреніемъ новгородской партіи подчиниться Казиміру, а не великому московскому князю, Іоаннъ (Васильевичъ) III воспользовался съ успѣхомъ, обвинивъ новгородцевъ въ измѣнѣ православію, въ склонности къ латинству [1]). Лѣтописецъ представляетъ Іоанна III говорящимъ такимъ образомъ: „вѣси, Господи, и вся вѣси тайная сердцемъ человѣческимъ, яко не своимъ хотѣніемъ, ниже своею волею на се (наказаніе Новгорода) дерзаю, еже бо пролятися мнозѣй крови христіанстѣй на земли; но стою о божественномъ ти богоуставнѣмъ законѣ св. Апостолъ и св. отецъ, даже и до истиннѣмъ православіи русскія земли, а о ихъ своея отчины отступленьи къ латинству, — что же они, людіе наши, истинныя вѣры благочестія отступаютъ, а къ латинянамъ ся отдаваютъ“ [2])... Но нельзя сказать, чтобы въ планы новгородской вольной партіи входила, хотя бы и вынужденная, рѣшимость измѣнить православію; новгородцы не опасались даже и за цѣлость православія въ случаѣ подчиненія Польшѣ. Это видно изъ того, что между условіями, заключенными по этому случаю новгородцами съ Казиміромъ польскимъ, неприкосновенность вѣры поставляется новгородцами на первомъ планѣ. „А у насъ тебѣ, честный король,—говорится въ договорной грамотѣ новгородцевъ съ Казиміромъ,— вѣры нашей греческой православной не отъимати; а гдѣ будетъ намъ, великому Новгороду, любо въ своемъ православномъ христіанствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей воли, а римскихъ церквей тебѣ, честный король, въ великомъ Новгородѣ не ставити, ни по приходамъ новгородскимъ,

---

[1]) Полн. собр. р. лѣт. VIII. 160—162; VI, 7—9, 192.
[2]) Ibid. VI, 8.

ни по всей земли новгородской [1])". Такъ обезпечивала себѣ религіозную свободу партія, не желавшая уступить московскому князю. Сочувствовавшая Москвѣ партія смотрѣла на подчиненіе Казиміру какъ на дѣло преступное, неслыханное, несообразное ни съ прежнею исторіею Новгорода и его отношеніями къ латинянамъ, ни съ его мѣстными, одинаковыми съ общерусскими взглядами на Москву, какъ политическій центръ всея Руси [2]). Опасность, о которой по этому поводу митрополитъ Фотій упоминаетъ въ своемъ посланіи къ новгородцамъ 1471 г., проистекала изъ патріотическихъ и пастырскихъ побужденій митрополита московскаго, изъ предостереженія, изъ боязни за послѣдствія замысловъ „гордыхъ и непокорныхъ новгородцевъ"; побужденія митрополита тѣсно соединялись въ этомъ случаѣ съ интересами князя. Не доказывая измѣны православію, этотъ фактъ въ связи съ другими [3]), даетъ знать о томъ, что сѣверо-западная Русь, точно такъ же, какъ юго-западная, въ своемъ отношеніи къ латинству отличалась меньшею стойкостію въ сравненіи съ Русью московскою: это объясняется невыгодными условіями сѣверо-западныхъ русскихъ окраинъ, близостію ихъ къ самому католичеству. — Обвиненіе въ склонности къ латинству было самымъ тяжкимъ преступленіемъ въ то время. Подъ вліяніемъ предубѣжденія противъ латинства, русскіе очень мало путешествовали на Западъ, тогда какъ на Востокъ, въ предѣлы котораго входитъ неизбѣжно Царьградъ, путешественниковъ было гораздо больше. Въ разсказахъ путешественниковъ о видѣнныхъ ими странахъ обнаруживается не только предпочтеніе Востока предъ Западомъ, но и противоположность между ними подъ образомъ рая и ада. Новгородцы, бывшіе на Западѣ, разсказывали, что доходили до ада, видѣли истекающую изъ преисподней молнійную рѣку Моргъ, видѣли на дышащемъ морѣ червь неусыпающій, слышали скрежетъ зубовъ; изъ путешествій по Востоку новгородцы выносили противоположныя чувства: вмѣсто тьмы тамъ они видѣли самосіянный свѣтъ, такой свѣтъ, что и разсказать человѣку невозможно.

---

[1]) Акт. арх. эксп. 1 № 81, стр. 64.
[2]) Полн. соб. р. лѣт. VIII. 160.
[3]) Истор. р. ц. Макарія V, 329.

Итакъ, мы прослѣдили какъ внѣшнія, церковно-политическія, такъ и внутреннія, литературныя и общественныя отношенія и взгляды древней Руси на латинство. Если во внѣшнихъ сношеніяхъ съ Римскою Церковію Русская Церковь чуждалась ея, имѣя дѣло съ нею по ея началу и поводу, то во внутреннихъ отношеніяхъ къ ней Русская Церковь нападала на духъ ея, произвольный и неправильный, изобличала ее, сообразно съ своими силами и средствами. Къ голосу самой древне-русской Церкви противъ латинства примыкало и составляло одно съ нею обще-народное, Церковью воспитанное, чувство и житейская практика; интересы церковные, подкрѣпляясь общественными силами и народнымъ сочувствіемъ, связывались взаимно. Въ этомъ фактѣ можно усмотрѣть, съ одной стороны, жизненность Русской Церкви, съ другой, смыслъ ея замкнутости и отчужденности отъ латинства. Въ самомъ дѣлѣ, что можно усматривать въ пятивѣковой замкнутости Русской Церкви отъ латинства? Вопросъ этотъ иначе можно выразить такъ: какія были причины и слѣдствія такого отношенія нашей Церкви къ латинству?

Въ своемъ мѣстѣ мы говорили, что эти причины были очень сложны и настолько сильны и реальны, что дѣйствовали во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Русская Церковь должна была имѣть посредственное или непосредственное отношеніе съ представителями и интересами латинскаго Запада. Несмотря на отрывочность, случайность и даже непредвидѣнность бывшихъ столкновеній древне-русской Церкви съ латинствомъ, въ отношеніяхъ ея къ послѣднему можно усматривать внутреннюю, практико-историческую связующую нить; эту нить мы назвали бы процессомъ развитія національной Русской Церкви въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними условіями и препятствіями, которыя Русская Церковь осиливала съ величайшимъ трудомъ, отрывочно; трудность этой борьбы увеличивалась тѣмъ, что Русская Церковь должна была развиваться и устраиваться по предварительному, данному и начертанному образцу, выработанному и завѣщанному ей греко-византійскимъ церковнымъ устройствомъ. Приспособить всѣ стороны Русской Церкви, какъ живого, съ собственными особенностями, организма, къ указанному образцу

было дѣломъ не легкимъ, какъ вслѣдствіе молодости самой Церкви, такъ и сложности [1]) образца, которому она должна была подражать,—образца, совмѣщавшаго въ себѣ съ обще-христіанскою организаціею и сущностію примѣсь греческихъ элементовъ, культурныхъ и національныхъ. Мы не преувеличимъ, кажется, дѣла, если скажемъ, что изъ Византіи въ Русь передано было такъ много духовнаго греческаго наслѣдства, передано было въ такой формѣ, что силы Русской Церкви затруднялись перерабатывать и усвоять плоды византійской церковной жизни; больше, кажется, было бы успѣха въ принятіи и усвоеніи Русскою Церковію духовнаго наслѣдства Греціи, если бы этого наслѣдства было меньше, если бы оно давалось постепенно и съ разборомъ. Само собою понятно, что приложеніе греческаго образца къ Русской Церкви было бы труднѣе и еще болѣе запутаннѣе, если бы Русская Церковь имѣла предъ собою другой церковный типъ, во многихъ отношеніяхъ несходный съ первымъ. Этотъ церковный типъ предлагался и необходимо предполагался римскою Церковію въ ея притязаніяхъ и попыткахъ на Русскую Церковь, при сношеніяхъ съ послѣднею. Если греческій образчикъ въ своемъ приложеніи къ Русской Церкви не имѣлъ желательныхъ (въ смыслѣ современныхъ нашихъ понятій) послѣдствій для нея, то конкуренція греческаго и латинскаго типовъ, борьба ихъ за право и вліяніе на ходъ дѣлъ въ Русской Церкви произвела бы рѣшительный хаосъ въ развитіи и безъ того запутанномъ устройствѣ національной Русской Церкви. Вотъ внутренняя, ближайшая, скрытая причина отчужденія древне-русской Церкви отъ латинства; оно было излишне, ненужно, вредно. Но послѣднее было даже опасно для Церкви, какъ національной: потому что зависимость отъ латинства требовала и вела къ ограниченію княжеской власти и самостоятельности народа, т. е. русскіе князья, по идеѣ и практикѣ римской Церкви, должны были, по отношенію къ папѣ, играть роль западныхъ королей XI—XII вв. Вотъ, между прочимъ, источникъ уклончивости древне-русскихъ князей отъ сдѣлокъ съ папами. Въ своихъ отношеніяхъ къ латин-

[1]) Истор. Карамз. IV. примѣч. 52.

ству представители Церкви и представители народа преслѣдовали обоюдные интересы, объединяемые *побужденіями* Церкви, какъ господствовавшими въ то время, *высшими*. Подъ ничтожностью „винъ“, въ которыхъ обвинялось Русскою Церковію латинство, скрывалось естественное чувство, боровшееся за самостоятельность, за своеобразное пониманіе христіанскихъ началъ, догматовъ и обрядовъ, за удержаніе народныхъ привычекъ, освященныхъ временемъ, какъ, наприм., употребленіе народнаго языка при богослуженіи и ношеніе бороды; въ древно-русскихъ полемическихъ сочиненіяхъ проглядываетъ та основная мысль, которую полемисты приняли отъ грековъ, усвоили и защищали въ опроверженіе латинскихъ заблужденій, — мысль, состоящая въ томъ, что нововведеніе и формулированіе догматовъ есть дѣло высшаго церковнаго авторитета, точно также установленіе обрядовъ утверждается на авторитетѣ обще-церковнаго преданія. Это та высшая точка зрѣнія на христіанское вѣроученіе и преданіе, которой измѣнило латинство и на которой стояли лучшіе греческіе и русскіе полемисты, въ противоположность латинству, внесшему произволъ въ христіанское вѣроученіе и церковную практику; полемисты стоятъ за неизмѣнность и святость церковнаго преданія, за необходимость рѣшенія всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ этому преданію, общимъ голосомъ всей Церкви, а не однимъ мѣстнымъ авторитетомъ римскихъ папъ. Въ догматическихъ, каноническихъ и обрядовыхъ отступленіяхъ, составлявшихъ особенность латинства, полемисты видѣли произволъ, удаленіе отъ древней церковной практики и вселенскаго преданія, вѣрность которому древне-русскіе полемисты выставляли какъ отличительную особенность греко-русской Церкви. Свою правоту полемисты доказывали просто, не вдаваясь въ глубокомысленныя соображенія, но такъ, чтобы быть понятыми народнымъ здравымъ смысломъ. Такимъ образомъ, Церковь въ лицѣ полемистовъ противодѣйствовала противъ того, что́ не по сердцу было народу; она боролась своими наличными средствами и своимъ способомъ. Такъ, требованіе латинствомъ употреблять при богослуженіи латинскій языкъ опровергалось со стороны Церкви приведеніемъ библейскаго текста. Слѣдовательно,—то, что въ

настоящее время доказывается съ большею для насъ убѣдительностію и раціональностію, то прежде доказывалось съ особой точки зрѣнія, сообразно съ тогдашнимъ способомъ представленія и пониманія. Въ настоящее время такой способъ доказыванія вызвалъ бы улыбку и обнаружилъ бы узкое одностороннее представленіе дѣла, но въ то время приведенный доводъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Не то это значитъ, чтобы полемисты не могли придумать другихъ соображеній въ доказательство равнаго достоинства славянскаго языка съ латинскимъ, греческимъ и еврейскимъ, но то, что произведенный аргументъ, заимствованный изъ св. Писанія, съ точки зрѣнія котораго тогда цѣнилось всякое знаніе, дѣлалъ излишними всякія другія доказательства, какъ второстепенныя.

Въ связи съ обвиненіемъ противъ употребленія и исключительнаго господства латинскаго языка стояло обвиненіе въ повсемѣстномъ допущеніи и распространеніи при богослуженіи музыкальныхъ инструментовъ вмѣсто голосоваго пѣнія. Правда, что величественные аккорды хорошаго орга́на, дѣйствуя на слухъ, производятъ въ душѣ необыкновенныя ощущенія радости и возвышеннаго душенастроенія, но ощущенія, производимыя въ душѣ игрою на музыкальныхъ инструментахъ, всегда неопредѣленны и смутны; орга́нъ не въ состояніи произвести тѣхъ ощущеній, какія возбуждаются стройными голосами пѣвческихъ хоровъ. Правда, несносно слушать нестройные голоса пѣвчихъ, но еще несноснѣе терзаетъ слухъ игра на дурныхъ музыкальныхъ инструментахъ, въ особенности на разстроенномъ орга́нѣ; первоначально, орга́ны, какъ всякое новое изобрѣтеніе, не были искусно устроены и доведены до такого совершенства, до какого довели ихъ нѣмецкіе мастера XIV столѣтія. Латинское богослуженіе, совершаемое на мертвомъ языкѣ, имѣло крайнюю нужду въ томъ, чтобы оно сопровождалось игрою на музыкальныхъ инструментахъ, для привлеченія въ храмы народа, который не понималъ латинскаго языка. Обычай употребленія музыкальныхъ инструментовъ, соединенный съ недопущеніемъ пѣнія голосоваго на понятномъ народномъ нарѣчіи, имѣли въ виду наши полемисты, обвиняя латинянъ въ „повелѣніи въ церквахъ игрецомъ играти и трубити въ божницѣ въ трубы, бубны и свирѣли“.

Помимо догматовъ и обрядовъ, тѣсно связанныхъ какъ самихъ по себѣ, такъ и въ сознаніи древне-русскаго человѣка, существенное различіе между латинствомъ и православіемъ состояло въ жизненныхъ основаніяхъ самой церковности, въ характерѣ іерархической власти, ея отношеніяхъ къ свѣтской власти и всему христіанскóму обществу. Что такъ понимали это различіе полемисты, можно видѣть, читая тѣ сочиненія, въ которыхъ осуждаются дурныя стороны католичества, какъ-то: произволъ римскихъ первосвященниковъ, свѣтское направленіе клира, безнравственное состояніе римскаго духовенства, зависящеее отъ незаконнаго запрещенія вступать бѣлому духовенству въ браки, вмѣшательство римской іерархіи въ дѣла политическія, насилованіе ими свободы другихъ. Различіе между православіемъ и католичествомъ сознавались такъ глубоко, что подмѣтить его можно не сразу, а послѣ долгаго анализа и изученія памятниковъ литературы и искусства. Такъ, размышленіе по поводу обвиненія противъ обычая латинянъ брить бороду, кромѣ національнаго отличія, наводитъ на болѣе глубокія соображенія; этотъ протестъ означаетъ то, что древне-русское пластическое искусство, развивавшееся подъ вліяніемъ византійскаго, усвоило особый взглядъ на красоту (физическую), соотвѣтствовавшій болѣе христіанскому міросозерцанію, чѣмъ древне-классическому, античному, которому подражало искусство западно-романское. Христіанское (византійское) искусство допускало въ свою область всякую молодую красоту, когда то было нужно, но цвѣтущей красотѣ не приписывало того значенія, какое имѣла она въ классическихъ идеалахъ. Красота внѣшняя уже потеряла въ христіанскомъ искусствѣ всю свою прежнюю обаятельность и обязательность; она стала только приличною обстановкою, скромнымъ вмѣстилищемъ заключенной въ ней духовной незримой святыни. Самая красота древне-христіанскихъ идеаловъ строга, задумчива. А потому въ искусствѣ византійскомъ, по преимуществу усвоившемъ себѣ строгія начала, сообразно теологическому (началу), господствуютъ типы старческіе, мужскіе и притомъ бородатые [1]). Конечно, не самой древней Руси при-

[1]) Истор. очер. Буслаев. т. 2. 221.

надлежитъ честь такого идеальнаго и глубокаго направленія въ искусствѣ, но Русь усвоила его отъ Византіи, выражая это направленіе въ пластикѣ въ отличіе отъ искусства романо-итальянскаго (латинскаго), чуждаго духовности и безстрастности. Древне-русская Церковь раздѣляла и выражала мысли своего собственнаго народа въ отношеніи къ латинству. Въ единодушіи Церкви и народа заключалась сила, противодѣйствовавшая стремленію латинства.

Нельзя назвать установившихся отношеній русской Церкви къ латинской нормальными въ обще-христіанскомъ смыслѣ, такъ какъ христіанская идея, носимая и осущевляемая каждою мѣстною Церковію, состоитъ не въ томъ, чтобы раздѣлять нравственно людей, хотя бы они принадлежали къ разнымъ народностямъ и племенамъ, но въ томъ, чтобы ихъ соединять и объединять. Но выразившіяся отношенія нашей Церкви къ латинству были нормальны и естественны въ смыслѣ историческомъ. Другими словами: древне-русская Церковь по отношенію къ латинству держала себя соотвѣтственно со своими умственными и нравственными средствами и условіями своего развитія. Подчиненная и зависимая въ теченіе всего древнѣйшаго періода, она успѣла въ то же время выработать для себя твердую точку опоры, на которой создалась и ея дальнѣйшая, болѣе или менѣе своеобразная судьба, — ту, говоримъ, точку опоры, въ измѣнѣ которой наша церковь не стѣснилась, въ періодъ своего окрѣпшаго нравственнаго роста, упрекнуть самую Византію, свою — нѣсколько было пошатнувшуюся — alma mater. Какъ прочна была бы эта точка опоры, если бы данъ былъ просторъ на Руси стремительному, на свой ладъ все чужое измѣнявшему латинству — это неизвѣстно, но при допущеніи простора латинства въ древней Руси умѣстно и основательно сомнѣваться въ цѣлостности и безраздѣльномъ значеніи греко-русскаго православія, какъ просвѣтительнаго, господствовавшаго въ древней Руси начала. Нельзя сказать, чтобы Русь не цѣнила успѣховъ знанія на Западѣ, что видно изъ вызова западныхъ мастеровъ [1]); луч-

[1]) Полное собр. р. лѣт. III. 238.

ніе русскіе люди не прочь были сблизиться съ Западомъ съ цѣлію — позаимствовать оттуда и воспользоваться полезными свѣдѣніями. Извѣстно, однако же, какая участь постигла двухъ иностранцевъ врачей (Антона и Леона), прибывшихъ въ Россію въ концѣ XV ст. (1485—1490). Много нужно было времени и неблагопріятныхъ условій, чтобы воспитать въ себѣ ту крайнюю подозрительность, съ которою русскіе относились къ западнымъ иностранцамъ и жертвою которыхъ сдѣлались упомянутые врачи [1]). Нужно замѣтить, что это было при Іоаннѣ III, въ княженіе котораго, благодаря особенно Софьѣ Палеологъ, стало замѣчаться сочувствіе къ западному просвѣщенію; представителями послѣдняго были пришедшіе на Русь итальянцы. Можно судить, каково было предубѣжденіе противъ западныхъ католиковъ во времена, предшествовавшія княженію упомянутаго князя. Но этому сближенію грозила опасность для вѣры, которая была выше всѣхъ разсчетовъ. И самъ Западъ, руководившійся тогда въ сферѣ политики и науки началами церковными, требовалъ, чтобы Русь купила успѣхи знанія цѣною измѣны вѣрѣ своей. Цѣною нашего одиночества и удаленія отъ Запада съ немалыми дурными послѣдствіями мы купили нравственную самостоятельность и политическое могущество, чего не было бы или что было бы въ меньшемъ видѣ, если бы древнѣйшая Русь примкнула къ Западу. Вслѣдствіе охраненія православія отъ всякаго соприкосновенія съ латинствомъ, въ древнѣйшей Руси не было почти ересей въ собственномъ смыслѣ, почему Іосифъ Волоцкій, авторъ „Просвѣтителя“, называетъ ересь жидовствующихъ первою ересью. Такъ какъ происхожденіе этой ереси приписывается стороннему вліянію, такъ какъ развитіе ея было сильно и существованіе ея прекратилось не сразу, несмотря на строгость мѣръ и серьезность полемики, то можно судить уже отомъ, сколько могло-бы быть броженія въ умахъ русскихъ въ случаѣ, если бы допущено было самостоятельное существованіе латинства въ древнѣйшей Руси. Такой можно усматривать смыслъ въ исторіи проявившихся отношеній древней-русской Церкви къ латинству.

Но не все то раціонально, что естественно и вѣрно исто-

---

[1]) Истор. медицины въ Россіи. Рихтера I т.

рически. Нельзя назвать нормальными отношеній древне-русской Церкви къ латинской съ обще-христіанской точки зрѣнія, со стороны той идеи всеобщаго братства, равенства и любви, предъ которою должны быть слабыми и безпрепятственными историческія и національныя условія, какъ тормазящія развитіе и осуществленіе христіанскихъ началъ, общественныхъ силъ и отношеній. Установившіяся замкнутыя отношенія къ латинству не остались безъ значительныхъ неблагопріятныхъ слѣдствій для самой Русской Церкви. Вредная сторона замкнутыхъ отношеній заключалась въ смѣшеніи и даже отожествленіи латинства, какъ принципа и организовавшагося церковнаго общества, съ тѣми лицами и обществами, которыя волей и неволей принадлежали къ латинству. Изъ такого смѣшенія двухъ далеко не тожественныхъ понятій происходило то неизбѣжное слѣдствіе, что замѣченные недостатки и односторонность во всемъ латинскомъ устройствѣ переносились на каждаго латинянина, на того, кто какимъ бы то ни было образомъ примыкалъ къ латинству. Одно представленіе о латинянинѣ, а тѣмъ болѣе соприкосновеніе съ нимъ, производило непріятное впечатлѣніе въ настроеніи древне-русскаго человѣка. Причину несправедливости князей стали искать въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, сближеніе съ которыми считалось въ древнѣйшую пору опаснымъ для вѣры и нравственности. Лѣтописца, какъ видно, сильно поразило необыкновенное прибытіе царевны Софьи Палеологъ и притомъ изъ Рима, одного имени котораго было достаточно для внушенія подозрѣнія и опасенія. Лѣтописецъ подробно говоритъ: „а пріѣздъ ея отъ нѣмецъ. И былъ съ ней владыка не по чину нашему облаченъ, на главѣ обвитъ глухо, яко каптуръ литовскій, и перстатицы на рукахъ непремѣнно, въ нихъ благославляетъ, и распятіе носятъ предъ нимъ, воткнутое на высокомъ деревѣ; онъ не поклоняется св. иконамъ, не творитъ на себѣ знаменія креста, только въ дому Св. Троицы знаменовался ко Пречистой, и то по повелѣнію царевны“ [1]). Въ появленіи, въ концѣ XV ст., католиковъ на Руси видѣли признакъ конца міра,—мнѣніе, въ то время бывшее обще-

[1]) I Псковск. лѣтоп. 244—245. (Правосл. собесѣд. 1860 г. 2.186—187).

распространеннымъ подобно тому, какъ сами католики видѣли то же самое въ появленіи ереси Лютера [1]). Считая латинянина отверженнымъ въ дѣлѣ вѣры и спасенія, древне-русскіе люди полагали печать отверженія на все то, что выходило изъ умственной, нравственной и практической житейской сферы латинянъ, хотя бы результаты развитія послѣдователей латинства были сами по себѣ добры, достойны подражанія и усвоенія и не касались интересовъ православія, не угрожали послѣднему никакою опасностію за его цѣлость и неприкосновенность [2]). Удаленіе отъ всего латинскаго доходило къ концу разсматриваемаго періода въ нѣкоторыхъ случаяхъ до крайности. Такъ, псковичи, получившіе отъ нѣмцевъ съѣстные припасы, опасались пользоваться ими, изъ боязни осквернiться, безъ разрѣшенія митрополита. Опасеніе это разсѣялъ митрополитъ (Фотій), позволяя „ясти и пити потребное, очистивъ то молитвою отъ іерея“ [3]). Такое предубѣжденіе противъ всего латинскаго настолько-же было ложно, насколько невыгодно для самихъ русскихъ, хотя послѣдніе въ отчужденіи отъ всего латинскаго видѣли одно благо. Эта невыгодная сторона дѣла отражалась какъ на самой церкви, такъ и обществѣ, по связи и нравственной зависимости послѣдняго отъ первой. Римская Церковь не только не уступала русской, но и превосходила ее по своей культурѣ, по составу и по своему громадному вліянію на тогдашнее европейское общество. Древне-русскіе церковные и литературные взгляды на латинство были таковы, что сужденіе, на основаніи ихъ, о сущности латинства было-бы наивно, ошибочно и даже уродливо. Полемическая литература противъ латинства представляла его съ такой стороны, что оно являлось однимъ искаженіемъ христіанства, даже противоположеніемъ и отрицаніемъ послѣдняго. Насколько нѣкоторые взгляды о латинствѣ были преувеличены, настолько же другіе неосновательны и голословны. Довѣріе греческому авторитету отклонило русскую Церковь отъ болѣе серьезныхъ собственныхъ наблюденій

---

[1]) Ibid. 282, 307.

[2]) Catholic. Rom. en Rus. Tolstoy. 1. 16—17.

[3]) Акт. истор. 1. № 22. Оп. изслѣд. о культур. знач. Визант. въ р. ист. 280 (Икон.).

и размышленій о Римской Церкви. Отсюда произошло смѣшеніе теоріи съ практикой, догмата съ обрядомъ, принципа съ приложеніемъ и выполненіемъ его въ жизни вѣрующихъ,—какимъ смѣшеніемъ проникнута, какъ видѣли, древне-русская церковная полемика противъ латинянъ. Вслѣдствіе знакомства и сближенія съ послѣдними, самые заслуженные упреки латинства за его ненормальности имѣли бы болѣе реальную подкладку, тонъ обличенія былъ бы легче въ виду того, что въ русской практикѣ не мало было такого, что стоило обличенія и исправленія. Понятно, это ослабило-бы древне-русскую самомнительность о своемъ полнѣйшемъ превосходствѣ надъ латинянами, которыхъ считали испорченными до того, что соприкосновеніе съ ними угрожало опасностію оскверниться. Раздѣляя церковный взглядъ на латинство, древне-русское общество чуждалась и боялось принимать и усвоять теоретическія и практическія свѣдѣнія, выработанныя латинскою, сравнительно высшею культурою Запада. Вотъ почему не видимъ мы указаній на то, чтобы въ древнейшей Руси были въ ходу латинскіе учители и латинскія книги; знанія латинскаго языка почти не было въ древней Россіи. Если оно и было, то вызывалось дипломатическими требованіями и составляло исключительную принадлежность толмачей, или было случайною роскошью двухъ-трехъ князей, любителей книжнаго дѣла (что требуетъ еще доказательства). Въ доказательство употребительности латинскаго языка въ древнѣйшей Руси ссылаются на князя Всеволода Ярославича (1030—1093 г.), котерый, по сказанію лѣтописи, зналъ пять языковъ, въ числѣ пяти языковъ поставляютъ и латинскій, какъ употребительный литературный и дипломатическій. Для ослабленія значенія приведеннаго извѣстія нужно имѣть въ виду то, что знаніе однимъ или нѣкоторыми лицами многихъ языковъ не доказываетъ общей (литературной и житейской) употребительности ихъ въ странѣ; извѣстно, что въ заграничныхъ городахъ, куда пріѣзжаютъ иностранцы, можно не рѣдко встрѣтить проводниковъ, которые говорятъ на многихъ языкахъ, изъ чего нельзя дѣлать, разумѣется, какія-либо заключенія. Еще страннѣе и затруднительнѣе дѣлать выводы изъ мнимаго языкознанія Всеволода о научной любознательности, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, доказывающіе въ то же время общее

древне-русское невѣжество [1]). Стремленіе г. Сухомлинова доказать изученіе и употребленіе латинскаго языка въ древній періодъ Россіи (какъ мы его опредѣлили) и предоставить изученіе и употребленіе его развитою и обычною потребностію и при-

[1]) Есть въ лѣтописи (Лаврент. 71 стр.) одно мѣсто, на основаніи котораго заключаютъ о развитіи въ древнѣйшей Руси языкознанія. Извѣстно, что Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи дѣтямъ говоритъ, что его отецъ (Всеволодъ) зналъ пять языковъ: его же не умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, тому ся учите: якоже отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ; въ томъ бо честь есть отъ иныхъ земель". По поводу этого извѣстія профессоръ Е. Голубинскій разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: человѣкъ, знающій 5 языковъ, не то что „бяше грамотѣ наученъ". Знаніе многихъ языковъ вовсе не такая хитрая вещь, какъ это иные предполагаютъ; въ заграничныхъ городахъ легко можно встрѣтить чичероне или гидовъ, которые говорятъ на множествѣ (?) языковъ. Но иное дѣло нужда и иное дѣло отсутствіе нужды. Положимъ, что два изъ нихъ—варяжскій и половецкій—онъ изучилъ практически и для практич. цѣлей; но остаются еще три. Для объясненія необходимо предположить другія цѣли, каковы цѣли—научной (?) любознательности. Отсюда, Всеволода можно считать человѣкомъ образованнымъ. Можно думать, что образованіе и всѣхъ другихъ сыновей Ярослава, равно какъ и сыновей Владиміра, состояло не въ томъ только, что бяху грамотѣ наученіи (Истор. рус. церкв. 1 т. 585—586). Въ опроверженіе мыслей почтеннаго профессора нужно сказать, что, кромѣ варяжскаго и половецкаго языковъ, Всеволоду для практическихъ цѣлей нужно было знать языки торковъ, ляховъ, камскихъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, съ которыми русскіе имѣли частыя войны и сношенія. Такимъ образомъ, выходитъ уже болѣе пяти языковъ, на которыхъ, по одинаковымъ потребностямъ, могъ говорить Всеволодъ—любимый сынъ Ярослава, безутлучно находившійся при отцѣ. По нашему мнѣнію, знаніе Всеволодомъ языковъ было совершенно практическое а нетеоретическое разумѣемъ греческій. и латинскій языки); на это указываетъ слово „изумѣяше", что значитъ умѣть, владѣть, пользоваться съ легкостью, тогда какъ для выраженія знанія теоретическаго употребляются глаголы „разумѣть", „вѣдать". Такъ какъ дворъ Ярослава былъ открытъ для иностранцевъ, искавшихъ въ немъ знакомства, убѣжища и почетной службы, то практическія цѣли стояли на первомъ планѣ, и достиженіе ихъ требовало меньшихъ усилій въ сравненіи съ изученіемъ языковъ латинскаго и греческаго. Отсюда, Всеволодъ легко могъ научиться владѣть пятью языками отъ разноплеменныхъ иностранцевъ, служившихъ и жившихъ у отца своего Ярослава. Добавимъ, что Ирина, жена Ярослава, *какъ норвежка*, могла еще болѣе способствовать Всеволоду въ усвоеніи имъ природнаго языка матери. Такимъ образомъ, вмѣсто латинскаго и греческаго языковъ, Всеволодъ имѣлъ возможность, большую охоту и потребность усвоить живые языки людей, съ которыми ему приходилось имѣть личныя отношенія. а можетъ быть и дружбу.

знакомъ древне-русской образованности остается безплоднымъ, несмотря на усилія Сухомлинова доказать свою мысль не лишенными интереса, но гадательными предположеніями и ссылками на Татищева, свидѣтельства котораго справедливо заподозрѣла историческая критика [1]). Если бы г. Сухомлиновъ, скорый на предположенія по свойству вообще филологовъ, не упустилъ изъ виду предположенія о связи въ древней Руси латинскаго языка съ латинствомъ, то почтенный ученый нѣсколько сдержался-бы въ скорости выводовъ. Если можно принять случаи употребленія латинскаго языка для исторіи языкознанія въ древнѣйшей Руси, то нельзя еще считать эти случаи доказательствомъ культурнаго, господствовавшаго значенія латинскаго языка въ указанное время. Можно сказать, что насколько древне-русскіе книжники предубѣждены были противъ латинства, настолько и противъ латинскаго языка, по тѣсной и даже причинной связи между языкомъ и литературными памятниками его (особенно послѣ раздѣленія Церквей). Если по знанію и употребленію языка можно заключать о направленіи и характерѣ образованности народа, что признаетъ и г. Сухомлиновъ, то можно дѣлать и обратное, по достоинству одинаковое съ первымъ, умозаключеніе: отъ характера образованности можно заключать объ употребленіи и процвѣтаніи извѣстнаго языка. Изученіе характера древне-русской образованности не приводитъ къ тому, чтобы изученіе и употребленіе латинскаго языка было дѣломъ обычнымъ въ древней Руси, о чемъ будто-бы лѣтописцы не упоминаютъ, какъ дѣлѣ извѣстномъ, постоянномъ и ни для кого не новомъ. [2]). Такъ думалъ г. Сухомлиновъ. Странное заключеніе. Если употреблять такой способъ умозаключенія въ историческихъ изслѣдованіяхъ, то древней Руси можно

---

[1]) Подъ 1180 г. „о смоленскомъ князѣ Романѣ Ростиславичѣ, по поводу его смерти, Татищевъ (3 т., 238 стр.) говоритъ, что князь былъ вельми ученъ всякихъ наукъ, (онъ) къ ученію многихъ людей понуждалъ, устрояя на то училища и учителей, грековъ и латинистовъ своею казною содержалъ и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ. Между тѣмъ въ ипат. лѣтописи, откуда могъ заимствовать Татищевъ вышеприведенное мѣсто, ничего не говорится ни объ учености князя Романа, ни о латинскихъ учителяхъ.

[2]) См. о языкознан. въ др. Руси.

приписать что угодно, отчего, конечно, извратится, а не разъяснится ея исторія: мало-ли лѣтописцы о чемъ умалчиваютъ? Ужели отсюда слѣдуетъ, что они не упомянули преднамѣренно потому, что не считали этого важнымъ? Знаніе латинскаго языка князьями и употребленіе его въ школахъ частныхъ не были такими обыденными явленіями въ древнѣйшей Руси, чтобы считать ихъ незаслуживающими вниманія лѣтописцевъ. Въ 1505 г. новгородскіе намѣстники прислали, в. кн., Ивану Васильевичу III, по какому-то дѣлу, грамоту" цесарскаго короля да испанскаго короля. И тое, государь, грамоты у насъ перевести некому, и мы, государь, послали тѣ грамоты къ тебѣ" [1]). Если въ началѣ XVI в., въ который, по мнѣнію г. Сухомлинова, настала для латинскаго языка цвѣтущая пора, въ Новгородѣ не нашлось никого, кто могъ-бы перевести грамоту, писанную, конечно, на латинскомъ языкѣ, какъ языкѣ дипломатическомъ, то что же можно сказать объ употребительности латинскаго языка въ предшествовавшее время и не въ Новгородѣ, котораго благосостояніе, умственное и экономическое (сравнительно съ другими городами) и потребности побуждали имѣть то, что, по мнѣнію г. Сухомлинова, было обычнымъ явленіемъ гораздо раньше, не говоря уже о началѣ XVI ст., когда у насъ начались частыя дипломатическія сношенія, когда противъ иностранцевъ стали слышаться жалобы[2]),—когда, по мысли г. Сухомлинова, долженъ начаться періодъ процвѣтанія латинскаго языка? Если продолжать дѣлать выводы изъ умозаключенія г. Сухомлинова, то можно придти къ слѣдующему: такъ какъ новгородскій лѣтописецъ не говоритъ ничего о томъ, что въ Новгородѣ въ 1505 г. не нашлось ни одного человѣка, кто могъ бы перевести вышесказанную грамоту, то это значитъ, что невѣжество въ латинскомъ языкѣ было такимъ обычнымъ фактомъ, о которомъ лѣтописецъ не счелъ нужнымъ и говорить. Дѣйствительно, малоупотребительность латинскаго языка въ древнѣйшей Руси нужно признать фактомъ, объясняемымъ какъ тогдашнимъ скуднымъ и односторонним образованіемъ, такъ и предубѣжденіемъ противъ

[1]) Памят. дипломат. снош. древ. Руси съ иностран. держ. т. I. 125.
[2]) Пр. соб. 1860 г. 2. 186—187. (Псков. 1. 244—245).

латинскаго языка. Источникомъ образованія въ древнѣйшей Руси (т. е. до XVI ст.) была Византія и церковно-славянская письменность. Изъ Византіи приходили къ намъ ученые греки-митрополиты и епископы; изъ Византіи и Болгаріи распространялись на Руси всѣ книги, бывшія въ ходу у русскихъ грамотныхъ людей указаннаго времени. Перечень писателей[1]) и книгъ, которыя переводились, читались и изучались на Руси, говоритъ мало въ пользу употребленія въ древней Руси латинскаго языка, какъ образовательнаго элемента; латинскій языкъ не могъ пользоваться уваженіемъ по предубѣжденію къ нему, котораго (предубѣжденія) не чужды замѣчательныя лица гораздо позднѣйшаго времени. „О, сколь велікое благо, писалъ Епифаній Славеницкій"—ясный лучъ греческаго ученія, разрушающій тьму мрачнаго невѣдѣнія, озаряющій востокъ и западъ"[2]). „Рекшему честности твоей,— писалъ Іерусалимскій патріархъ Досифей дьяку Полянскому, не учитися дѣтямъ вашимъ елліпски, но латински, рцы ему первое, яко древнее священное писаніе Св. Духъ на еллинскій языкъ претолкова, а не на иный. Рцы второе: яко оный предпочитаетъ и употребляетъ во свидѣтельство вся каѳолическая Христова Церковь, но и сами еретики, понуждаеміи отъ истины. Рцы третіе: св. Евангеліе и дѣянія апостольская и писанія св. Апостолъ елліпски написахуся. Рцы четвертое: вселенскіе соборы елліпи имѣяху; бѣяху же (на соборахъ) и франки, два или три, и не больши. Рцы пятое: избраннїи изъ отцевъ бѣху елліпи. Рцы шестое: восточніи отцы суть западныхъ учители. Рцы седьмое: завѣщанія и канонъ св. апостолъ елліпски написахуся. Рцы осьмое: символъ апостольскій и символъ 1-го вселенскаго собора и предѣлы прочихъ (соборовъ) елліпски написахуся. Девятое: божественные обычаи, типы и утвержденія самодержцевъ о вѣрѣ и вселенскихъ соборовъ — елліпски написахуся. Десятое: церковніи историки древніи елліпи были. Единодесятое: и самый языкъ латинскій — половина есть греческаго. Убо несравнительно предпочитается еллинскій языкъ отъ латин-

[1]) Прав. Соб. 1860 г. 1. 182—236.

[2]) Изуч. визант. истор. въ древн. Руси. Терновск. 2. 197.

ского, и кто предпочитаетъ латинскій, есть еретикъ и отступникъ, и еще яко на латинскомъ языкѣ написана суть толпкая ереси, паче безбожества... и яко отъ церковныхъ латыны испадоша и удалишася, тако и внѣшняя разодраша и осквернища“ [1]). Приведенное мнѣніе о латинскамъ языкѣ хотя и принадлежитъ позднѣйшему времени (XVII в.), но по своей сущности согласуется съ представленіями и взглядами о латинствѣ, какіе были господствующими на Руси въ указанный періодъ. Это предубѣжденіе противъ латинства и латинскаго языка не допустило на Русь не только западно-романской средневѣковой литературы, но и западныхъ учителей Церкви, мнѣнія которыхъ не уважались въ Византіи. Отсутствіе на Руси той свѣтской (и либеральной западной церковной) классическо-романской литературы, которую не безъ пользы принялъ и усвоилъ латинствовавшій Западъ, говоритъ противъ мысли объ употребительности въ древнѣйшей Руси латинскаго языка [2]).

Отсюда-же можно заключать о незначительности общихъ литературныхъ связей древней Руси съ западною письменностію. Рѣшеніе вопроса о вліяніи западно-романской литературы на древне-русскую письменность не входитъ въ нашу задачу. Касаемся этого вопроса потому, что отрицательное направленіе къ Западу въ сферѣ церковной имѣло вліяніе на взаимоотношеніе русской и западной свѣтской письменности; подозрительность и осторожность къ произведеніямъ западнаго происхожденія препятствовали литературнымъ сближеніямъ, заимствованіямъ и подражаніямъ. Въ доказательство слабости и ничтожности вліянія западной литературы на древнѣйшую русскую можно указать на преобладаніе и господство у насъ произведеній, перешедшихъ съ юго-запада, отъ грековъ и славянъ. Есть мнѣніе, что западная литература имѣла не малое вліяніе на древне-русскую [3]). Своимъ происхожденіемъ это мнѣніе обязано успѣхомъ сравнительному языкознанію въ памятникахъ народнаго творчества. Изученіе подобныхъ памятниковъ приводитъ къ признанію значительнаго сходства

[1]) Объ изуч. Визант. истор. въ древн. Руси, Терновскаго. 2. 197—198.
[2]) О языкознаніи въ древней Руси Сухомлинов. (СПБ. 1854 г.)
[3]) Труд. Кіев. Дух. Акад. 1872 г.

въ воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ и преданіяхъ западно-европейскихъ народовъ, въ составъ которыхъ входили и славянскія племена; сходство это подтверждается близостью и однородностію словъ, оборотовъ рѣчи, эпическихъ героевъ и историческихъ лицъ. На основаніи этихъ сходствъ нѣкоторые дѣлаютъ заключенія о литературномъ общеніи между Россіею и Западомъ. Но это мнѣніе не можетъ быть принято по многимъ соображеніямъ: во 1-хъ, замѣчаемое сходство указываетъ на единство происхожденія европейскихъ народовъ и относится къ временамъ отдаленнымъ, доисторическимъ; во 2-хъ, до сихъ поръ весьма мало извѣстно литературныхъ памятниковъ, указывающихъ на литературныя связи; въ 3-хъ, въ извѣстныхъ памятникахъ очень трудно отличить русскій элементъ отъ чужеземнаго. Древне-русскіе памятники (былины и пѣсни) народнаго творчества, относящіеся ко временамъ историческимъ, вполнѣ самостоятельны и чисто русскаго характера. Въ примѣръ литературнаго сближенія между Россіею и Западомъ приводятъ находящіяся въ лѣтописяхъ того и другого извѣстія о нѣкоторыхъ событіяхъ—въ русскихъ о Западѣ, въ западныхъ—о Россіи: такъ, Матвѣй парижскій занесъ въ свою хронику сочувственную замѣтку о нашествіи на Россію татаръ, а въ нашей лѣтописи подъ 1190 г. говорится сочувственно о крестоносцахъ. Но подобныхъ свѣдѣній такъ мало, что мы не можемъ указать на нѣкоторыя изъ нихъ. Съ другой стороны заключать на основаніи ихъ о литературныхъ сближеніяхъ никакъ нельзя. Далѣе, намъ извѣстно, что въ русскихъ лѣтописяхъ есть извѣстія о крестоносцахъ, взявшихъ Царь-градъ въ 1204 г., совершенно не въ пользу ихъ. Странно, въ самомъ дѣлѣ, допустить свободное литературное общеніе при существованіи господствовавшаго предубѣжденія и литературной полемики противъ латинства, его ученія, учрежденій, нравовъ и направленія послѣдователей; въ древнѣйшей Руси не было замѣтно проводимыхъ сознательно и настойчиво противоположныхъ теченій въ умственной теоретической сферѣ. Правда, отрицательное отношеніе къ западнымъ иновѣрцамъ и ихъ ученію принадлежало преимущественно греческимъ и русскимъ духовнымъ лицамъ, заботливо охранявшимъ православную вѣру отъ сторонннхъ вліяній,—простой-же народъ и

иногда сами князья не знали существенной разницы между православіемъ и католичествомъ, а посему не могли совершенно чуждаться иноземцевъ-латинянъ. Но это не говоритъ противъ нашей общей мысли объ отсутствіи литературнаго общенія. Мы не разъ говорили о томъ, что Церковь была господствующимъ, образовательнымъ началомъ въ древнѣйшей Руси; князей, не знавшихъ разницы между православіемъ и латинствомъ, было мало; не знавшіе спрашивали объ этой разницѣ у митрополитовъ и другихъ духовныхъ лицъ; чѣмъ болѣе наша исторія подвигалась впередъ, тѣмъ пониманіе князьями различія между латинствомъ и православіемъ становилось обязательнѣе и глубже. Если простой народъ не могъ понимать разницы той и другой вѣры, то съ другой стороны невозможно говорить о какомъ либо вліяніи на него произведеній западныхъ: допускаемъ это вліяніе, но въ этомъ случаѣ оно можетъ лишь относиться къ области *психологіи* народа, а не къ его *исторіи*; мы вращаемся въ области послѣдней, а не первой.

Другое дѣло, когда вліяніе Запада пріурочивается къ извѣстнымъ историческимъ эпохамъ и лицамъ. Сюда относятся сказанія о жизни нѣкоторыхъ лицъ западнаго происхожденія, сдѣлавшихся русскими святыми. Таковы были: Прокопій юродивый Устюжскій (1303 г.) „отъ латинскаго языка“, Меркурій Смоленскій—родомъ римлянинъ, и Антоній Римлянинъ (XII в.). Существованіе сказаній объ этихъ святыхъ указываетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на бывшія близкія и тѣсныя сношенія рускихъ (пограничныхъ) съ Западомъ, а самыя житія составлены съ цѣлію освятить примѣрами св. мужей заимствованія русскими съ Запада въ литературной сферѣ. Но, по нашему мнѣнію, не литературными, а другими причинами нужно объяснять какъ сказанія о трехъ указанныхъ лицахъ, такъ и самое существованіе ихъ (лицъ) въ числѣ русскихъ святыхъ.

Жизнь и дѣянія Меркурія Смоленскаго, Прокопія Устюжскаго и Антонія Римлянина полны легендарности и таинственности. Нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ происхожденіи означенныхъ лицъ отъ рода латинскаго. Принадлежность ихъ къ русской Церкви, соединенная даже съ признаніемъ за ними свя-

той жизни, имѣетъ глубокій смыслъ и значеніе въ разсматриваемомъ нами вопросѣ. Смоленскъ и Новгородъ, гдѣ составились сказанія о жизни Меркурія и Антонія, дѣйствительно были мѣстами, въ которыхъ, вслѣдствіе близости съ Западомъ, переходъ отъ латинства къ русскому православію могъ быть легче. Г. Буслаевъ въ легендѣ о св. Меркуріи, какъ героѣ, защитившемъ Смоленскъ отъ татаръ, видитъ сочувствіе смольнянъ къ нѣмцамъ и уваженіе къ ихъ благороднымъ качествамъ, каковое сочувствіе къ нѣмцамъ смольняне ничѣмъ лучше не могли засвидѣтельствовать, какъ признаніемъ нѣмецкаго происхожденія въ своемъ великомъ героѣ и защитникѣ. Подобно тому, какъ Ростовъ (продолжаетъ развивать свою мысль Г. Буслаевъ), грустно примиряясь съ татарщиной, составилъ легенду о татарскомъ царевичѣ Петрѣ, — и Смоленскъ, съ надеждою (?) обращавшій взоры на Западъ Европы, хотя и безсознательно, превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія (?) и противопоставилъ его восточному насилію и варварству [1]). По нашему мнѣнію, больше основаній видѣть въ легендѣ о Меркуріи другой смыслъ, а не тотъ, какой усматриваетъ г. Буслаевъ, давно замѣченный въ идеализаціи древне-русской жизни. Правда, что смольняне могли уважать рыцарскія подвиги въ св. Меркуріи, но гораздо больше этихъ подвиговъ стояла въ глазахъ смольнянъ его *вѣра*, преданность русскому православію; легенда во всѣхъ фазахъ (редакціяхъ) своего развитія носитъ характеръ преимущественно религіозный, а не поэтическій! Вотъ почему Меркурій представляется болѣе послушнымъ чудодѣйственнымъ христіаниномъ, чѣмъ сказочнымъ героемъ наподобіе Ильи Муромца и др.; по преобладанію нравственныхъ свойствъ, онъ болѣе рыцарь духовный, чѣмъ Паладинъ Карла Великаго. Потому и побѣждаетъ онъ враговъ силою Божіею, а не физическою, помощію Богородицы, а не хитростію и искусствомъ. Итакъ, легенда не заключаетъ въ себѣ того, чтобы видѣть въ ней олицетвореніе западнаго просвѣщенія въ противоположность восточному варварству; объ этомъ нѣтъ и помину. Что касается до того, будто-бы въ легендѣ должно видѣть

[1]) Ист. очер. др.-рус. слов. и искус. Ѳ. Буслаева. II. 197.

надежду смольнянъ на Западъ противъ опасности отъ татаръ,— надежду, подкрѣпляемую признаніемъ въ нѣмцахъ рыцарскихъ качествъ, то вспомнимъ, что то быловремя Романа и Даніила, галицкихъ князей, когда западные сосѣди были врагами Россіи въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, нападенія и козни которыхъ успѣшно сдерживали означенные два князя, такъ-что олицетвореніе въ легендѣ св. Меркурія образовавшейся въ это время надежды на Западъ было-бы противорѣчіемъ историческимъ фактамъ и событіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ слагается устная народная легенда. Нельзя видѣть въ этой повѣсти и слѣдовъ сношеній Смоленска съ Ригою, готскимъ берегомъ и нѣмцами, какъ думаетъ г. Буслаевъ, по той простой причинѣ, что легенда считаетъ Меркурія отъ римскихъ пазухъ, исповѣдывавшихъ греческую вѣру, чѣмъ ясно указывается на южное происхожденіе Меркурія. Если бы было иначе, т. е. если бы бывшія сношенія Смоленска съ Ригою предполагались легендою о св. Меркуріи, то послѣдняго легенда не упустила бы назвать пришедшимъ отъ нѣмцевъ. Такъ, Исидора лѣтописи всегда называютъ пришедшимъ отъ Рима; точно также Софью Палеологъ чаще называютъ пришедшею отъ Рима, нежели отъ нѣмецъ [1]). Правда, что понятія отъ Рима, отъ латинства и отъ нѣмецъ въ отечественныхъ памятникахъ смѣшиваются, отожествляются [2]), но это не всегда замѣчается. Въ повѣствованіи лѣтописи о событіяхъ сѣверо-западной и западной Руси, куда присоединяется и смоленская область, преобладаетъ названіе отъ „нѣмецъ“ въ приложеніи къ католическимъ сосѣдямъ, особенно если событіе и взглядъ на него лѣтописца вращаются въ области не церковной [3]); если событіе принадлежитъ къ сферѣ церковной, то, по отношенію къ католикамъ, преобладаетъ названіе латинства, папежества [4]); названіе же отъ Рима и папежей усвояется тому, что непосредственно относится къ интересамъ и дѣйствіямъ римской Церкви и что разсматривается, какъ

[1]) Срав. пол. соб. р. лѣт. т. VI. 152. 1. Пов. лѣт. 244.

[2]) Рос. лѣт. изд. 1784 г. 1. 23.

[3]) Рос. лѣт. 29—30; 43—42. Полное собраніе рус. лѣт. VI. 140.—141. (2-я Соф. лѣт.)

[4]) Полн. собр. рус. лѣт. VIII. 160—161; VI. 169.

противоположное, несогласное съ русскимъ православіемъ и взглядами русскихъ [1]). Эпитетъ „римлянинъ“, означающій національную принадлежность лица, употребляется въ добромъ смыслѣ [2]), въ каковомъ смыслѣ онъ и прилагается къ Меркурію; поэтому нѣтъ основаній видѣть въ легендѣ слѣды сношеній Смоленска съ Ригою, тѣмъ болѣе, что эти сношенія имѣли чисто торговый, промышленный интересъ, поэтому было-бы несообразно вводить въ легенду духовнаго содержанія совершенно чуждый элементъ. Итакъ, ни содержаніе легенды о св. Меркуріи, ни историческія данныя, современныя возникновенію легенды, не даютъ основаній видѣть въ легендѣ то, что признаетъ въ ней г. Буслаевъ. Чтобы указать настоящее значеніе легенды о св. Меркуріи, нужно взять ее въ связи съ сказаніями о жизни Антонія Римлянина и Прокопія Устюжскаго, перешедшихъ въ православіе отъ латинскія вѣры. Отдѣльныя черты жизни каждаго изъ трехъ святыхъ, разсматриваемыя съ точки зрѣнія взглядовъ древне-русской Церкви на латинство въ его отношеніи къ православію, даютъ основаніе для составленія общаго понятія о значеніи поименованныхъ святыхъ. Съ этой именно точки зрѣнія нужно смотрѣть на сказанія этихъ святыхъ потому, что она была господствующею, была въ древнѣйшей Руси критеріемъ для оцѣнки достоинствъ человѣка, къ какой-бы сферѣ дѣятельность его ни относилась. И если съ нею согласовалась во многомъ народная фантазія, то ей необходимо подчинялась искусственная лирика, что можно видѣть изъ сказанія о св. Меркуріи, о римскомъ происхожденіи котораго упоминаетъ искусственная духовная лирика, а народный эпосъ объ этомъ не говоритъ.

1) Св. Меркурій употребилъ свои рыцарскія доблести на защиту правовѣрныхъ смольнянъ отъ невѣрныхъ татаръ. Такой благородный и чудесный подвигъ онъ совершилъ благодаря тому, что былъ благочестивъ, исповѣдывалъ православную вѣру, одинаковую съ смольнянами и со всѣми русскими. Совершить такой подвигъ по порученію Божію Меркурій не

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей 3, 67, 113. (1-я Нов. лѣт.) Рос. лѣт. 297.

[2]) Ibid. IX. 56. 90.

удостоился-бы, если бы онъ былъ не православной, латинской вѣры; хотя онъ былъ иностраннаго происхожденія, но *вѣра* его сдѣлала героемъ и прославила. Легенда не столько удивляется благороднымъ качествамъ св. Меркурія, сколько тому, что они употреблены были цѣлесообразно на защиту христіанъ, православныхъ жителей Смоленска.

2) Употребилъ цѣлесообразно свои духовныя дарованія и преподобный Антоній Римлянинъ, посвятившій себя на служеніе Богу въ области новгородской, куда онъ прибылъ, по сказанію, изъ Рима, гдѣ его гнали впадшіе въ ересь латиняне за преданность православію, — гдѣ онъ слѣд. не могъ удовлетворить своему высокому желанію—беззавѣтно предаться богомыслію и жизни отшельника [1]).

3) Прокопій Устюжскій (1303 г.), будучи отъ латинскаго (нѣмецкаго) языка и вѣры, по переходѣ въ православіе принялъ на себя юродство и нищету, оставивши богатство, какое было пріобрѣлъ, ведя обширную торговлю. Въ Новгородѣ, куда онъ пріѣхалъ съ своими земляками и товарищами по торговлѣ, плѣнила пришельца не торговля, а истинная, православная Христова вѣра; онъ плѣнился, между прочимъ, поклоненіемъ святымъ иконамъ, святымъ пѣніемъ и чтеніемъ книгъ святыхъ, множествомъ обителей, окружавшихъ Новгородъ. За святой образъ жизни, состоявшій въ постѣ, молитвѣ и разнаго рода лишеніяхъ, Прокопій сподобился дара прозрѣнія въ будущее и своею молитвою предотвратилъ бѣдствіе (лѣсоломная буря и каменный градъ), готовое было разразиться надъ Устюгомъ [2]). „Блаженный сей мужъ“, сказано въ похвальномъ словѣ Прокопію, „вся божественная ученія въ сердцѣ своемъ собра и отвержеся родителей и дому своего, и во слѣдъ Христа своего Бога потече, и странникъ въ чужой земли явися, яко птица, парящая по воздуху, во время красновидныя вины—царицы временъ къ странамъ нашимъ и въ дубравахъ вселяется и сердца человѣкомъ услаждаетъ“.

Таковы, по сказаніямъ, частныя черты жизни трехъ сдѣлавшихся на Руси лицъ иностраннаго происхожденія святыми.

---

[1]) Правосл. Собесѣд. 1858 г. 1. 157—171.

[2]) Ист. р. слов. Шевыр. 3. 67—68.

Общая, связующая ихъ мысль состоитъ въ томъ, что православная Русь представляется мѣстомъ, гдѣ эти лица, во 1-хъ, угодили Богу, спаслись и, во 2-хъ, принесли пользу православнымъ людямъ. Намъ ничего неизвѣстно о жизни Меркурія до прибытія его на Русь, въ Смоленскъ;—изъ этого можно заключить, что легенда какъ-бы игнорируетъ то, что совершилось и могло совершиться въ жизни Меркурія внѣ Руси, въ странахъ римскихъ. Антоній Римлянинъ, при всемъ желаніи совершить свое спасеніе, не могъ сдѣлать этого въ Римѣ, который впалъ въ латинство и гналъ православіе; желанія Антонія исполнились на Руси; Русь привлекала къ себѣ и Прокопія, сдѣлавшагося изъ нѣмца латинской вѣры православнымъ русскимъ. Итакъ, православная вѣра выше нерусской, западной, иностранной, латинской, какъ по принципу (ученію и учрежденіямъ), такъ и по проявленію, опыту: преимущество русской вѣры побудило Прокопія оставить латинство; фанатизмъ Рима не позволялъ Антонію жить и (оставаться) спасаться на мѣстѣ родины; высшая сила таинственнымъ и чуждымъ образомъ указала ему Русь, какъ мѣсто спасенія; за подвигъ въ Руси Меркурій сдѣлался святымъ. Прямое заключеніе отсюда то, что вѣра православная, русская истинна и благотворна, какъ показываютъ примѣры св. Меркурія, Антонія и Прокопія, подвизавшихся и прославившихся въ этой вѣрѣ; чтобы сблизиться съ русскими, нужно быть православнымъ. Не на это ли церковное, какъ возможное и желательное, сближеніе указываетъ легенда о св. Меркуріи? Возможность такого предположенія основывается, во 1), на церковно-религіозномъ характерѣ легенды о Меркуріи и, во 2), на господствовавшихъ взглядахъ объ отношеніи русскихъ къ католикамъ въ то время, когда возникла легенда. Кіевскій митрополитъ, полемистъ Никифоръ (1104—1121), послѣ обвиненія латинянъ въ разныхъ заблужденіяхъ, дѣлаетъ такой выводъ: того ради (вслѣдствіе заблужденія) не пріемлетъ ихъ (т. е. латинянъ) святая Церковь соборная въ единеніе... Намъ-же православнымъ не достоитъ съ ними ни ясти, ни пити, ни цѣловать ихъ, своихъ дочерей не давати за нихъ, ни у нихъ поимати, ни брататися“ [1]). Тѣ-же

[1]) Обз. пол. соч. прот. лот. А. Попова. 71, 116.

взгляды на отношенія къ латинянамъ высказывались и дѣйствовали въ XIII в. Итакъ, свободное и полное сближеніе съ иностранцами - католиками мыслится подъ необходимымъ условіемъ принятія ими православныя вѣры; она одна можетъ сдѣлать и дѣлаетъ чужихъ своими, дальнихъ—ближними, словомъ, — даетъ возможность заявить себя во всѣхъ видахъ дѣятельности, даже такихъ, какіе въ древнѣйшей Руси считались идеальными, шествовать по которымъ рѣшались только избранные: дѣятельность св. Меркурія, пр. Антонія Римлянина и устюжскаго юродиваго Прокопія служатъ подтвержденіемъ этой мысли.

Мы не ставимъ въ упрекъ древне-русской Церкви то, что она своимъ взглядомъ на латинство и вліяніемъ на русское общество задерживала послѣдніе отъ сближенія съ католическимъ Западомъ, раннее знакомство съ которымъ принесло-бы Россіи пользу въ культурномъ отношеніи. То, что сказано нами относительно замкнутости и отчужденности русской Церкви отъ латинства и ихъ слѣдствіе, сказано съ нашей современной точки зрѣнія, въ томъ смыслѣ, *что* былобы *желательно* отъ отношеній русской Церкви къ римской (церкви). Но желать гораздо легче, чѣмъ выполнить желаніе. Древне-русская Церковь въ этомъ отношеніи поступить иначе въ высшей степени затруднялась, какъ по своему іерархическому, зависимому положенію отъ Греціи, такъ и по другимъ не менѣе важнымъ причинамъ. Главнѣйшая изъ нихъ заключалась въ громадныхъ притязаніяхъ папства, произволъ и злоупотребленіе котораго Россія на себѣ испытала. Въ этомъ смыслѣ русская Церковь такъ же права, какъ права въ отношеніи къ Риму и Византія, порвавшая единеніе съ несправедливымъ Римомъ. Утраченнаго единства между Востокомъ и Западомъ русская Церковь не могла возстановить, конечно, если-бы и захотѣла: понятое латинствомъ церковное единство такъ было ложно, противно духу вселенской Церкви, что въ концѣ древнѣйшаго русскаго періода въ самомъ латинствѣ (католичествѣ) произошелъ разрывъ (реформація), поведшій къ важнымъ послѣдствіямъ, отразив-

шимся на церковномъ и общественномъ сознаніи русскихъ. Мы поэтому не согласны съ взглядомъ г. Пыпина на причины замкнутости и отчужденности древне-русской Церкви отъ латинскаго Запада. Причину установившихся отношеній къ Западу г. Пыпинъ видитъ въ одномъ русскомъ народѣ и вліяніи Византіи (т. е. обвиняетъ русскую Церковь, какъ направлявшую и руководившую общественнымъ мнѣніемъ) [1]). Но онъ упустилъ изъ виду то, какъ смотрѣло и относилось къ древней Руси само латинство. Какъ папы, такъ и его сторонники смотрѣли на вѣру русскихъ, какъ на схизму,— преслѣдованіе этой схизмы и ея сторонниковъ они считали своимъ долгомъ. По своимъ взглядамъ на русскую Церковь, насильственнымъ и притязательнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ ней (преимущественно въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ великорусскаго центра и потому беззащитныхъ, какова юго-западная Русь), латинство представлялось чѣмъ-то чуждымъ, враждебнымъ, отъ чего древнѣйшая Русь считала долгомъ удаляться и защищаться въ случаѣ нападенія. Дѣйствія латинства—одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, изъ которыхъ образовались отношенія нашей Церкви къ нему. Если-бы г. Пыпинъ взялъ во вниманіе это, то онъ нѣсколько иначе отнесся-бы къ „Византійскимъ традиціямъ“, которымъ подчинялась древне-русская Церковь въ ея отношеніи къ Западу. Византійская традиція является, такимъ образомъ, у г. Пыпина болѣе фразою, чѣмъ строго-историческимъ сужденіемъ. Далѣе, г. Пыпинъ о роли древней Руси въ обще-европейской исторіи разсуждаетъ такимъ образомъ: „въ обще-историческомъ отношеніи русское племя поставлено было въ положеніе, которое было его бѣдствіемъ и его заслугой: наплывъ древне-азіатскихъ племенъ, начавшійся съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи, издавна проходитъ чрезъ землю русскаго племени; за гуннами, аварами здѣсь прошла венгерская орда, печенѣги, половцы, наконецъ, послѣднее древне-азіатское нашествіе монголовъ; русская земля, одно время почти совсѣмъ затопленная волной нашествія, одна оставалась представительницею юго-восточнаго православнаго славянства, когда юго-славян-

[1]) Вѣстн. Евр. 1875 г. окт. 654.

скій міръ, нѣкогда связанный съ древнею Русью въ религіи и образованности, палъ политически, она (древняя Русь) избавилась, наконецъ, отъ ига, но еще долго должна была вести борьбу съ Востокомъ. Эта борьба съ Востокомъ была великимъ бѣдствіемъ для русскаго племени—она разорвала надолго національную цѣлость сѣверной и южной Руси, задержала умственное развитіе, отнявъ много силы на матеріальную защиту національности и отдѣливъ Россію отъ европейскаго Запада... Въ европейской исторіи древняя Россія оказала этой борьбѣ величайшую услугу: она вынесла на своихъ плечахъ страшныя азіатскія нашествія, и тѣмъ дала Западу возможность вести дѣло, не тратя силъ на защиту отъ Азіи. Эта защита было невольная (?). Европа почти не видѣла (?) этого врага, до нея не достигали тревоги и несчастія борьбы, поэтому она и не оцѣнивала никогда того, что было сдѣлано,—несправедливость, которая и до настоящаго времени не давала европейской исторіографіи и обществу вѣрно оцѣнивать историческое положеніе Россіи и существенный источникъ ея запоздалости сравнительной. Съ этими соображеніями можно было бы вполнѣ согласиться, если бы они не игнорировали существеннаго фактора, дѣйствовавшаго въ образованіи отношеній древней Руси къ Западу, къ латинской Европѣ. Характеръ отношеній Европы къ Россіи нами выясненъ довольно явственно; упускать его изъ виду невозможно, если судить о заслугѣ, какую Западу оказала Россія, какъ пограничная съ Азіею держава. Эта заслуга должна бѣть цѣнима гораздо выше, чѣмъ это думаетъ г. Пыпинъ; выше—потому, что Европа знала про бѣдствія, какія испытывала и какимъ могла подвергнуться Россія, между тѣмъ какъ относилась къ послѣдней не только холодно, эгостически, но и враждебно. За помощь, какую предлагалъ Западъ Россіи противъ ея враговъ, требовалось отъ послѣдней то, чему она никакъ не могла измѣнить; этого мало: бѣдствія Россіи, испытанныя отъ азіатскихъ нашествій, усиливались борьбою съ сосѣдями—европейцами (борьба съ католической Польшею, ливонскимъ и тевтонскимъ орденами и шведами). Такъ какъ цѣли и средства этой борьбы (Россіи съ западными окраинами) находили въ тогда могуще-

ственномъ папствѣ если не всегда инициативу, по крайней мѣрѣ, всегда побужденіе и оправданіе, то справедливость требуетъ признать Западъ виновнымъ въ тѣхъ натянутыхъ, замкнутыхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились древне-русская и латинакатолическая церкви. Извѣстно, что у славянъ съ незапамятныхъ временъ существуетъ вражда къ племени нѣмецкому, которое было само непріязненно славянамъ. Признаки этой враждебности можно видѣть въ непріязненныхъ отношеніяхъ Новгорода и Пскова къ ливонскимъ рыцарямъ и шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ воззрѣніи, какое народъ нашъ имѣлъ и до сихъ поръ имѣетъ на нѣмецкое племя, болѣе извѣстное въ древнѣйшее время подъ названіемъ латинства. Новгородцы и псковичи поддерживали языческихъ эстовъ во враждѣ ихъ съ крестоносцами, и финляндскую эмь въ борьбѣ со шведами противъ распространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственнаго крещенія. Во враждѣ этой участвовали и другія русскія вѣтви. Въ ополченіяхъ Великаго Новгорода и Пскова отличались и суздальцы, и смольняне, и полочане. Съ своей стороны, нѣмцы, поработивъ прибалтійскихъ славянъ, готовились подвергнуть той-же участи и сѣверныхъ русскихъ славянъ, и въ XIII в. уже успѣли покорить Псковъ, но были отражены новгородцами подъ предводительствомъ воинств. князя, Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ псковская земля стала полемъ, гдѣ безпрестанно разыгрывалась и воспитывалась старая вражда славянъ къ нѣмцамъ,—вражда, которой первые зачатки теряются въ доисторическомъ сумракѣ. Съ нѣмцемъ, въ понятіи всѣхъ русскихъ, безъ различія народныхъ видовъ, соединялось представленіе о чемъ-то тяготѣющемъ на свободу нашу; русскій ставилъ его въ противоположность къ себѣ независимо отъ того, былъ-ли самъ этотъ русскій—суздалецъ, смольнянинъ, псковитянинъ, новгородецъ, кіевлянинъ и т. д. [1]). Несомнѣнно, что такія представленія о нѣмцѣ сложились подъ вліяніемъ непріязненныхъ отношеній нѣмецкаго племени къ русскому. Отъ тогдашней христіанской и болѣе просвѣщенной, чѣмъ Русь, Европы древняя Русь въ правѣ была ожидать—лучшихъ

[1]) Истор. монограф. и изслѣд. Костомар. 1, 46—47.

отношеній; съ перемѣною взглядовъ и отношеній католичества къ древней Руси отношенія послѣдней къ латинскому Западу были бы прямѣе, естественнѣе и ближе [1]). Странно, что многіе или упускаютъ изъ виду, или не придаютъ должнаго значенія факту отношенія латинства къ древне-русской Церкви и государству; между тѣмъ фактъ этотъ, какъ дѣйствовавшая причина, такъ важенъ, что безъ него не могутъ быть поняты и объяснены замкнутость и нерасположенность,— черты, какими характеризуются отношенія древне-русской Церкви къ латинству.

Все сказанное нами можно обобщить въ слѣдующихъ заключительныхъ выводахъ:

Древне-русская Церковь (X—XV вв.) относилась къ латинству уклончиво и нерасположенно: съ одной стороны чуждалась его, а съ другой—обличала въ отпаденіи отъ грекосточнаго православія.

На образованіе взглядовъ и отношеній древне-русской Церкви къ латинству содѣйствовали три главныхъ причины или фактора: вліяніе греческой Церкви, бывшей для русской alma mater; условія существованія и развитія русской Церкви, какъ церкви національной; дѣйствія латинства, отличавшагося притязательными стремленіями и наступательною пропагандою по отношенію къ Россіи.

Во внѣшнихъ, церковно-политическихъ сношеніяхъ древнерусской Церкви съ римскою, починъ къ которымъ подавала послѣдняя, первая была послѣдовательна и вѣрна своему первоначальному основному направленію. Исключенія составляютъ дѣйствія князей Изяслава I и Даніила Романовича и митрополита Исидора; но поступки ихъ были личнымъ дѣломъ, совершеннымъ безъ согласія церковной власти.

Полное выраженіе взглядовъ русской Церкви на латинство и (требовавшихся) отношеній къ нему заключается, главнымъ образомъ и преимущественно, въ полемической литературѣ противъ латинянъ.

Полемическая литература и вообще древне-русская письменность изображала латинство исключительно съ отрицатель-

---

[1]) Договор. Новгорода съ нѣмецкими городами. И. Андреевскаго. 55—56.

ной невыгодной стороны; къ обвиненію латинства въ неправотѣ и отступленіяхъ полемика находила въ немъ самомъ если не всегда основанія, то поводы.

Со взглядами Церкви и полемики на латинство сообразовалось древне-русское общество, которое не имѣло ни политическихъ, ни какихъ-либо другихъ дружественныхъ союзовъ съ латинствомъ.

Повидимому, широкія права, предоставленныя католикамъ въ древнѣйшей Руси въ силу юридической вѣротерпимости, не имѣли въ дѣйствительности широкаго приложенія.

Съ точки зрѣнія взглядовъ и отношеній къ латинству нужно разсматривать нѣкоторые вопросы, какъ, напр., объ изученіи латинскаго языка въ древнѣйшей Руси, о нѣкоторыхъ лицахъ западнаго происхожденія, признанныхъ нашею Церковію святыми, о причинахъ и слѣдствіяхъ отчужденности древней Руси отъ Запада и т. под.

Свящ. А. Синайскій.

Рос. Историч. Научн Б-ка
Инвент. №
„ г.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Общій характеръ отношеній древне-русской церкви къ латинству. Вліяніе греческой церкви. Обстоятельства и условія, содѣйствовавшія образованію отношеній и взглядовъ на латинство. Вліяніе и дѣйствія латинства. . . . . 2—31

II. Характеръ внѣшнихъ церковно-политическихъ сношеній древне-русской церкви съ римскою. . . . . 32—39

III. Литературные взгляды древне-русской церкви на латинство. Латинство по представленію древне-русской духовной письменности. Отличительныя свойства полемики противъ латинянъ. Сущность и число латинскихъ заблужденій. Крайніе взгляды на латинство и отношенія къ нему. . . . . 40—88

IV. Административно-церковныя и пастырскія распоряженія и наставленія о латинахъ. . . . . 89—107

V. Церковно-общественныя отношенія къ латинству. Рѣзкая черта между русскими и латинянами. Отсутствіе политическихъ и дружественныхъ связей у русскихъ съ католиками. Исключительность брачныхъ союзовъ русскихъ князей съ иностранцами-католиками. Внутреннія причины, смыслъ и слѣдствія уклончивости и нерасположенности древне-русской церкви къ латинству. . . . . 107—162

Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Складъ у автора: С.-Петербургъ, Новая Деревня, церковный домъ № 3. По тому же адресу можно выписывать и др. сочиненія автора:

Краткій очеркъ церковно-общественной дѣятельности преподобнаго Максима Грека по части обличенія и исправленія заблужденій, недостатковъ и пороковъ русскаго общества XVI ст. (1518—1556 г.). Спб., 1898 г., ц. 50 к.

Краткое описаніе жизни преподобнаго Максима Грека Спб., 1898 г., ц. 20 к.

Отношеніе Русской церковной власти къ расколу старо-обрядства въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ. (1721—1725 гг.). Изслѣдованіе. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 75 коп.

Дозв. ценз. Спб. 21 декабря 1898 г. Тип. Спб. Акц. Общ. „Издатель“, Ковенскій, 14.